ВСЕГДА ГОТОВ!

П И О Н Е

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

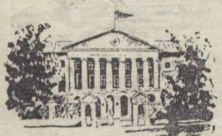
Год издания 34-й

№ 6
ИЮНЬ
1957

В этом номере:

На обложке:
Рисунок Е. Ведерникова
«Морские волки» на реке».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

й галстук

еди

трюка

тер

урова.

Книга Нины Ивантер «Жил-был мальчик» рассказывает о жизни обитате поселка Косая Балка, окраины большого приморского города. Молчаливый Ф Кострюк, его друг Славка Васильков, Славкина сестренка-задира Валька, В Рудик, приехавший на лето в Косую Балку из Москвы, строгая звеньевая Мару Костандаки, отрядный барабанщик Сема Гольдин — вот герои книги. С ним взрослые: вожатая Галя, инженер Сергей Николаевич Михайленко, учительница Ольга Нестеровна, доктор Петр Ефимович Толь...

В первой части книги рассказывается о мирной жизни Косой Балки. О летнем школьном празднике, о ночных рыбалках, о военной игре, о пионерском костре... На этот костер Славка привел Федю Кострюка. Один Федя сюда не решился бы прийти: он не пионер. Этот костер кончился для Феди счастливо: он познакомился с Сергеем Николаевичем Михайленко. Сергей Николаевич пришел на пионерский костер, чтобы рассказать ребятам о революции и гражданской войне, в которой он участвовал, когда был совсем еще мальчиком. Домой они с Федей пошли вместе. И в эту ночь, когда они вдвоем шагали по тихим ночным улицам, началась их большая дружба...

...Война изменила всю жизнь обитателей Косой Балки, взрослых и детей. Город отчаянно, героически сопротивлялся, но вынужден был сдаться. Косую Балку заполонили фашистские солдаты и офицеры. Началась тревожная, трудная и героическая жизнь...

Главы, которые вы тут прочитаете, взяты из третьей, последней части книги.

1

Славка сидел на кровати и угрюмо перелистывал какую-то растрепанную книжку. Он обрадовался, увидев Федю.

Федя отозвал его в сторону.

— Слушай, Славка, — спросил он шепотом, — помнишь, ты один раз стих сочинил про Мишакова Шурку, как он голубей гоняет?

— Помню:

Александр Мишаков, кто его не знает!
Он и в праздники и в будни голубей гоняет...

— Вот-вот! — радостно сказал Федя.

Голубь вьется в вышине,
Саша машет в тишине.
А в дневник, как птицы,
Влетают единицы, —

продолжал Славка. — Там еще что-то было, только я не помню...

— Слушай, — сказал Федя, — вот бы ты сейчас сочинил какой-нибудь стих, мы бы переписали... повесили бы где-нибудь, и все читали бы.

— Чудак,— усмехнулся Славка,— кому это сейчас интересно, кто там голубей гоняет или что!

— Да нет, зачем про голубей! Про голубей не надо... Про Гитлера...

— Как про Гитлера?

Некоторое время Славка молчал, глядя на товарища широко раскрытыми глазами.

— Слушай, — медленно сказал он, — а если не только про Гитлера, а вообще про все? Про то, как у Колесничихи... и про пленных, и про Костюченкова? Потом еще можно карикатуры нарисовать и заметки написать. А тогда повесить.

— Значит, стенную газету?

Как это часто бывало и раньше, идея, поданная Федей, в устах Славки преобразилась, и Федя не узнал ее.

— И, потом, знаешь еще что...

В кухню вошел Вадим с ведром воды. Славка замолчал. Вадим поставил ведро на скамейку и стал разматывать шарф. Шарф запутался и не хотел разматываться. Вадим покраснел.

— Пошли, Федька, — сказал Славка, — чего там!

Мальчики вышли на крыльцо. Они стояли там долго, продолжая обсуждать великолепную идею и не понимая, как это раньше не додумались до такой простой вещи — выпустить стенгазету!

Вечером, когда все легли спать, Славка взял коптилку и вышел на кухню. В доме было тихо, только из угловой комнаты доносился храп. Славка отточил карандаш, раскрыл тетрадь и задумался... Днем, когда он говорил с Федей, ему казалось, что стоит только сесть за стол, и слова сами побегут по бумаге. Весь вечер он не мог дождаться, когда наконец все улягутся и он останется один. И вот он один, и никто ему не мешает, а слова не идут.

Сильная струя дождя ударила в окно. Славка встал, отодвинул занавеску. За окном была чернота. Невидимая в темноте ветка постучала в окно, как будто прося впустить ее в дом. Славка снова сел за стол.

Раньше ему ничего не стоило сочинить стихотворение; он садился за стол, и слова сами лезли под перо, он даже не всегда успевал их записывать. А иногда они приходили, когда он их вовсе не ждал, и с ним не было ни карандаша, ни бумаги. Но он не жалел об этом — прозвенели и унеслись, пусть. Придут другие, еще лучше... Сейчас он не мог написать ни строчки.

Из маленькой комнаты послышался Валин плач. Храп в угловой смолк: видно, немец проснулся от детского плача. Потом оттуда донесся сердитый горловой голос. Мать вошла в кухню, держа завернутую в одеяло Валю.

— Тихо, моя деточка, рыбочка моя. Спи, Валечка...

Девочка тихо стонала. Мать носила ее по кухне, тихонько укачивая, пока она не заснула.

— Гитлер проклятый... Гитлер проклятый... — шептал Славка, оставшись один.

Если бы он мог передать этими словами ненависть и ярость, которые кипели в нем! Если бы люди могли услышать эти слова такими, какими их слышит он сам!.. Славка написал их на белом листе — они были немы. Почему же не приходят те, настоящие, единственные слова, которые могут передать все, что он чувствует в эту темную, злую ночь?.. Мальчик измучился и уснул, положив голову на стол.

Утром пришел Федя.

— Ну как, написал? — хмуро спросил Славка.

— Написал, — смущенно ответил Федя, — только там ошибки.

Он вытащил из кармана несколько измятых листочков, выпачканных в угольной пыли.

Славка взял листки.

«У Гончаренковых три солдата повытаскали все добро из сундука, — было написано в первом листке. — Тетка Домна стала плакать, так они велели ей разуться и забрали чеботы».

Он взял второй.

«Бабушку Колесничиху побили. Она стала плохо слышать на одно ухо. А потом пришли еще другие и сказали, чтобы она несла яиц. А она не слышит. Так они тоже побили ее. Теперь она лежит. Наверно, скоро помрет».

«У Мокроусов постреляли всех кур. Трех сварили и съели, а других облили бензином и спалили...»

Славка оставил листок. Слова, так долго не приходившие к нему, слова, которые он так мучительно выдавливал из себя, вдруг зазвучали сами. Он сунул в руки растерявшегося Федьки листки и схватил карандаш.

Они пришли к нам — и стало темно,
Стало темно на земле.
И птицы молчат, и цветы не цветут,
И только холодные льют дожди.
Их ненавидят все люди на свете,
Их ненавидит трава,
И дерево поднимает высоко свои ветви,
Чтобы не трогать их скользких лиц.
Люди! Давайте будем бороться,
Поднимем наш красный советский флаг.
Пускай они знают, что нет им места,
Что нет им места на нашей земле...

Славка писал, не кончая строчек: мысль обгоняла слова.

Через несколько дней все было готово: заметки и стихи переписаны, рисунки нарисованы. Теперь оставалось только раздобыть большой лист бумаги, чтобы наклеить все это, и еще достать красной краски: без красного флага выпустить стенгазету было невозможно.

— Дойдем до Костандаки? — предложил Федя. — Там, наверно, остался какой-нибудь лист.

— Что ж, по-твоему, дедушка Костандаки выпускал стенгазету? Откуда у него может остаться?

— Не у деда. У Маруси у вашей: она ж звеньевой была.

...Маруся вышла на крыльцо. Из большого тети-

Грушиного платка лицо ее выглядывало, как из домика, выпуклые глаза смотрели грустно.

— А зачем вам бумага? — спросила она.

Ответа на этот простой вопрос мальчики не приготовили. Федя посмотрел на Славку: может, сказать ей все по правде, как есть? Славка откашлялся:

— А у нас... это... у нас Валька заболела. Так мы вот с Федькой хотим ей рисунки рисовать... Она, понимаешь, все ревет и ревет... Мы ей нарисуем чего-нибудь, может, перестанет.

Маруся вернулась в дом и долго не появлялась. Потом вышла, держа в одной руке свернутый в трубку бумажный лист, а в другой — картонную коробку из-под башмаков.

— Вот, — сказала она, протягивая коробку, — это тоже для Вали вашей.

Славка открыл коробку и узнал куклу: когда-то он видел ее в нижнем ящике шкафа в Марусиной комнате. Теперь кукла сидела в углу коробки, растопырив толстые руки, а вокруг были втиснуты какие-то узелочки.

— Это ее платья, — объяснила Маруся и почему-то вздохнула, — а это постель — одеяло там, подушка. — Она поправила куклу, склонившуюся набок. — А это вот бумага, другой у меня нет.

Мальчики развернули большой бумажный лист. На одной его стороне был нарисован круглолицый мальчик с сизыми щеками, под мальчиком было написано: «Пионер — всем ребятам пример». Было что-то жалобное в его нелепой физиономии. Дети некоторое время без улыбки рассматривали толстощекого пионера, потом перевернули лист на другую сторону. Это было как раз то, что им нужно: здесь лист был чистый.

На крыльцо вышел дедушка Костандаки. За то время, что мальчики не видели его, у деда отросли усы, они как будто закрыли улыбку, которая раньше постоянно бродила вокруг рта.

— Ну, хлопцы, как она, жизнь-то? — спросил Андрей Константинович и, не дожидаясь ответа, сказал: — Оно надо бы хуже, да где возьмешь.

— Маруся, — вспомнил Славка, — а нет ли у тебя красной краски или туши? Нам, понимаешь, надо флаг нарисовать через всю газету, а то...

Славка осекся и замолчал. Но Маруся ничего не заметила.

— Нет,— сказала она печально,— у меня только зеленая.

Они вернулись домой. Валька спала. Матери и Вадима не было дома. Угловая комната была закрыта на замок: видно, немец убрался куда-то. Мальчики разложили на столе бумагу и стали наклеивать на нее аккуратно переписанные заметки и стихи.

— Я тоже хочу! — захныкала вдруг Валька; она проснулась и сквозь открытую дверь видела, что мальчики заняты чем-то интересным. — Дайте сюда... покажите мне!..

— На, — сказал Славка, кладя ей на кровать коробку с Марусиным подарком, — это тебе.

— Нет, — сказала Валя, — я хочу эти... картинки... Хочу-у-у!..

Раньше она могла плакать сколько угодно, Славку это не трогало. Но сейчас плач у нее обычно переходил в тяжелый кашель, она начинала задыхаться. Этого Славка не мог видеть.

— Только смотри, Валька, если ты хоть кому-нибудь проболтаешься... — угрожающе сказал Славка.

— Никому я не скажу. Зачем это я буду говорить?.. А это кто на таких ножках? Ой, Славка, кто это?

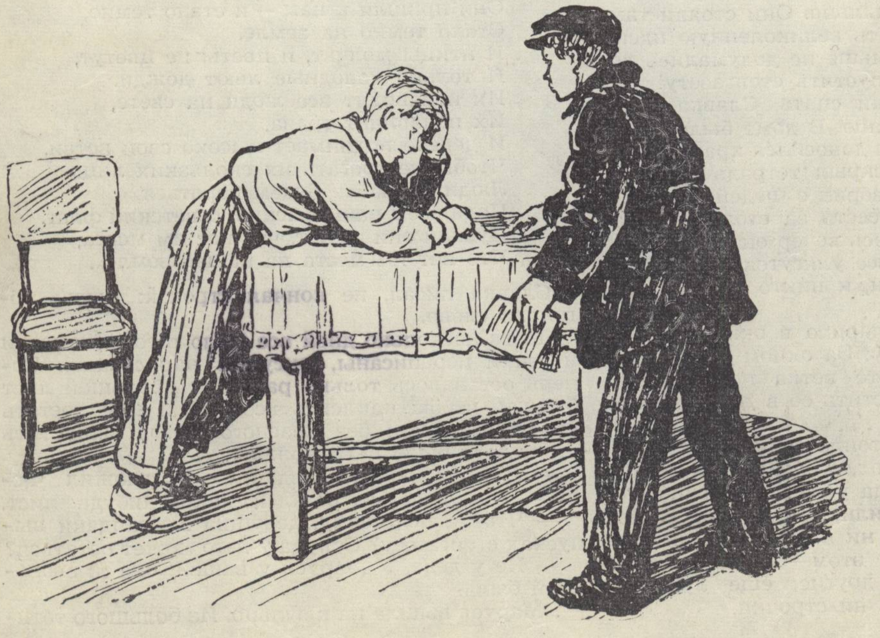
— Гитлер, — коротко ответил Славка.

— А это?

— Красноармеец, — объяснил Федя. — Он сейчас застрелит Гитлера, видишь, прицелился.

Валя засмеялась и захлопала в ладоши. Рисунки ей очень понравились. Славка снисходительно посмотрел на сестру, потом на газету и вдруг засмеялся сам: правда, здорово получилось!

Так они любовались рисунками, покуда кто-то в сенях не загремел дверью. Мальчики приподняли Валин матрац, сунули туда стенгазету, еще раз строго-настрого приказав девочке никому не говорить, что там лежит.

2

— Доктор! — воскликнула мать, увидев входящего во двор Толя.— А я, дурная, не поверила Славе: кто ж, думаю, пойдет до нас, да еще по такой погоде?

Доктор стоял на крыльце, вытирая ноги. От подошв лепешками отваливалась грязь. Мать открыла дверь и, извиняясь, сказала:

— Такая грязюка на улице, не дай бог.

Доктор вошел в дом. Мать суетилась, пытаясь помочь ему снять пальто, убирая калоши. Она тут же принялась тереть калоши тряпкой.

— Ну зачем же,— сказал доктор,— не беспокойтесь, пожалуйста. Вот руки мне действительно следует вымыть, я, знаете ли, прямо из клиники. Хо-

тел к вам раньше выбраться, да никак не получалось.
— А вы в клинике работаете? — робко спросила мать.
— Да, знаете ли, пришлось.
— Конечно, конечно, — подхватила мать, боясь, как бы доктор не принял ее вопрос за осуждение, — мало ли что кому приходится...
Мать сорвала с гвоздя полотенце, но оно показалось ей недостаточно чистым, и она полезла в сундук за другим. Она была сильно взволнована приходом врача. Она чувствовала себя виноватой перед ним за грязь на дороге, за то, что не ходят трамваи и ему пришлось шагать в такую даль пешком, за то, что она ничем не сможет отплатить ему за то великое добро, которое он сделает для ее дочки.
Доктор вытер руки и вошел в комнату, где на большой кровати среди множества подушек лежала Валя.
Лицо матери стало скорбным. Она уже не думала о докторе, который пришел сюда пешком по грязи. Она видела свою дочку, худую, бледную, и перед этой бедой уже не могла думать ни о чем другом.
— Как побыли мы с ней в тех катакомбах, — горестно рассказывала мать, — как надышалась она той сырости, так сырость в ней и осталась. Начала кашлять — и все силы потеряла. А раньше какая быстрая была... Сегодня маненько отпустило ее, а то совсем схилилась. Не бойся, Валечка, не бойся, голубочка, это к тебе доктор пришел.
Девочка посмотрела на большого человека, который занял собой почти всю комнату, и на секунду в ней проглянула та, прежняя Валька, которой все было нипочем.
— А я и не боюсь, — сказала она.
— Вот это мило, — улыбнулся доктор. — Как же это ты меня не боишься, когда меня вот этакие дяди боятся! Вот как начну тебя сейчас выслушивать и выстукивать — сразу страшно станет.
— А вот и нет!
Мать сняла с Вали рубашку, и доктор стал прослушивать. Его большие руки осторожно поворачивали девочку. Валя тяжело, прерывисто дышала.
— Ну как,— спросил доктор,— все еще не боишься?
Валя покачала головой.
— А вот я тебе сейчас температуру измерю.
— Ну и что ж!
Толь поставил девочке градусник и сел возле нее на табуретку.
— А теперь давай немножко помолчим.
На столе возле кровати лежал толстый Славкин альбом для рисования. Доктор взял его и начал перелистывать.
Все рисунки были сделаны в мрачных черно-коричневых тонах. В последнее время Славка рисовал только так. Может быть, потому, что у него не было других красок. От синей оставалось только узенькое колечко, вся середина была дочиста выбрана кисточкой. Желтая была такая тонкая, что светилась насквозь, как леденец. От красной на картонной палитре осталось только круглое размазанное пятно. Толще всех были три краски: черная, коричневая и фиолетовая. Коричневая раньше редко шла в дело, разве только на стволы деревьев, черная еще реже (что было в мире черного цвета?), а фиолетовую Славка просто не любил, это был скучный цвет диктовок, задач, примеров... Теперь он рисовал фиолетовое небо, коричневые дома, печальных людей в черных одеждах.
Толь медленно перелистывал страницы.
— Настоящий экспрессионизм,— сказал он, дойдя до конца.— Это кто же у вас так рисует?
— А это Славочка наш,— сказала мать.— До войны мы ему сколько тех альбомов покупали! А теперь где же взять грошей, на хлеб, и то не хватает...
Она сказала так и тут же подумала: может быть, доктор сочтет это намеком на то, что ей нечем ему заплатить? И хотя платить было в самом деле нечем, ей стало неловко, и она потихоньку вышла из комнаты.
— Занятно,— сказал Толь, вытянув руку с альбомом и разглядывая страницу. На ней было нарисовано фиолетовое небо и черный самолет, из брюха самолета сыпались коричневые бомбы.
— А Славка Гитлера умеет рисовать,— сказала Валя.
— Гитлера? — переспросил доктор, продолжая рассматривать рисунок.— Ну и как, похож?
— Ага! Руки и ноги как спички, а живот...
Валя повернулась, чтобы показать, какой живот у Славкиного Гитлера.
— Ты лежи, лежи, я сам знаю, какой у него живот. И, пожалуйста, помолчи еще немного.
Но Вале уже надоело молчать.
— А что они с Федькой запрятали у меня!.. Вот не покажу.
— Ну, хорошо, хорошо, можешь не показывать, только лежи спокойно.
Если бы доктор стал расспрашивать, что спрятано у нее под матрацем, и даже стал обещать что-нибудь за то, что она покажет, быть может, Валя устояла бы. Но доктор и не думал просить или обещать. Он посмотрел на часы.
— Потерпи еще две минуты.
— Знаете чего, — сказала Валя, помолчав две секунды,— вы Славке не скажете?
— Нет.
— А Федьке?
— А что, и Федьке не следует говорить? Тогда не скажу.
— Правда?
— Честное слово.
Валя испытующе поглядела на доктора, потом приподнялась и вытащила откуда-то из-под матраца плотный бумажный лист. Толь взял его.
На листе крупными аккуратными буквами было написано: «Да здравствует наша советская жизнь!!!» Пониже более мелко: «Долой фашистов!» После этого Славкины стихи. Рядом рисунок — человечек на спичечных ножках с огромным животом, на лоб человечка падает черная прядь волос. Вокруг рисунка были приклеены тетрадные листочки, исписанные печатными буквами.
Толь прочитал все.
— Та-ак,— протянул он.— И кто же все это делал?
— Так я ж говорю, Славка и Федя.
— И что же это за человек такой — Славка?
— Так наш же Славка.
— А Федя?
— Федька? — Она задумалась.— Тетки Христины.
— И какого они возраста, эти молодые люди?
— Они уже в шестой перешли... А скоро ее вывешивать будут. Славка говорит: надо на мельницу, а Федька хочет возле палатки. У них только красной краски нету...
Валя устала оттого, что много болтала, потом

она уже боялась, что доктор проговорится, хотя и дал честное слово, а главное, ей снова стало жарко и нехорошо. Доктор вдруг стал говорить так тихо, что она его плохо слышала. Ей сделалось смешно: такой большой, а говорит тихо. Она хотела засмеяться, но почему-то заплакала.

Доктор уложил ее поудобней, укрыл. Девочка успокоилась. Он вышел в соседнюю комнату, где была мать.

Что он мог ей сказать! Что его надо было вызвать раньше? Что процесс зашел слишком далеко? Что девочка сильно истощена? Что в таких случаях раньше клали в больницу?..

Мать смотрела на него понимающими скорбными глазами.

— Мой грех, — сказала она и села на скамейку, бессильно опустив руки.— Не захватила.

Доктор сел с ней рядом.

— У моей младшей дочери в шестилетнем возрасте открылся туберкулезный процесс. Жила в прекрасных условиях — и вот, пожалуйста.

— А вылечили вы ее? — со страхом спросила мать.

— Все зарубцевалось великолепно. Веселая и здоровая девчонка. То есть я хочу думать, что это так. Дело в том, что они эвакуировались. Я успел получить только одну открытку. А в пути были сильные бомбежки... И вот, знаете, простить себе не могу, зачем отправил...

Они сидели рядом: Петр Ефимович Толь, медицинское светило, хирург, любимец студентов, и изможденная полуграмотная женщина.

— Не журитесь,— сказала она ласково,— кабы что худое приключилось, вы бы знали: худое, оно быстро бежит. А что отправили их, за то себя не мучайте. Были бы они тут с вами, вы еще больше муки натерпелись бы. Хуже нет той муки, что за своих детей терпишь...

Из комнаты, где лежала девочка, донесся слабый жалобный плач. Мать вскочила. В кухню вошел подросток с красноватыми волосами над высоким лбом.

— Я пойду к ней,— сказал он,— не беспокойтесь.

Мать некоторое время прислушивалась. Плач в соседней комнате прекратился, слышался тихий мерный голос мальчика, рассказывающего что-то.

— Сын? — спросил доктор.

— Нет, это чужой нам. Чужой, а теперь стал как родной, и Валечка к нему лучше, чем к брату.

Мать снова села на скамейку.

— Вот не ест она ничего: что ни дай, все ей не в охоту. «Може,— говорю, — молочка попьешь?» «Буду»,— говорит. Пошла в деревню, носки шерстяные взяла, сменяла. Принесла молока. А она вон одну ложечку чайную выпила и не захотела. А сегодня утром говорит: «Дай, мама, молочка...» А оно уже прокисло.— У матери на глазах показались слезы.— Чем ее теперь поднять?.. Сала соседка принесла смазывать ее,— говорит, помогает, да что-то пока не видать, чтобы помогло...

Доктор встал.

— Завтра утром пришлите ко мне в клинику за лекарством. Есть кого послать?

— Славочка! — позвала мать.

Из сеней вышел Славка, а за ним Федя. Они только что перебирали уголь, руки у них были грязные, на лицах осела угольная пыль.

— Это вот наш Славка, а это Федя, соседский

сын. На кого похожи, прямо перед людьми совестно.

— Ничего не совестно,— сказал доктор, внимательно глядя на мальчиков.— То есть абсолютно не совестно... Вот что, не можете ли вы, друзья, сказать мне, какой у нас в скором времени должен быть праздник?

— День Конституции,— ответили мальчики в один голос.— Пятое декабря.

— А сегодня у нас, кажется, тридцатое? — Толь помолчал.— Вы знаете, где городская клиника? Ну вот, отлично. Завтра утром к девяти приходите в клинику за лекарством.

Доктор подробно растолковал им, где и как его найти, и, попрощавшись, ушел.

На следующий день Славка с Федей отправились в город. Они торопились, боясь опоздать, но тяжелые двери клиники были еще закрыты. Доктор Толь застал их сидящими на ступеньках.

— Как по-твоему, Федька, ничего быть доктором? — задумчиво спросил Славка, когда они шагали обратно с лекарством в кармане.

Федя подумал.

— Ничего, только инженером лучше.

— Нет, а по-моему,— доктором. Только, знаешь, каким? Не тем, кто лечит, а кто лекарства придумывает... Вот придумать лекарство от всех болезней сразу. Выпил — и никогда не умрешь. Живи себе и живи.

— До самой старости?

— Нет, и после старости. Хоть тысячу лет. Сколько хочешь.

Некоторое время мальчики шли молча, размышляя над счастливым открытием, которое пришло так неожиданно.

— Вот было бы раньше такое,— сказал Славка, как будто они уже обладали этим чудодейственным средством.— Сейчас бы и Чапаев был жив, и Спартак, и Степан Разин... Вот здорово! Эти бы все были с нами.

— А что,— спросил Федя,— что, всем его давать или нет?

— Ну да, всем! — возразил Славка.— Тем, кто вред делает, тем не давать, пусть умирают... Или так,— произнес он, подумав.— Будет умирать, сказать: «Поклянись, что больше не будешь делать вред». Поклянется — тогда дать.

Мальчики не заметили, как вышли на центральную улицу города. Мимо них проходили щеголеватые румынские офицеры, накрашенные, как женщины, проносились лимузины, где в окнах на ниточках раскачивались цветные игрушки... А мальчики, оборванные, худые, черные от угольной пыли, шли и щедро раздавали бессмертие.

3

В хате было холодно. Мать не топила,— значит, варить нечего. Федя, не раздеваясь, подошел к столу и вытащил из кармана кусок мамалыги.

Очень хотелось есть, но лучше он подождет мать, а то увидит, что у него ничего нет, и начнет ему свой кусок совать.

Федя вытащил ящик стола, чтобы спрятать туда мамалыгу и не глядеть на нее до прихода матери. В самом углу ящика среди беззубых вилок и ножей без черенков он заметил бумажную модель самолета, которую мастерил когда-то давным-давно. Федя вытащил ее и запустил под потолок. Модель полетела кверху, но, не достигнув потолка, словно споткнулась обо что-то в воздухе и, кувыркаясь, стала падать. Федя запустил ее снова. В это время дверь отворилась, и в хату вошел незнакомый парень в телогрейке, подпоясанный ремнем. Он остановился на пороге и проследил за полетом модели. Она во второй раз ткнулась в какую-то невидимую точку и перекувырнулась.

— Неважно сработано,— сказал вошедший и поднял модель.— Центр тяжести не отрегулирован, и плоскости поставлены неправильно. Твоя работа?

— Моя,— смущенно ответил Федя.

Парень чуть отогнул крылья модели, сделал что-то с хвостом и запустил ее снова. Белая птичка плавно облетела комнату и тихо опустилась у его ног.

— Вот как,— сказал юноша и осмотрелся.— Ты один, что ли? Матери нет?

— Нет.

— Ладно.

Он внимательно взглянул на мальчика.

— Косюру знаешь, Егор Петровича? Не знаешь? Хуже дело. Ну, иди сюда, слушай. Дойдешь до трамвайной остановки, от нее — две улицы. Налево — Городская, направо — Базарная. Пойдешь по Базарной. Первые два переулка пропустишь, третий — тупичок, в него заверни. Понял? Смотри.

Он провел по клеенке твердым ногтем:

— Это вот площадь, а это Базарная, понятно? А вот тупик.

Кисти рук у него были большие, тяжелые и как-то не вязались с почти мальчишеским лицом. Он начертил на клеенке невидимый план и стер его ладонью, хотя ноготь не оставил никаких следов.

— Первый дом пропустишь, второй пропустишь, в третий постучишь. Спросят, откуда, скажешь: Алексей прислал. Понятно?

Федя кивнул.

— А ну, повтори.

— По Базарной, тупик, постучать в третий дом, сказать: Алексей.

— Ну, на первый раз сойдет. Отправишься сейчас. Дороги ни у кого не спрашивай: сам найдешь. Вот как я тебя. Я ведь твое имя не спрашивал, а знаю: Кострюк Федор. Так?

— Так,— растерянно ответил мальчик.

— Ну, то-то.

Он хотел еще что-то сказать, но услышал на крыльце шаги.

— А ну, быстро неси мне воды напиться!

Федя зачерпнул ковшом в ведре.

Когда вошла Христина, парень пил воду. Допив, вытер губы и сказал, обращаясь к ней:

— Извините, мамаша, что без спросу. Пить захотел смерть, а местность незнакомая. Постучался к вам в хату.

Он отдал Феде ковш и не то чтобы подмигнул, а как-то так сделал глазами, что мальчик понял: болтать об их разговоре не требуется.

Парень ушел. Федя смотрел в окно, как он шагает по улице, высокий и складный в своей телогрейке.

— Что это ты как в гостях сидишь? — сердито сказала Христина.— Скидай куртку да затопляй печь.

Федя медленно снял куртку.

— На, возьми пока.— Христина протянула ему кусок хлеба.— Когда еще та каша сварится... Ее и без хлеба можно.

Федя взял хлеб и равнодушно стал жевать. Он продолжал думать об Алексее, который пришел

неизвестно откуда, наговорил всякой всячины и ушел. И зачем ему искать этого Косюру? Чего он там не видел!

Каша уже стала закипать. Христина поставила на стол тарелки, кинула ложки.

— Ты что это, Федька, как неживой? — удивилась она, взглянув на сына, который все еще сидел на скамейке с недоеденным куском хлеба.— Постой, постой, куда собрался?

Федя надевал куртку.

— Куда тебя черт несет?!

— Я зараз! — крикнул Федя уже из сеней.

Через некоторое время он стучался в тяжелые ворота.

— Кто там еще? — сразу же спросил из-за ворот густой и сердитый голос, как будто человек, который стоял там, только и ждал, как бы ему на кого рассердиться.

— Отчините, дядю.

— А ты кто такой, чтобы тебе ворота отпирать?

— Я... Меня Алексей послал...

Открылась низкая тяжелая калитка; она была так ловко врублена в ворота, что мальчик сначала не заметил ее. Перед ним стоял человек, такой широкий в плечах, что казался маленьким, хотя, вероятно, был высокого роста. Густая и кудрявая борода закрывала всю нижнюю часть лица и подбиралась к глазам. Во всем облике этого человека было что-то очень доброе, и не верилось, что это он гудел из-за ворот так сердито.

— Ну, чего стал! — Голос был тот же.— Проходи уж, раз пришел.

Бородач не то чтобы заикался — слова как будто запутывались у него в бороде и выбирались оттуда слегка помятыми.

— Зачем явился? — спросил он.

Федя не знал, зачем, и растерянно молчал. Тот парень в телогрейке, может, просто посмеялся над ним, а он поверил и прибежал сюда.

— Тебя как звать? Ну, что молчишь, Федор, что ли?

Федя кивнул.

— А фамилия?

— Кострюк.

— Ступай за мной.

В глубине двора, обнесенного толстыми досками, стоял дом. На окнах были спущены занавески, вышитые большими красными петухами. На двери дома висел замок, и было непонятно: от себя самого, что ли, запер бородатый свой дом! Однако он не стал отпирать дом, а повел Федю в маленькую дощатую пристройку, примыкавшую к дому. В ней не было окон, и свет проходил сквозь множество щелей в стенах. Когда они вошли в пристройку, Косюра просунул в щель руку и задвинул наружный засов. Теперь, если бы кто-нибудь проник во двор, он и не догадался бы, что в доме есть люди: и дом и пристройка были заперты снаружи.

Бородатый отвел две доски в задней стене, они с Федей пролезли в щель и очутились в большой комнате. На окнах висели занавески, вышитые красными петухами. В углу — икона; ей, казалось, было тесно под низким потолком.

— Стой тут и не балуй,— сказал бородач и вышел.

Феде и в голову не пришло бы, что тут можно баловать. Он прислушался к тяжелым шагам, потом до него донесся голос бородатого:

— Не спите? К вам пришли.

Где-то в соседней комнате отодвинули стул, и Федя услышал:

— Уже? Ну, чудесно!

Голос был такой знакомый, с ним было связано столько хорошего, что внутри у Феди вдруг как-то все ослабело. Раздались шаги, твердые и легкие... Почему они остановились?.. Бас Косюры: «Не беспокойтесь, все замкнуто». Опять шаги... Федя зажмурился, вот сейчас он его увидит!.. Скрипнула дверь. Мальчик открыл глаза.

Не он! На пороге стоял высокий человек в очках, темные усы закрывали рот, маленькая мягкая бородка придавала лицу какую-то неопределенность.

— Не узнал,— весело сказал человек в очках голосом Михайленко.— Честное слово, не узнал!

Он подошел к мальчику, обнял его за плечи и наклонился к нему. Теперь лицо его было совсем близко, круглые стекла блестели у самых Фединых глаз. Федя высвободил руки и снял очки, которые мешали ему разглядеть это лицо.

— Ну да, не узнал, — сказал Федя хрипло. — Узнал.

Темные глаза улыбались ему, а под усами что-то неуловимо дрожало, теплая и сильная рука обнимала его плечи. И Феде стало так хорошо, что он засмеялся. Михайленко, не выпуская мальчика, отодвинул его от себя и оглядел.

— Э, брат, да ты какой худой, черный! Что, очень туго приходится?

— Не, ничего,— сказал Федя, продолжая улыбаться и не замечая своей улыбки.

— Знаем мы это ничего. Как там мать? Что, очень голодно?

— Не, мы с мамкой не дуже голодуем. Есть хуже нас живут. Она брагой на базаре торгует, а я на свалку хожу уголь выбирать. Наберу ведра два, потом продаю.

— Коммерсантами, значит, стали.— Михайленко грустно улыбнулся.— Трудно, небось, с непривычки-то?

— Чего там трудно!

В эту минуту Феде казалось, что ничего трудного и неприятного в его жизни нет.

— Сейчас людям топить нечем; только вынесешь — сразу раскупают... Теперь все ребята на свалку ходят. Есть и девчонки, только те больше как по полведра не набирают. А мы со Славкой когда и по полтора тащим...

В комнату, осторожно ступая, вошел Косюра.

— Не помешаю?

— Нет, Егор Петрович, пожалуйста.

Косюра открыл комод и стал рыться там в каких-то вещах.

— Вот и встретились,— сказал Михайленко мальчику.— Не ожидал, наверно?

— Не, я ожидал. Еще когда мы по катакомбам ховались, я ожидал. Я тогда все наверх ходил, вас выглядывал, думал, може, вы не уехали. А там уже последние корабли поуходили. А Ольга Нестеровна говорит. «Не ходи, — говорит, — давно уехал. Будем,— говорит,— ждать».

— Так и сказала: будем ждать?

— Ага.

Михайленко молчал, глядя куда-то поверх вышитых петухов.

— Она с вами в катакомбах долго была?

— Аж пока немец не пришел. Она учила нас. А потом немец пришел, все оттуда вышли, и она с нами...

Михайленко еще крепче обнял мальчика за плечи.

— Хочете,— сказал Федя,— я сбегаю до нее? Я знаю, где ихняя квартира. Зараз и ворочусь.

— Нет, не хочу.— Михайленко улыбнулся.— Не хо́чу и не мо́жу. Да и тебе, брат, ходить сюда больше не придется: меня тут не будет, а без меня этот бородатый человек тебя сюда не пустит. Верно, Егор Петрович?

Спина Косюры шевельнулась, он произнес что-то, но борода не выпустила ни одного целого слова, и до Феди донеслось только неясное бормотание.

— Ну, вот видишь, — сказал Михайленко.

Он сел на низенький сундук, обитый крест-накрест железными полосами, и посадил мальчика рядом с собой.

— Вот так, брат ты мой. Ну, что у вас слыхать в Косой Балке? Как ваш дом, не заняли?

— Наш нет: у нас холодно. У Славки все время один офицер стоял, у Бойченковых — двое, у Костюченковых — аж шестеро. А у нашего дяди Трофима в деревне весь дом заняли. У него пятистенок; он говорит, знал бы такое дело, половину бы хаты порубил на дрова и в печке спалил. А тетка Дарья им варит... Я один раз махорки им в лапшу насыпал.

— Кому это им?

— Так немцам же. Прихожу до дяди Трофима, а тетка Дарья лапшу им варит, цельный чугун. Она пошла за солью, а я взял, да и кинул жменю полную. Тетка не видела, пришла, помешала, да и отнесла.

— Ну и чем же кончилось?

— А ничем. Они и не почуяли: дуже голодные были. Мало кинул, — добавил Федя с сожалением.

Спина Косюры шевельнулась, но он ничего не сказал.

— А еще один раз мы с Вовочкой Костюченковым воды им в сапоги налили. Идем с колодца, а у Бойченковых во дворе солдат хромовые сапоги чистит. Его кликнул офицер, он пошел, а мы — раз! — и плеснули. В один. Другой он с собой унес. Ну, один тоже ничего: сапоги, они долго сохнут.

Федя давно не говорил так много и так свободно. Он вообще говорить не любил. Даже когда надо было говорить длинно,— например, на уроке,— у него всегда выходило коротко, и он удивлялся: откуда это берут люди слова?.. Но при разговоре с Михайленко Федя чувствовал, словно внутри отодвигается какая-то заслонка, которая мешает словам свободно выходить. Как бы ни смотрел на него Сергей Николаевич, серьезно или с усмешкой, Федя знал: он слушает его и понимает вполне.

Вот и сейчас Сергей Николаевич грустно усмехался. Он не перебивал мальчика, ничего не выспрашивал у него — тому самому хотелось рассказывать. Глаза у Феди блестели, он улыбался, хотя то, что он рассказывал, было совсем невесело. И улыбка его относилась не к собственному рассказу и не к себе, а к тому, кто так грустно и внимательно слушал его.

Вся душа этого ребенка была открыта Михайленко. И такая нежность, какой он не знал в себе, была у него к этому оборванному и худому мальчишке и такой страх за него...

Как уберечь его? Что сделать для того, чтобы он и все такие, как он, остались живы? Прав Иван Григорьевич: главное — это они, эти мальчишки, эти дети, им жить на освобожденной земле, жить, дышать, радоваться, строить заново то, что разрушено... Но как объяснить этому ужасно милому, страшно нужному человеку, что главное для него — остаться живым? Куда, в какую башню, в какое подземелье запрятать всех детей, которые остались по эту сторону войны и ходят бок о бок с такими врагами, каких еще не видел мир? Но как скажешь ему: сиди в уголке, не подавай голоса, пока мы не сделаем всего, что надо? Как же, усидит такой!

— А за линией,— продолжал Федя,— лагерь пленных. Там вышек понастроили, а на каждой солдат с автоматом. Славка говорит, если подползти туда от водокачки, так не увидят, можно хлеб им отнесть или еще чего...

— Милый ты мой человек,— сказал Михайленко и притянул мальчика к себе.— Ну что мне с тобой делать?

— Привязать за ногу,— неожиданно внятно

сказал Косюра, не оборачиваясь.— Хай сидит и не рыпается.

— Это бы неплохо,— улыбнулся Сергей Николаевич.

Он встал и прошелся по комнате.

— А ведь ты мне еще не все рассказал,— проговорил Михайленко, остановившись против мальчика.— Как там ваша стенная газета?

— Так мы ее еще не повесили. Пятого декабря повесим. На мельнице. Вот только краской никак не разживемся. Я говорю Славке, можно и без краски, а он говорит, нет. А можно, Сергей Николаевич? Вы как скажете?

— Как я скажу...— медленно повторил Михайленко.— Слушай, Федя, что, если я дам тебе одно задание?

Мальчик встал и смотрел на Михайленко с такой готовностью, что тот не выдержал этого выжидающего взгляда.

— Ты не думай, что какое-нибудь там особенное задание, но поверь мне: это для тебя, для Славки твоего и для всех других, таких, как вы,— самое главное.

Федя кивнул, не спуская с Михайленко напряженного взгляда.

— Задание такое,— твердо сказал Сергей Николаевич.— Без моего приказания ничего не делать. Оставить всякие там штуки с махоркой, сапогами и со всем прочим.

Мальчик молчал, не спуская с него глаз. Косюра крякнул.

— Ты пойми, ждать — тоже большое дело. Просто ждать. Придет время, и я сам скажу тебе, что надо делать.

— А скоро скажете?

— Вот на это я тебе сейчас не отвечу. Но обещаю: когда мне без тебя не обойтись будет, я тебя позову. Ну как, идет?

— Идет,— сказал мальчик серьезно.

— И ты уж, пожалуйста, без меня ничего не предпринимай.

Федя кивнул.

— А со стенгазетой как же поступишь? — спросил Сергей Николаевич, помолчав.

— Так повесим же ее пятого декабря!

— Вот тебе и раз! Ведь мы только что условились, что ты ничего не делаешь без меня.

— Так она уже сделанная, ее только повесить осталось.

— Не надо ее вешать.— Михайленко взглянул на мальчика, опустившего голову.— Дорогой ты мой, ну вот послушай. Простой расчет: сколько она проживет, ваша газета? Если принять во внимание, что у мельницы ходит патруль, то не больше часа...

— А не надо у мельницы,— живо возразил Федя.— Я говорил Славке, лучше у палатки.

— Ну что мне с тобой делать? Пойми, где бы вы ее ни повесили, кончится тем, что за вами придут и вас посадят... Погоди, погоди, я знаю, что вы со Славкой ничего на свете не боитесь, но ведь этим дело не кончится! Вряд ли они поверят, что вы додумались до газеты одни. Для этого им надо хоть немного знать, что вы есть за люди, а откуда им это знать? Значит, вы потянете за собой много других, например, таких, как мать или вот он.

Косюра поглаживал бороду и с интересом слушал разговор.

— А у него,— продолжал Михайленко,— между прочим, есть другие дела, и сидеть ему сейчас просто никак нельзя... Федя, дорогой мой,— перебил себя Михайленко,— ты уж лучше просто поверь мне на слово: не нужна сейчас ваша стенгазета, не надо ее вывешивать! Поверь мне и послушайся меня. Поверишь?

Федя поднял голову и посмотрел на Михайленко открытым взглядом.

— Ладно.

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Михайленко положил руку на Федину голову и сильно взъерошил ему волосы. Так он делал раньше, когда бывал особенно доволен им.

— Теперь скажи мне, как же ты все-таки поступишь с газетой?

— Спалю.

— А если Славка не захочет?

— Я ему скажу, что надо.

— Но как же ты объяснишь ему? Вот, мол, был я в таком-то месте, видел таких-то людей, они мне велели то-то и то-то? Так, что ли?

Сергей Николаевич, прищурившись, смотрел на мальчика. Тот ответил не сразу, стараясь понять, чего хочет от него Михайленко. Потом покачал головой:

— Я скажу ему сам от себя.

— Та-ак. А если он не послушает?

— Все равно спалю.

— А рассказывать, где ты был, с кем разговаривал, не будешь?

— Тому не будет,— вмешался вдруг Косюра,— а другому возьмет да и скажет.

— Э, нет, Егор Петрович, вы его не знаете. Он все великолепно понял и не скажет никому: ни матери, ни учительнице, ни товарищу. Верно, Федя?

Мальчик кивнул.

— А что скажешь мамке, как спросит, куда бегал?

— Скажу, на базар ходил хлеба купить. — ответил Федя, глядя не на спрашивающего Косюру, а на Михайленко, который смотрел на него с веселым любопытством.

— А что ж с пустыми руками воротился? — спросил опять Косюра.

— Грошей не хватило.

— А может, их у тебя и не было?

— Ну да, не было! — Федя вытащил из кармана две скомканные бумажки и показал их Сергею Николаевичу.— Вот. Кило хлеба стоит четыре марки, а у меня две.

Михайленко засмеялся.

— Ох, и хитрющий же ты человек, Федя! Я ведь и не знал, что ты такой. Сколько еще в тебе такого, чего я не знаю?

Федя не понял вопроса и посмотрел на Михайленко светлыми глазами.

— Так-то, брат. А теперь пора прощаться. Егор Петрович, я думаю, его лучше через вторую дверь выпустить?

— Нет,— быстро сказал Федя,— меня еще не надо выпускать.

Он не думал, что их встреча так быстро кончится, он ведь еще и половины не успел рассказать и не спросил ни о чем!

— Ничего, Федя,— улыбнулся Михайленко.— Еще увидимся, и все будет хорошо, поверь мне.

Косюра вывел мальчика через другие сени, и Федя очутился в каком-то незнакомом переулке; однако он быстро сообразил, куда надо повернуть, и через несколько минут уже шагал по Косой Балке.

Только подойдя к дому, Федька вдруг удивился: откуда же это Сергей Николаевич узнал про стенгазету, ведь он ему ничего не говорил! Или, может, сказал, да забыл?

На подоконнике лежал белый самолетик. Федя взял его и запустил. Легкая бумажная птица плавно облетела комнату и села у Фединых ног. Мальчик счастливо засмеялся.

Христина, которая собралась было ругать сына, посмотрела на его возбужденное лицо и мирно сказала:

— Садись за стол, с утра ведь ничего в рот не брал.

4

Федя стоял перед Галей, переминаясь с ноги на ногу. Галя вопросительно смотрела на него.

— Галя,— сказал он наконец,— я ведь не пионер.

— Я знаю, Федя, у нас в пятом «Б» было три непионера.— Она задумалась.— Мы всегда на Октябрьскую революцию принимали и еще на Первое мая...

Федя подождал, не скажет ли она еще что-нибудь, но Галя молчала, видимо, вспоминая что-то. И тогда Федя, прокашлявшись, попросил:

— А пусть меня сейчас примут.

— Сейчас? — удивилась Галя.— Ну как же это сейчас! Хотя постой... Я думаю, в исключительных случаях вожатый имеет право принять в пионеры без совета отряда и без общего сбора... Ну что ж, Федя, я думаю, ты заслужил право называться юным пионером.— И она положила руку на плечо мальчика.— Можешь с этого дня считать себя пионером.

Федя молчал, глядя в пол. Нет, не такого он ждал, не о таком мечтал, не про такое думал! Он знает, как принимают в юные пионеры! Весь отряд стоит, выстроившись перед знаменем. Все в белых рубашках и красных галстуках. А перед ними тот, кого будут сейчас принимать. Он тоже в белой рубашке. Но еще без галстука. А сзади знамя, на знамени значок: горят, не сгорая, поленья, над ними три огненных языка и сверху написано: «Всегда готов!». Все смотрят на того, кто без галстука, а он говорит слова, от которых становится немножко холодно внутри и на коже появляются мурашки: «Я, юный пионер, перед лицом своих товарищей...»

— Что ж ты молчишь, Федя? Ты чем-то недоволен? Не мотай, пожалуйста, головой, я ведь вижу. Ну скажи: в чем дело?

Федя, путаясь и сбиваясь, рассказал ей, о чем он думал.

— Ну что ж...— задумчиво проговорила Галя.— Наверно, я на твоем месте думала бы так же... Ты иди, Федя. Я тебе потом скажу. Может, и в самом деле что-нибудь устроим.

...Пионерский сбор был назначен в доме Костандаки. Все, кто был приглашен, уместились на одной недлинной скамейке. Стол был накрыт чистой суровой скатертью, пахло свежевымытыми полами, на окошках в банках, обернутых цветной бумагой, стояли бледно-голубые высохшие васильки.

— Андрей Константинович, вы не уходите,—попросила Галя дедушку, который было поднялся, чтобы выйти из комнаты.

— Добре,— согласился дед и сел на прежнее место.

— Построиться,— тихо скомандовала Галя.

Первым в строю стоял Вадим, вытянувшийся, с длинными руками, торчавшими из рукавов. Теперь он совсем не походил на того чистенького, хорошо одетого мальчика, который когда-то шел по зеленым улицам Косой Балки, удивляясь тишине. Рядом с ним стоял Сема Гольдин, лицо его уже не имело мертвенно-бледного оттенка, но в узких темных глазах по-прежнему была тоска и скорбь. Славка занял было свое прежнее место, справа от Маруси, но вдруг с удивлением обнаружил, что Маруся, которая всегда была выше его, стала почему-то ниже. Он и не заметил, что вырос. Они с Марусей посмотрели друг на друга и поменялись местами.

— Федя Кострюк,— сказала Галя,— стань перед строем лицом к товарищам, так, чтобы они видели тебя, а ты видел их.

Федя стал посередине комнаты против ребят, лицо его было розовым от волнения, уши горели, а кожа на руках покрылась мелкими пупырышками, как будто ему было холодно.

Галя посмотрела на ребят. Они стояли и ждали ее слова.

— Сегодня мы принимаем в свои ряды нового товарища. Он вступает в пионерскую организацию в очень трудное время...— Галя начала спокойно, но вдруг у нее заколотилось сердце.— Бок о бок с нами ходят фашисты. Мы раньше только читали про них. А теперь видим: они в тысячу раз хуже. Они хотят покорить нашу страну, они хотят, чтобы все мы — и старые, и молодые, и совсем маленькие — стали их рабами. Но напрасно они на это надеются, совершенно напрасно. Мы были и останемся советскими людьми, коммунистами, комсомольцами, пионерами. И напрасно они думают, что они тут навсегда. Красная Армия...— Галя запнулась. Сказать им, что Красная Армия уже идет по Украине? (Об этом говорилось в листовке, которую вчера ночью они с Борисом и Мусей расклеивали по городу.) — Одним словом, Красная Армия помнит о нас, и она придет к нам, можете не сомневаться...

Ребята стояли перед вожатой. Сема, сжав кулаки, смотрел на нее, темные глаза его горели. Вадим и Славка крепко взяли друг друга за руки, забыв о том, что они в строю. Маруся заплетала и расплетала кончик длинной косы.

— Федя Кострюк, подойди ко мне и повторяй за мной: «Я, юный пионер...»

— Я, юный пионер,— повторил Федя.

Да, с этого дня, с этой минуты он уже не просто мальчик, не просто Федька Кострюк — он пионер...

— Перед лицом своих товарищей...— сказала вожатая.

— Перед лицом своих товарищей...— повторил Федя.

Вот они перед ним, его товарищи. Их еще много, они по всей земле: все, кто носит красный галстук, — его товарищи, а он товарищ им...

— Торжественно обещаю...

Да, он обещает и никогда не изменит этому обещанию, что бы с ним ни случилось. Он будет твердо стоять за ленинское дело, против фашистов, против полицаев, против всех бандюг, которые прилезли на нашу землю!

Галя держала в руках галстук. Выгоревший, старенький галстук с чернильным пятном на одном уголке, пятном, которое никак не отстирывалось. Этот галстук носил когда-то Федин старший брат, который сейчас бился с фашистами.

— Андрей Константинович,— сказала Галя деду. Он давно уже стоял, вытянувшись во весь свой высокий рост, и слушал, кивая головой.— Андрей Константинович, мы просим вас как старшего и уважаемого человека повязать этот галстук юному пионеру Федору Кострюку.

Дед Костандаки не удивился этому предложению, хотя и не ждал его. Он взял галстук за

два конца — в воздухе повис маленький красный треугольник — и сказал:

— Время сейчас, сами понимаете, какое, вам про это вожатая ваша правильно сказала... А только поглядите на цього хлопчика.— Все посмотрели на Федю.— Ему за той галстук фашист проклятущий может голову снять, а он все ж таки одягае его. Добрый хлопчик! Сам Ленин, кабы жив был, ему бы так сказал. Поглядел бы он на вас, на своих детей, усмехнулся бы: «Ось вони, мои диты, промеж самых гитлеровцев живут, а красные галстуки надевают».— Дед покрутил головой.— От то ж, диты...

Он подошел к Феде, надел на него галстук, расправил концы и повернул мальчика лицом к ребятам.

— Ось як, бачьте, новый большевик на свет народился.

— Пионеры, будьте готовы! — сказала Галя, отдавая салют.

И все пионеры и Федя вместе с ними вскинули руки.

— Всегда готовы!

— Пионер Федя Кострюк, займи свое место в строю.

Федя стал между Славкой и Марусей, чувствуя плечи их обоих.

— Пионерский сбор считаю закрытым,— сказала Галя.— Можно расходиться, ребята...

— Що такое? — Дед поднес к уху ладонь.—Мабудь, я не расслышал, это как такое расходиться! Таки дило справили и разойтись? Ни, голубка, у нас так не робится. А ну, Маруська, бежи в камору за музыкой.

— Андрей Константинович, ну как же так?.. А вдруг кто-нибудь войдет?

— Ни, Галю, такого стреляного воробья, як той старый Костандаки, сроду никто не передуривал. А если и вправду какой мамалыжник зайдет, мы найдемо, як его отсюда вытурить.

Дед подошел к двери и сделал приглашающий жест.

— Это вы, пан бандюга? Прошу до хаты. Що у нас тут деется? А ось що: диду Андрию шестьдесят рокив стукнуло. А это внуки пришли поздравить дедушку. Почему горилки немае? Звиняйте, панове, вы ж ее сами вылакали. Без горилки не хочете? Ну, так вот вам бог, а вот порог.— Дедушка взял воображаемого гостя за плечи и поддал ему коленкой.

Дети засмеялись — так забавно дед показал и себя и пана бандюгу.

— А галстук он у нас снимет,— сказал дедушка.— Снимай, снимай, Федя, мы теперь и так знаем, кто ты такой есть. А что до Семена нашего, так он свою норку знает, если что — стрибнет, и не увидят его. Так, Семен?

Дед открыл сундук и вытащил оттуда матерчатый мешочек. Развязал его и высыпал на стол сухие абрикосы. Дети сели вокруг стола, взяли по горсточке. Сухое зернышко стучало внутри каждого абрикоса. Казалось, и абрикоса-то нет — одна косточка. Но все равно было вкусно.

Маруся принесла старенькую, потертую на углах гармошку! Андрей Константинович растянул ее, она тихонько охнула, словно от неожиданности, а потом заиграла. Голос у нее был тоненький, какие-то звоночки весело позванивали в такт мелодии.

Дедушка играл. Одна песня незаметно переходила в другую.

Вадим забыл об абрикосах... Вот широкою долиною идут казаки, а перед ними на могучем коне батько Дорошенко, он ведет свое храброе войско вперед... А это что такое? Ну как же, это ведь «Варяг»! Сильный и грозный «Варяг», который не просит пощады и не сдается врагу... Вот он скрылся в морской пучине, а из дали, из-за гор, из-за лесов летит-гремит лихая тачанка! Эх, тачанка-ростовчанка, и дашь же ты сейчас жару белогвардейцам... А это что? Ах, это та самая грозная песня, которую он слышал когда-то! Вскипает народная ярость и бьется, как волна, она сметет все, что поднялось против народа...

Дед кончил играть и застегнул гармошку.

— Еще,— попросил Вадим.

— Нет, ребята,—остановила Галя,— хватит. Надо расходиться.

— Только не все сразу,— сказал старик,— чередом.

Первым вышел Федя. Галстук лежал на самом дне глубокого кармана отцовской куртки. С этого часа он — Федя Кострюк — пионер. Он дал торжественное обещание перед всеми, и пусть все знают: он будет делать, как сказал. И хотя не он придумал те слова (ему бы сроду так не придумать!), это были те самые слова, какие он хотел бы сказать в такую минуту. Лучше нельзя было. «Я, юный пионер,— тихонько повторил мальчик,— торжественно обещаю...»

5

По противоположной стороне улицы шла Маруся Костандаки. Федя поднялся и подошел к калитке, чтобы посмотреть, куда это она идет. Девочка остановилась как раз против их дома, выбирая место, где можно перейти, и, подняв голову, увидела Федю.

— Тебя дедушка зовет,— сказала Маруся,— иди скорей.

Федя хотел было пойти в обход по сухой тропке, но Маруся смотрела на него, как ему казалось, нетерпеливо и сердито, и он, уже не размышляя, пошел напрямик по лужам.

— Кто ж так ходит? — сказала Маруся, сдвинув брови. — Ноги промочишь.

— Не промочу.

— И шея открытая,— строго добавила Маруся,— простудишься!

Федя старался не дышать, когда Маруся застегивала ему крючок воротника, который и без того был ему тесен. Но он ничего не сказал и пошел вслед за Марусей со сдавленным горлом и совершенно мокрыми ногами.

Федя очень удивился, когда рядом с дедом Андреем увидел Егора Петровича Косюру. Они сидели за столом, перед ними стояла бутылка водки, на тарелках лежали соленые помидоры, сушеная рыба. Однако не видно было, чтобы они пили: бутылка была полная, стаканы — сухие. Егор Петрович посмотрел на детей и ничего не сказал.

— Иди сюда, хлопец,— позвал дед.— Сидай вот тут. А ты, Маруська, ступай на свое место.

— Платок надень теплый! — крикнула мать.

Маруся махнула рукой и выбежала в сени.

Федя сидел рядом с дедушкой Андреем. Егор Петрович постукивал ногтем по пустому стакану. Лицо его было сумрачно. Тетя Груша стояла у печки, сложив на груди руки. Федя чувствовал себя неловко между взрослыми. Крючок сильно впивался ему в шею, он хотел было расстегнуть его, но Косюра взглянул из-под густых бровей, и мальчик снова спрятал руки под стол.

— Вот это наш Федя,— сказал дедушка Анд-

рей.— Кострюк по фамилии. Хлопец сурьезный, языком зря трепать не будет. У него батька такой же был: лучше он тебе поле вспашет, чем слово скажет.

— Хлопчик моторный,— вставила тетя Груша.— Он тут все скрозь знает. А Маруся наша? Разве ж она проведет, она забоится.

— Про Марусю и разговору нет,— остановил ее дед.

Косюра, к которому, по-видимому, были обращены эти слова, как будто и не слушал; он все постукивал пальцем по стакану, потом поднял его, посмотрел на свет и поставил на место.

— Старую мельницу знаешь? — спросил он Федю. Слова нехотя продирались сквозь густую бороду.

— Знаю.

— Как от нее пройти к пустырю, где ход в катакомбы?

— По шоссе прямиком.

— Не годится. Еще как?

— Через верхнюю дорогу...

Косюра молчал, постукивал по стакану.

— Через Дальнюю Балочку,— подумав, сказал Федя.

Косюра отставил стакан.

— А от ручья как, через рощу или по-над канавой?

— Через рощу не надо: там вода сейчас вам по шейку будет. Лучше по-над канавой, а там свернете к старому колодцу, от колодца держите на сторожку.

— А почему ж на сторожку, а не на завод? Там же ближе?

— А возле завода патруль.

Дед с удовольствием посмотрел на Федю.

— А если у сторожки солдаты будут?

— Там можно в канаву сховаться. Прямо туда стрибайте и сидите, аж пока не пройдут. Там ничего, можно долго сидеть: канава сухая.

Тетя Груша с жалостью посмотрела на него.

— Это тут тебе ничего, а поди-ка посиди.

Федя взглянул на деда, потом на Егора Петровича. Только сейчас он понял, что они спрашивают его о дороге вовсе не потому, что сами собираются идти. Идти надо ему.

Федя встал из-за стола и расстегнул крючок.

— Сейчас идти?

— От то ж хлопец! — с восхищением сказал дед.— А что я вам говорил!

Тетя Груша качала головой.

Косюра вытащил из кармана брюк часы и послушал их.

— Пойдешь в одиннадцать. Сначала — к мельнице. Там люди будут. Твое дело какое? Идти впереди и дорогу показывать. Довел до хода, спустил их и — домой спать. Понятно?

Мальчик подумал.

— Тот ход заминирован, подорваться могут.

— Разминировали,— коротко сказал Косюра и позвал: — Анатолий!

Тетя Груша заглянула в соседнюю комнату.

— Спит,— сказала она.

— Внизу выспится. Анатолий! — позвал Косюра громче.

Из Марусиной комнаты вышел молодой человек, он моргал светлыми, почти белыми ресницами, волосы его были растрепаны.

— Вот кто вас поведет.— Косюра показал на мальчика.

Юноша взглянул на Федю.

— Сам не знаю, как заснул,— смущенно проговорил он.— Сегодня всю ночь...

— Ладно,— перебил его Егор Петрович.— К одиннадцати часам обеспечить явку всех, о ком говорили.

— Все придут. Только вот не знаю, как с отцом. Мы с ним сегодня раз пять принимались ругаться. Не хочет, да и все. «Пока,— говорит,— ты наверху, не спущусь». Как будто я без него шагу не могу ступить. Надоело мне, прямо сил нет!

— Передай: есть приказ идти ему вниз. Значит, никаких разговоров.

— Вот хорошо! — обрадовался юноша.

Косюра посмотрел на парня, усмешка скользнула у него по лицу.

— И тебе такой же приказ. Вместе внизу будете.

Парень раскрыл было рот.

— До распоряжения никто наверх не поднимется,— продолжал Косюра.— Понятно? А теперь ступай. Ровно в одиннадцать у мельницы.

— Вот это дело! — проговорил Андрей Константинович, когда обескураженный юноша вышел из хаты.— А моя команда никак дисциплины не понимает, ей говоришь направо, а она налево вертается. Видала, Груша, какой есть военный порядок!

— Да будет вам, тату,— с досадой сказала Груша,— вам все смех! А вот как придут до нас зараз немцы да сунутся в сарай, а там сами знаете что!..

— А зачем это им в сарай соваться, они за стол полезут. И не трусись ты за ради бога, Груша: раньше смерти не помрем.

Косюра посадил Федю рядом с собой и заставил его повторить еще раз, каким путем он поведет людей, и что скажет матери, и каким путем пойдет обратно, и что будет делать, если наткнется на патруль.

— Ну, ладно, иди.

Но в сенях он остановил мальчика:

— Постой-ка. Еще что-то надо было. Вот что: обратно пойдешь, смотри, на шоссе не подымайся, низом иди. А то как раз нарвешься на кого не надо, они тебя так не выпустят, даром что мал.

— Так хиба ж я им скажу, что людей в катакомбу водил!

Косюра положил руку на плечо мальчика.

— Разве я о том! Я знаю, что не скажешь. Эх вы, сами вы себя не понимаете, что вы за народ! Ну, ладно. Постой-ка, чуть было не забыл. Держи.

Что-то круглое, приятно тяжелое легло в ладонь мальчика. Он поднес это тяжелое к уху. «Тик-так»,— мирно сказали часы в самое ухо, как будто по секрету.

Федя вышел во двор.

Маруся стояла у ворот.

— Идешь? — спросила она.

— Ага, — ответил Федя и поднес к уху часы. Маруся вздохнула.

— Я сказала дяде Егору, что знаю тот ход, а мама говорит: куда ей, она забоится.— Маруся поежилась.— Страшно тебе?

Федя подумал.

— Тёмно.

— Теперь у нас мама все знает,— снова вздохнула Маруся,— никуда не пускает меня. Как куда идти или чего делать, так она говорит: давайте лучше я сама... Вчера дедушка водил, а в тот раз — Егор Петрович. А сегодня им нельзя: сегодня всю ночь переносить надо...

Маруся замолчала, испугавшись, что сказала слишком много.

— Из сарая? — догадался Федя, вспомнив слова тети Груши.

— Ты знаешь? — обрадовалась Маруся и уже без опаски продолжала: — Сегодня днем снова привезли. Мы испугались, кто это к нам; думали, немцы. А это наши, переодетые. Один знаешь кто? Володя, вожатый, из Красной школы; я его потом узнала, а сначала смотрю,— ну совсем немец... Он больше всех привез — восемнадцать автоматов! Ночью будем в колодец спускать.

— Зачем в колодец? — удивился Федя.

— Так там же у нас ход в катакомбы. Дедушка наш там когда-то камень резал. Вода начинается на пятнадцатом аршине, а на четырнадцатом — ход...

Маруся прислушалась:

— В сарае дверь отворили.

Ветер принес из темноты неясный шум и мелкие водяные капли. Он побрызгал в лицо детям и снова умчался в темноту. Опять стало тихо. Маруся потрогала Федин воротник.

— Опять расстегнул! — укоризненно сказала она. Холодные пальчики щекотали шею Феди. Он стоял, не двигаясь.

— Маруся,— позвала тетя Груша,— иди домой, я постою.

— Видишь,— шепотом сказала Маруся,— даже стоять не дает.

Федя пошел к себе, чувствуя на шее прикосновение Марусиных пальцев. Они как будто оставили там нежный холодноватый след.

Мать собиралась ложиться спать. Федя объявил, что ночует у Славки.

— Что это ты вздумал? — удивилась Христина.— Или Манечка попросила? Ну, ладно, раз идешь, отнеси им сахару, сегодня на базаре купила. Что за жизнь проклятая, и зайти некогда.

Федя, однако, не торопился. Христина стала разбирать постель.

— Ну, если идешь, так иди,— сказала она.— Сахар возьми там, на комоде. А то оставайся: куда на ночь глядя?

Федя взял сахар и вышел в сени. Он пошарил в темноте и сунул кулек с сахаром на полку. Потом нащупал бидон с керосином, достал бутылку. Христина заснула и не слыхала, как Федя наливал в бутылку керосин, как зажигал спички, чтобы посмотреть на часы, и как, наконец, вышел из дому, нечаянно хлопнув дверью.

Теперь, когда неба видно не было и сверху сыпалась мелкая водяная пыль, ничто не напоминало весну, скорее было похоже на глубокую осень.

У мельницы на открытом месте дул сильный ветер. Та изморозь, которая до сих пор сыпалась сверху, теперь летела сбоку, ее приносил ветер. Он швырнул в лицо мальчику полную горсть, потом, помедлив секунду, кинул вторую, и, когда Федя зажмурившись, ждал третьей, он швырнул подряд третью, четвертую, пятую, и, наконец, потеряв счет, швырял и швырял, не переставая, засыпая Федю и весь мир мелкими, как пылинки, водяными каплями.

«Вот какая погода! — с сожалением подумал Федя. — Было б им вчера собираться: вчера тихо было...» Он подошел к мельнице, из темноты выделилось что-то еще более темное и приблизилось к нему.

— Это ты? — сказал молодой голос.

Федя узнал Анатолия, который давеча заснул в Марусиной комнате.

— Ну и погодка — красота! — продолжал юноша. — Мы вчера должны были идти, хорошо, что отменили: луна, кругом светло, тихо — прямо ни к черту... Скоро пойдем, еще одного дождемся. А так все пришли. Обеспечил явку, — добавил он довольным голосом. — Одного только нет. А тебе чего тут стоять, иди к мельнице: там ветер меньше.

Федя подошел к самой мельнице и тут только увидел людей. Они стояли под стенкой.

— Это кто же, не проводник наш? — тихо спросил низкий, грудной голос. Чья-то рука притяну-

ла Федю к себе, он почувствовал сильный и приятный запах махорки. — Тебе сколько же лет?

Федя хотел ответить, но та же рука сильно сжала ему плечо, приказывая молчать. В темноте послышались чьи-то шаги, потом шаги стихли, и Федя услышал голос Анатолия. Он разговаривал с кем-то.

— Кто там, Анатолий? — спросил тот, кто держал Федю за плечо.

— Это Мишка. Он чуть было не влопался! Такая история...

— У тебя все истории, — произнес сердитый старческий голос.

— А при чем тут я, что, со мной, что ли? Ты всегда, батька.

— Тихо, товарищи, — остановил их уже знакомый Феде низкий голос. — Внизу поговорим. Что, можно двигаться? Анатолий!

— Пересчитаться надо,— обиженно сказал Анатолий; он, видимо, все еще сердился на старика.— Станьте как-нибудь ровней, а то собьюсь.

Люди в темноте зашевелились. Анатолий вполголоса стал считать:

— Девятнадцать. Одного не хватает.

— Хорошо считал-то? — спросил сердитый старик.

— Что ж, по-вашему, я уж до двадцати не сосчитаю! Кого ж это нет? Наверно, Виктора. Ему дальше всех идти.

— Пальцем в небо, — отозвался молодой голос. — Я сюда раньше всех пришел.

— Ну, тогда Наташки: она известная трусиха.

— Наташка давным-давно здесь, — сказала невидимая девушка.

— Будет вам, — прервал их старик. — Стань-ка сюда, Анатолий, я сам пересчитаю.

Анатолий проворчал что-то, но стал в ряд со всеми. Старик сосчитал раз, потом другой.

— Девятнадцать! — передразнил он сына. — А себя что, голова садовая, или себя уж за человека не считаешь! Двадцать.

— Глеб Михайлович, можно идти.

Невидимая рука отодвинула Федю.

— Порядок такой: впереди идет мальчик с Анатолием, последним я и Матвей Матвеевич. При любом подозрительном шуме все останавливаются и ждут команды.

Федя поднес к уху часы; они сонно тикали, как будто лежали в мирной комнате возле спящего человека, а не под открытым небом в темном, тревожном мире, где один только ветер ничего не боялся и смело дул в лицо каждому, не разбирая, свой это или чужой.

Федя опять почувствовал запах махорки.

— Ну, друг, веди. Не торопись, спокойно.

Федя кивнул в темноте, как будто его могли увидеть, и пошел, чувствуя рядом Анатолия.

От мельницы надо было свернуть направо, перейти дорогу, а дальше — по нераспаханному полю до старого колодца, потом мимо сторожки. Там уже близко.

Земля была вязкая. Федя с трудом вытаскивал ноги. Земля как будто с сожалением расставалась с башмаками и пыталась задержать их, хватаясь то за один, то за другой каблук.

С краю идти было бы лучше, но здесь безопасней. «Нет, и тут опасно! — спохватился вдруг Федя.— Вчера дядя Трофим отсюда еле ноги унес; шел в деревню прямо по полю, чтобы быстрее, и вдруг из-за старого колодца патруль, и прямо на него...» А вдруг и сейчас за колодцем солдаты? И он ведет людей прямо на них...

— Ты чего это? — спросил Анатолий.— Что остановился?

Федя не ответил и пошел дальше. Все равно сейчас уже поздно менять дорогу. Федя шел все быстрее. Земля почему-то стала рыхлой, ноги уже не вязли в ней. Федя пошел еще быстрей, и вдруг ноги его вместе с землей поползли куда-то вниз. Он с размаху сел на землю и вцепился в нее руками, чтобы не съехать еще ниже. «Овраг!» — с ужасом подумал он. Спине стало жарко. Если он их завел к оврагу, им отсюда не выбраться.

Сзади подошли люди, он слышал, как они остановились. Федя встал. Ноги у него дрожали.

— Что случилось? — спросил низкий голос.— Не туда зашли?

— Не,— ответил Федя хрипло,— ничего.

Надо сейчас пересечь поле; если на той стороне кусты, тогда он просто свернул немного вправо. Если кустов нет,— значит, это овраг, и тогда...

— Ты не волнуйся,— сказал тот же голос,— заблудиться ты не мог, а если сбился немного,— не беда. Подумай и сообразишь.

— Вы постойте тут, я сейчас.

Федя пошел по вязкой земле, с трудом вытаскивая ноги и вытянув вперед руки. Было так темно, что кустов не увидишь.

Он шел бесконечно долго, ноги все так же вязли. Кустов не было. Он остановился, потом с трудом выдрал ноги из земли и побежал. Не успел он сделать несколько шагов, как что-то колючее хлестнуло его по лицу — кусты! Федя нащупал в темноте мокрые ветки и побежал обратно.

Люди стояли там, где он их оставил.

— Вот он, товарищи,— сказал низкий голос.— Куда он от нас денется. Ну как, сориентировался?

— Идемте,— ответил Федя.

Теперь он уже не думал о немцах, которые могли оказаться у старого колодца, главное было не сбиться с дороги. Если он идет правильно, — слева должна быть сосна. Вот она, сосна, он даже в темноте различает ее раздвоенную вершину. От сосны идет тропка. Вот она, тропка. Сразу стало легче идти. Федя пощупал карман: часы лежали на месте. Он вынул их, приложил к уху; часы тикали себе и тикали. «А чего им, — подумал Федя, — они свое дело знают. Они свое, а я свое».

— Далеко еще? — шепотом спросил Анатолий.

— А вот сейчас направо будет старый колодец, а там мимо пней и выйдем к сторожке. Оттуда близко.

Тропка, кажется, уже кончилась, а колодца все не было. У Феди даже глаза заболели: так пристально всматривался он в темноту. Нет, колодца не было... Но ведь от сосны ведут две тропинки, вспомнил Федя: одна, верно, к колодцу, а другая-то к шоссе! Может, он пошел по правой, к шоссе? Спина опять сделалась горячей, и даже голове стало жарко.

— Фу ты, черт,— выругался шепотом Анатолий.— Чуть ногу не сломал.— Он прошел еще несколько шагов и снова споткнулся.— Пни какие-то!

Федя прошел мимо колодца, не заметив его! Надо было свернуть немного, пни останутся в стороне. А там сторожка — и ход в катакомбы.

До сторожки они дошли быстро. Теперь уже ничего не страшно: отсюда он с завязанными

глазами доведет. Впрочем, глаза и так были как завязанные. Федя почувствовал под ногами мелкий щебень. Еще несколько шагов — и вот он, ход!

— Не поколитесь,— сказал Федя,— тут кусты.

— Какие там еще кусты! — проворчал старик.— Кусты какие-то придумал...

— Постойте, дедушка, я подержу, а вы проходите.

— Дедушка... скажи, пожалуйста, какой внучек объявился.

Один за другим все прошли вниз. Федя вошел последним. Люди стояли, сгрудившись у входа, не зная, куда двигаться дальше. Мальчик ощупью пробрался мимо них и зажег спичку. Отсюда шел широкий каменный коридор, а за поворотом — большая ниша; если им там не понравится, можно пройти дальше. Федя не успел дойти до поворота, как его остановил чей-то тихий и мрачный голос:

— Кто такие?

Спичка в руках у Феди догорела и потухла. Кто-то отстранил его и стал перед ним.

— Пароль,— сказали из темноты.

— Пулемет,— ответил низкий голос.

Кто-то чиркнул в темноте спичкой, загорелся фонарь, и человек, державший его (очевидно, тот, кто остановил их), сказал:

— Идемте, товарищи.

При свете фонаря Федя увидел темные, сросшиеся брови и молодое лицо. Это был Борис Корольков из девятого класса, председатель учкома.

Он довел их до широкой ниши и ушел, оставив им свой фонарь.

Федя сел на низенький камень. Теперь он мог разглядеть всех, кого привел сюда. Большинство были молодые люди вроде Анатолия, одна девушка. «Наверно, Наташка-трусиха,— подумал Федя.— А это кто, с подвязанной рукой?»

— Давайте, товарищи, разберем наше имущество, — сказал человек с подвязанной рукой, и Федя узнал низкий, грудной голос.

— Оружие складывать сюда.

«Ого, у них и оружие есть! Винтовки, автоматы... а вот и пулемет...»

Федя сидел в полумраке, его никто не замечал: наверно, думали, что он ушел, а может, просто забыли о нем. Федя нащупал в кармане коптилку. Она и не понадобилась. Куда им коптилка, у них вон сколько фонарей!..

Человек с забинтованной рукой подошел к фонарю и, подняв стекло, закурил.

— Продукты надо отдельно,— сказал он женщине, которую Федя принял за неизвестную ему Наташку и которая до сих пор стояла к нему спиной.

Женщина обернулась. Федя широко раскрыл глаза: это была Ольга Нестеровна!

— Федя! — вскрикнула Ольга Нестеровна и выронила пакет, который держала в руках.

Она прижала мальчика к себе, потом, не выпуская из рук, отодвинула и снова посмотрела на него, словно не верила, что это он. Феде показалось, что у нее в глазах стояли слезы, но, может быть, это ему только показалось: с чего бы ей плакать? Ольга Нестеровна хотела что-то сказать, но все вдруг встали со своих мест, свет фонаря забегал по стенам. Что-то случилось.

— Не должно того быть,— сказал старик.— Я последний шел, если бы отстала, я бы видел.

— Я считал,— растерянно сказал Анатолий,— когда входили, я всех пересчитал, было двадцать человек.

— Уж ты молчи лучше,— оборвал его старик,— считал!

Человек с забинтованной рукой, морщась не то от боли, не то от досады, сказал:

— Что ж это получается, товарищи? По дороге людей теряем! Никуда не годится. Надо идти наверх искать ее.

Федя высвободился из рук Ольги Нестеровны.

— Давайте я пойду. А то вы никто дороги не знаете, еще заблудитесь.

Человек с забинтованной рукой поднял фонарь.

— Вот, значит, ты какой! Говоришь, пойдешь? Старик взял фонарь.

— Вы куда, Матвей Матвеевич?

— Сейчас.

Свет удалявшегося фонаря мелькал по встревоженным лицам.

— Сюда идите! — крикнул старик издалека.

Все пошли на его голос. Старик стоял у маленькой ниши, высоко подняв фонарь. Там, сидя на камне и положив голову на вещевой мешок, спала девушка. Она заснула, наверно, нечаянно: присела отдохнуть и заснула.

— Вот,— сказал старик,— спит, и горя ей мало. А ты говоришь, считал!

— Так считал же, сами видите!..

— Ладно, молчи уж,— оборвал его старик.

— Так я, что ли, виноват! — в отчаянии сказал юноша и, махнув рукой, отошел.

— А ты, значит, решил с нами остаться? — спросил у Феди человек с забинтованной рукой.

— Не, мне до дому надо.

— Как? — испугалась Ольга Нестеровна.— Никуда я тебя не отпущу.

— Так я матери сказал, что только к Славке иду. Мне нельзя тут.

— Видно, и в самом деле нельзя,— согласился раненый.— Мне и там сказали, мальчика отпустить. Я думал, он давно ушел.

Вылезши наверх, Федя с сожалением вспомнил, что так и не посмотрел на часы. Мальчик поднес их к уху. «Тик-ки, тик-ки, тик-ки»,— сказали они ему в самое ухо. Луч прожектора пробежал по темному полю и исчез. Загудела далекая машина.

Как ни осторожно отворял Федя дверь, мать все-таки проснулась.

— Кто это? — спросила она испуганно.

— Это я, попить выходил.

— А-а,— зевнула Христина,— так ты и не пошел к Славке? А я заснула, не слыхала... Наверно, скоро светать начнет.

Федя долго не мог уснуть. Ночь, стоявшая за окном, была теперь для него не такой, как прежде: он зажмурил глаза и увидел тускло блестевшие диски автоматов, лица людей в неверном свете фонаря, темные своды катакомб. На секунду мелькнуло освещенное фарами мокрое шоссе и пылинки дождя в голубом луче прожектора. Машины идут по шоссе. А внизу по размокшему полю шагают люди с автоматами... Может быть, сейчас по полю идут новые люди, и кто-то другой (может, Славка?), еле вытягивая ноги из вязкой земли, ведет их... Может, в эту темную ночь спускают и спускают под землю винтовки и пулеметы, чтобы, когда настанет час, выйти наверх, прицелиться и стрелять что есть силы по фашистам, не дать им убежать... А как же это Костандаки винтовки спускают, сами, что ли, с ними в колодец лезут?.. Он почувствовал на своей шее прикосновение холодных пальчиков — и заснул.

ГОД, В КОТОРОМ 18 МЕСЯЦЕВ

ANNÉE GÉOPHYSIQUE INTERNATIONALE
1957 1958
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГЕОФИЗИЧЕСКИЙ ГОД

Почему бывают землетрясения? Что такое северное сияние? Какая температура на высоте в сто километров? Сколько весит земной шар? Что у него внутри? Почему на Южном полюсе холодней, чем на Северном?

Все эти вопросы связаны с планетой, на которой мы живем.

О нашей планете можно задать еще сотни и тысячи различных вопросов. А если вопросов много, непременно должна быть и наука, которая находит на них ответы. Такая наука есть. Это геофизика, или, в переводе на русский язык, физика Земли.

НА СУШЕ, НА МОРЕ, В ВОЗДУХЕ

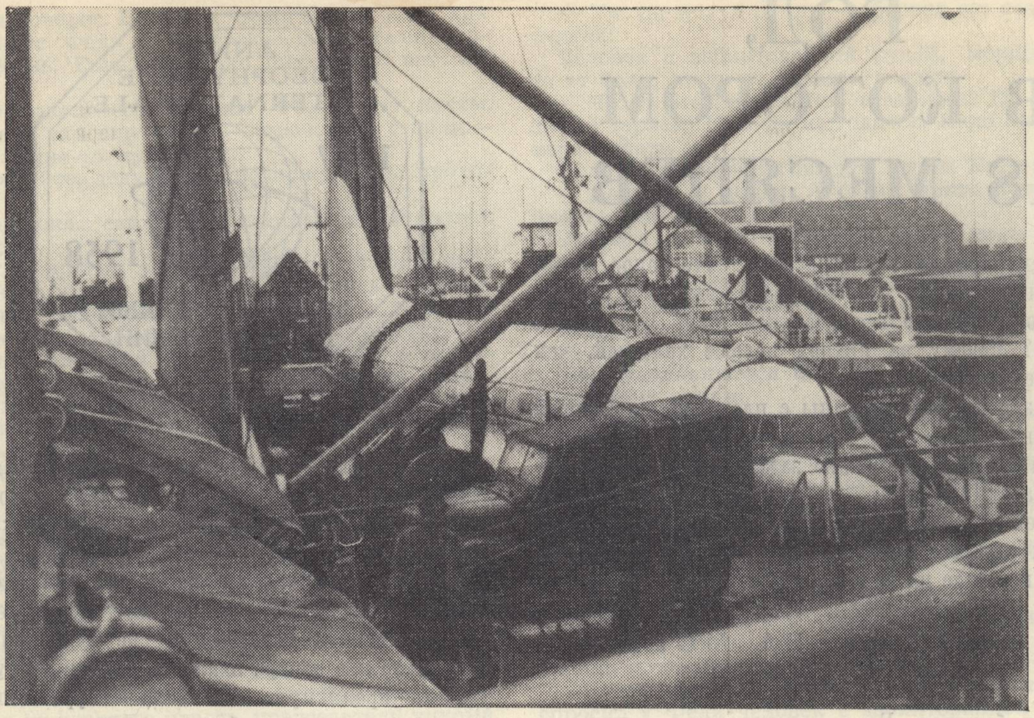
Земля большая. Ее поперечник — почти тринадцать тысяч километров. Несколько десятков километров — толщина земной коры. Глубина водяной оболочки Земли — ее океанов — больше десяти километров. А надо всем больше чем на пятьсот километров простирается атмосфера Земли, ее «воздушная броня».

Еще ни один человек не достиг дна океанских впадин, и на высоте, где полыхают чудесные полярные сияния — в ионосфере, — не бывал никто. Не был никто и в центре планеты, даже в земную кору удалось проникнуть с помощью бура только на шесть километров вглубь.

Однако геофизики изучили и измерили многое из того, чего нельзя увидеть глазами, потрогать ру-

Эта фотография сделана ракетой с высоты 225 километров; она охватывает около полутора миллионов квадратных километров, и на ней отчетливо видна кривизна земной поверхности.

На палубе дизель-электрохода «Лена» размещаются самолет и несколько автомашин.

ками. В самые неприступные места они посылают своих разведчиков — приборы, послушные, точные, зоркие и чуткие.

Толщу земной коры и внутренние области планеты, вплоть до ее ядра, обследуют с помощью сейсмографов, улавливающих и записывающих колебания, которые распространяются от землетрясений или искусственных взрывов. Надо только уметь читать записи сейсмографов. А это геофизики умеют.

Эхолот посылает в глубины океана пучок ультразвуковых волн. С помощью ультразвука он как бы ощупывает недоступное взору дно и вычерчивает на длинной ленте подводные горы и ущелья, равнины и впадины.

Высоко поднимаются воздушные шары-зонды, а с ними — десятки и сотни приборов-разведчиков.

Приборы автоматические, приборы самопишущие, приборы, отсчитывающие удары невидимых частиц, приборы фотографирующие... Некоторые из них посылают ученым тысячи «сообщений» в секунду.

ВСЕПЛАНЕТНАЯ БРИГАДА

Очень трудно одновременно охватить наблюдениями все, что происходит в обширных владениях геофизиков, увидеть сразу общую картину.

А что, если сотни научных институтов, тысячи станций, десятки тысяч ученых, все вместе, объединившись, будут изучать планету со всех сторон одновременно?

Тогда, конечно, можно за год узнать много такого, чего и за десять лет не узнают, работая каждый в одиночку. Вот и решили ученые устроить Международный геофизический год, провести исследования по общему плану, помогая друг другу.

Международный геофизический год начнется 1 июля 1957 года и кончится 30 декабря 1958 года. Восемнадцать месяцев будет работать всепланетная бригада геофизиков.

Университеты и исследовательские институты разных стран Земли пошлют экспедиции в самые глухие и недоступные уголки. Ученые будут вести наблюдения на Южном и Северном полюсах, на материке и на дрейфующих льдинах. Десятки специальных кораблей под флагами более чем пятидесяти государств избороздят моря и океаны. И эти экспедиции на море и на суше будут работать по одной программе, чтобы охватить наблюдениями одновременно весь земной шар. Работая каждый на своем месте, ученые мира объединятся в своем труде, и труд каждого будет частицей общего дела.

О четырех советских экспедиционных кораблях, которые примут участие в работах Международного геофизического года, стоит рассказать особо.

«Заря» — немагнитное судно. На «Заре» почти нет железных частей. Везде, где это возможно, железо заменено медью и деревом. Это судно отдано во владение магнитологов.

Другой корабль, «Витязь», — плавучее отделение Института океанографии Академии наук СССР. Из

года в год «Витязь» отходит от причалов Владивостокского порта и отправляется в плавание, на разведку тайн Тихого океана. Это эхолот «Витязя» нащупал на дне огромный подводный хребет, протянувшийся от Гавайских островов до южных берегов Аляски. Это его эхолот измерил глубины вдоль Курило-Камчатской островной гряды и открыл одну из трех самых глубоких тихоокеанских впадин, больше десяти километров глубиной.

«Витязь» — сильный быстроходный корабль. У него три киля, позволяющие выдерживать страшнейшую качку и бороться со свирепыми тайфунами. Его радиоглаза-локаторы видят и в непроглядной темноте и в густом тумане. Его хорошо оборудованные лаборатории позволяют ученым вести свою работу.

Здесь, в северной части Тихого океана, пройденной «Витязем» вдоль и поперек, он и будет вести работы во время Международного геофизического года.

Из прежних открытий «Витязя» родилось множество новых «почему и отчего». Почему Курило-Камчатская впадина тянется вдоль цепочки Курильских островов? Почему все остальные тихоокеанские впадины так же, как она, похожи на глубокие коридоры и так же, как она, идут вдоль архипелагов и все эти архипелаги богаты вулканами? Почему именно здесь самые глубокие очаги землетрясений? Сейсмографы показали, что эти очаги находятся на глубине в семьсот километров; уже не в земной коре, а под ней, в недрах планеты. Нигде больше на земном шаре не обнаружено ни таких впадин, ни таких вулканических островных цепочек, ни таких глубоких очагов. Не случайное это соседство!

Быть может, подробно изучив строение земной коры в этих местах, удастся понять многие тайны, проследить величественные и грозные явления, рождающиеся в недосягаемых глубинах планеты. Изучением земной коры с помощью сейсмографов и будет заниматься «Витязь» в Международный геофизический год.

Кроме «Витязя» и «Зари», в работах Международного геофизического года примут участие два корабля, имена которых известны всем.

Это наши мощные ледокольные дизель-электроходы «Обь» и «Лена». Они уже совершили множество рейсов, доставляя советских полярников, научное оборудование и снаряжение наших антарктических экспедиций.

Тысячи судов бороздят моря и океаны. И в добавление к своим обычным делам они будут вести наблюдения за погодой, за течениями, за магнитными явлениями по программе Международного геофизического года. Танкеры, угольщики, буксиры, китобои, рыболовы, пассажирские пароходы и военные корабли — все примут участие в научных наблюдениях. Тысячи рук и тысячи глаз будут помогать ученым.

«ВСЕМИРНЫЙ ХОЛОДИЛЬНИК»

Южный полюс Земли холоднее, чем Северный. Главных причин этому две. Первая причина астрономическая. Зима в Северном полушарии совпадает с тем временем, когда Земля ближе всего к Солнцу. Зима в Южном полушарии бывает, когда Земля дальше всего от Солнца. Разница в пять миллионов километров сказывается на климате обоих полушарий.

Вторая причина заключается в распределении суши и воды на полюсах. Северный полюс находится среди Ледовитого океана. Моря и океаны — «водяное отопление» планеты. Они хранят запасы солнечного тепла и медленно отдают их, обогревая Землю. Эту службу несет и Ледовитый океан, несмотря на свои вечные льды.

Южный полюс лежит посреди огромного материка Антарктиды. А где материк — большие пространства суши,— там зима всегда суровее, климат резче, особенно если эта суша полярная. В Антарктиде не ветры, а ураганы. Ветер Антарктиды, бешено несущий твердый, сухой снег, в несколько ночей отполировывает до блеска ржавые якорные цепи.

Там есть местности, где бывает около трехсот штормовых дней в году. И есть местности, где столбик спирта в термометре спускается до семидесяти градусов ниже нуля по Цельсию.

Антарктида покрыта льдом. Огромный ледниковый щит сковывает всю ее поверхность. Все новые и новые запасы льда образуются на ней.

Под собственной тяжестью лед медленно спускается с возвышенных мест к берегам, ползет далеко в море, на сорок — пятьдесят километров от берега, и там от его края с грохотом отрываются огромные ледяные глыбины — айсберги — и уходят в свободное плавание. Антарктида — настоящая фабрика айсбергов, тем более, что ее ледники самые быстрые на Земле. Лед продвигается там со скоростью трех метров в сутки, около километра в год.

В этом суровом краю, в этом царстве льдов, ураганов, морозов, в самом его сердце совсем недавно самолеты обнаружили странные оазисы: горы, не покрытые льдом, а среди гор — синие озера незамерзшей воды. Откуда это?

Объяснение может быть такое: вулканическое тепло создало удивительный полярный оазис. Это тем более вероятно, что в Антарктиде высится потухший вулкан Террор и действующий — Эребус.

В Антарктиде будут зимовать ученые десяти стран. Место, где ураганы свирепствуют триста дней в году, досталось французской экспедиции. Конечно, ей придется трудно. Но все же это не самое плохое место на южном материке. Есть место гораздо хуже и опаснее. Ученые называют его полюсом недоступности. Здесь бывают самые сильные морозы. Но полюс недоступности должен быть ис-

У края ледникового щита Антарктиды.

следован, и советские ученые взялись за это. Здесь будет одна из наших зимовок. Будет советская зимовка и в загадочном оазисе.

РАКЕТЫ И СПУТНИКИ

Еще 2 300 лет назад некоторые ученые древней Греции предполагали, что Земля — шар. Мы же давно знаем это наверняка.

Но огромный земной шар невидим для нас целиком. Мы слишком близко от него; мы живем на его поверхности и до последнего времени не могли взглянуть на него издали. Люди могут увидеть только тень Земли: округлый край этой большой тени, скользящей по Луне во время лунных затмений.

Недавно удалось получить первые «портреты» Земли, сделанные издали.

Они были сняты фотокамерами, помещенными в специальные высотные ракеты, которые поднимаются над Землей на двести — пятьсот километров.

На фотографиях, которые принесли ракеты, вернувшиеся из своего полета, ясно видна шаровидная форма Земли. Мы взглянули наконец на нашу планету со стороны!

Ракеты, взлетавшие на такую высоту, можно пока сосчитать по пальцам. Зато во время Международного геофизического года сотни высотных ракет отправятся к границам атмосферы, раскрывая нам новые тайны воздушного океана.

Но ракеты не долго остаются в полете, как бы высоко они ни взлетели. Поэтому ученые давно уже работают над созданием искусственного спутника, маленькой «луны», обращающейся вокруг нашей планеты.

Совсем скоро искусственные маленькие «луны» отправятся в путь.

Правда, свободной жилплощади на них хватит разве только для мыши. Опишем, для примера, один из проектов спутника. Диаметр спутника — около полуметра, вес — килограммов сорок пять. Примерно половина этого веса приходится на долю множества научных приборов.

Спутник будет поднят составной трехступенчатой ракетой, которая сообщит ему скорость двадцати девяти километров в секунду. Орбите этого спутника ученые думают придать форму сильно вытянутого эллипса. В самой близкой к Земле точке своей орбиты — в перигее — спутник будет от Земли на расстоянии трехсот километров, а в самой дальней точке — в апогее — за две тысячи семьсот километров. Полный оборот по своей орбите спутник будет совершать примерно за полтора часа.

В южных районах СССР этот карликовый братишка Луны будет виден с помощью хорошего бинокля.

Некоторые из посланных в пространство спутников будут сопровождать Землю меньше года, другие — несколько лет. Как ни разрежены верхние слои атмосферы, а все же постепенно она затормозит движение маленьких «лун». Все они рано или поздно начнут по спирали приближаться к Земле, спускаясь все ниже, в более плотные слои атмосферы. Примерно на высоте ста километров они раскалятся трением о воздух и сгорят, как сгорают метеоры.

Но не всех спутников постигнет эта судьба. Некоторые будут устроены так, что смогут замедлить свою скорость при спуске, и тогда, кроме тех сообщений и телевизионных фотографий, которые они пошлют за время обращения по своим орбитам, ученые получат в руки и самые спутники, со всеми записями приборов и подлинными фотографиями.

И спутники и ракеты дадут ценные сведения науке о Земле, геофизике, а кроме того, они помогут решить многие задачи техники будущего. Это репетиция и разведка межпланетных полетов, это первый шаг человека в мировое пространство.

БУДЬ ГОТОВ!

Каждый день всех восемнадцати месяцев Международного геофизического года будут вести свои наблюдения ученые.

Есть, однако, такие дни в жизни нашей планеты, о которых они хотят знать больше, чем обо всех остальных днях.

Три раза в месяц — в дни начала обоих новолуний и в первый день первой четверти Луны — они будут вести наблюдения за всеми изменениями в атмосфере по особой, усиленной против обычного программе. Эти дни названы «мировыми днями».

Но этого мало. Надо подробно исследовать явления во время равноденствий, солнцестояний. Для этих исследований намечены шесть «метеорологических интервалов».

И этого еще мало. Время равноденствий и солнцестояний, время изменения фаз Луны известно давно, к ним можно готовиться заранее. Но как сделать, чтобы во всех точках Земли начинались одновременные наблюдения событий неожиданных, которые не имеют календарных сроков? Например, полярные сияния и сопутствующие им магнитные бури.

Это особенно важно потому, что за время Международного геофизического года они наверняка будут частыми и очень сильными. Ведь произошло же недавно полярное сияние, которое видно было по всей Европейской части СССР, в северной части Казахстана и даже в Турции.

Сейчас на Солнце началось время солнечных бурь, центры которых видны нам как темные пятна на светлой поверхности Солнца. Земные магнитные бури — это следствие и отражение солнечных бурь.

Как же не пропустить эти интереснейшие события в жизни нашей планеты? Как обеспечить одновременные наблюдения в разных точках Земли?

Вот здесь-то и прозвучит на весь мир настойчивый, боевой, такой знакомый каждому пионеру сигнал: «Будь готов!».

За двадцать четыре часа до предполагаемого начала магнитной бури всемирный центр прогнозов в городе Балтиморе предупреждает национальные центры: «Будь готов!». Это значит, начинается «мировой интервал» наблюдения за верхними областями атмосферы и за магнитным полем планеты.

«Будь готов!». От станции к станции в два — три десятка минут сигнал успевает облететь весь мир. Для его передачи используются все средства связи: радио, телеграф, телефон.

Будь готов, наступает интересное время. Настрой аппаратуру, займи свой пост!

При таком распорядке ни один, даже самый слабый, «вздох» Земли не укроется от внимательных глаз наблюдателей...

СОКРОВИЩА ДЛЯ ВСЕХ

Полтора года напряженной дружной работы ученых всего мира! Они принесут огромные богатства новых наблюдений, новых сведений о Земле.

А как с ними быть дальше? Как сохранить добытые сокровища? Как сделать, чтобы они не лежали мертвым грузом без пользы для науки?

Специальный комитет по проведению Международного геофизического года решил: все материалы должны быть опубликованы не позднее чем через год после окончания каждой экспедиции, а фотокопии всех опубликованных работ должны храниться в трех мировых центрах. Один из них будет в СССР.

По требованию любого ученого, любого института мировые центры будут немедленно высылать нужные материалы.

Плоды коллективного труда будут общими.

И. Бавыкина,
студентка физфака МГУ.

ЖДЕМ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ

Мы получили много писем от ребят из самых разных уголков нашей огромной страны, в которых рассказывалось о том, как они наблюдали полярное сияние. Действительно, 21 января полярные сияния были видны в Европейской части, а 2 марта — в Азиатской части Советского Союза.

Полярные сияния обычны для северных наших районов, а в этом году они были и в средних широтах и даже на юге. Я сам наблюдал полярное сияние в Москве.

Я хочу передать всем читателям «Пионера» просьбу группы сотрудников Научно-исследовательского института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн (НИЗМИР). Мы просим вас сообщать в наш институт обо всех полярных сияниях, которые вам удастся увидеть. Важно знать, когда началось и когда кончилось полярное сияние. Какой формы и какого цвета были светящиеся области. Как вел себя во время сияния компас. Не ухудшалась ли слышимость далеких коротковолновых радиостанций, а если ухудшалась, то каких станций и на какой длине волны.

Попробуйте зарисовать то, что вы видели, лучше всего в красках.

Сообщения присылайте нам по адресу: Ватутинки, Московской области, НИЗМИР, «Полярные сияния».

Ю. Калинин,
научный сотрудник НИЗМИР.

КАК ЭТО БЫЛО
хроника революционных дней

Июньская демонстрация в Петрограде. Шествие проходит по Невскому проспекту, мимо Аничкова дворца (теперь это Дворец пионеров).

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

16 июня 1917 года в Петрограде открылся 1-й Всероссийский съезд Советов. К этому времени народ уже перестал верить Временному правительству, но на съезде было много людей, которые из последних сил пытались доказать, что, кроме этого правительства, никто не сможет управлять страной.

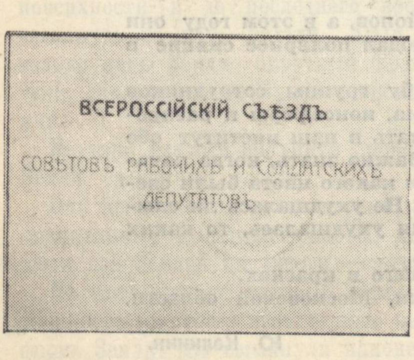
Министр Церетели сказал на съезде:

— В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: «Дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место...» Такой партии в России нет.

И в тот момент, когда он произнес эти слова, из зала раздалось:

— Есть такая партия!

Это сказал Ленин. Он встал, прошел к трибуне и произнес свою знаменитую речь, в которой призывал съезд, не доверяя Временному правительству, немедленно брать власть. На съезде Ленин и большевики оказались в меньшинстве.

ВСЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ

СОВѢТОВЪ РАБОЧИХЪ И СОЛДАТСКИХЪ

ДЕПУТАТОВЪ

Билет делегата 1-го съезда Советов.

Слишком много еще было в то время в Советах защитников Временного правительства. Но народные массы — рабочие, крестьяне, солдаты — были на стороне большевиков. Вот одно из солдатских писем того времени:

«Товарищ, друг Ленин, помни, что мы, солдаты, все как один готовы итти за тобой всюду, и что твоя идея есть действительно выражение воли крестьян и рабочих».

На чьей стороне народ, стало особенно ясно через несколько дней — 1 июля (18 июня по старому стилю). В этот день рабочие и солдаты Петрограда вышли на улицы с красными знаменами, на которых были написаны большевистские лозунги: «Заводы — рабочим!», «Земля — крестьянам!», «Всеобщий мир!», «Долой министров-капиталистов!».

Такие же демонстрации прошли в Москве и во всех крупных городах России. Они показали, что народ идет за большевиками, что есть партия, способная возглавить всю страну, весь народ,— есть такая партия!

На озере

Рассказ Ю. Нагибина

Рисунки И. Бруни.

Всю дорогу до озера Великого Валька Косой рассказывал небылицы. Я уже был наслышан о нем как о самом отъявленном врале в деревне, но почему-то он рисовался мне вдохновенным выдумщиком с безудержно поэтической фантазией, что не врет даже, а сочиняет для украшения жизни. Я ошибался: он врал как-то мрачно, невразумительно, ленясь продумать свою выдумку до конца, и при этом сильнее обычного заводил под лоб косые сонные глаза.

Мы повстречались с ним и с Петраком, колхозным шофером, свояком Анатолия Ивановича, неподалеку от опушки леса, сбегающего к озеру.

Склонившаяся над тропкой кроваво-красная, опаленная заморозками рябина с черными, свернувшимися в трубку листочками вдруг сильно тряхнула всеми своими гроздьями, окропив белесую, в инее, траву, будто каплями горячей крови, россыпью пунцовых ягод, и наперерез нам из глуби леса с хрустом и треском вышли двое—сперва Петрак, за ним Валька. Оба в полном охотничьем снаряжении — рваных шубейках, подпоясанных патронташами, теплых шапках, резиновых сапогах, на одном плече ружье, на другом — мешок с чучелами, из рваной мешковины торчали острые деревянные клювы. Было что-то грозное в их внезапном и шумном появлении. И так же грозно прозвучал их ответ Анатолию Ивановичу, спросившему, какого лешего понадобилось им в чаще.

— Кости искали!..

С нами был новичок, впервые попавший в Мещеру, но много наслышанный о всяких чудесах этого таинственного края. Он приметно вздрогнул, замедлил шаг и с жадным, обмирающим интересом спросил:

— Какие кости?

— Шибаевскую почтальоншу волк задрал, — закуривая, ответил Петрак.

Из глуби леса вышли двое...

— Как задрал?

— А вы у Вальки спросите, его новость,— кивнул на своего напарника Петрак.

— Известно как! — сиповато и угрюмо отозвался тот и так сильно завел глаза под лобную кость, что на виду остались лишь блестящие, с желтинкой, белки. — Удушил за горло, после всю мякоть объел.

— И ты, что же, впрямь ходил кости искать? — с насмешливым сожалением спросил свояка Анатолий Иванович. — Нешто волки нападают на человека об эту пору?

— Известно, не нападают,— так же спокойно ответил Петрак, с наслаждением затягиваясь крепким самосадом. — Да ведь надо Вальке проверку сделать. Он с того и привык врать без удержу, что никто его за руки не хватает.

— И с чего ты все брешешь, Валька? — укоризненно сказал Анатолий Иванович.

Пятнадцатилетний Валька играл под мужичка: он солидно горбился, баловал куревом, при разговоре не смотрел собеседнику в лицо, что, впрочем, было ему и трудновато, поскольку взгляд его целил то вверх, то вбок, с ответами не торопился, как человек, знающий себе цену. Он и сейчас помедлил, а затем произнес сиповато, с горькой иронией:

— Кобель брешет, а мне брехать не положено!

— Ну, а кости-то нашли? — приставал москвич.

— Нашли,— сказал Петрак.— Лошадий череп у прудка какой год дождями моется. Валька споткнулся об него, чуть в штаны не намочил.

Презрительная усмешка тронула красные Валькины губы, но он никак не отозвался на шутку Петрака.

— Скажи, Валька, тебя за что из школы выгнали?—поинтересовался Анатолий Иванович.— За неуспех в науках или за вранье?

— Еще б не выгнали! — куда-то в пустоту отозвался Валька.— Когда я им школу чуть не спалил!

— Это как же так?

— Очень даже просто. С девчатами в сенях цигарки курил, ну и обронил уголек.

— Опять врет! — изумился Анатолий Иванович.— Девчата с тобой не водятся.

— За прогулы его выгнали, — вмешался Петрак.— Я спрашивал учительницу. Охота пуще неволи, он весь сентябрь в Прудковской заводи да на Салтном проучился. Эх, Валька, Валька,— добавил он каким-то другим, потеплевшим, сожалеющим тоном,— забаловался ты без отца, без матери! Некому тебя выпороть, некому за вихры потаскать!

Он солидно горбился, баловал куревом...

— За вихры — это и тетка умеет! — угрюмо отозвался Валька.

— Куда там! Ей и своих не перетаскать, полдюжины мал-мала меньше. Ничего, мы тебя в шофера наладим.

Я с удивлением смотрел на Петрака: его смуглое, грубое, узкоглазое, в острых оспинках лицо, словно спрыснутое под кожей на левой щеке и виске синь-порохом, было сейчас раздумчиво-ласковым, почти нежным.

— Мне в шофера никак нельзя,— заявил Валька с некоторым даже торжеством.— Зрение не позволяет. Я всю окружность наоборот вижу.

— Как это наоборот?

— Кверху ногами. Где для тебя земля, для меня небо, тебе голова, а мне, скажем, пятки.

— Ладно врать-то! Чирков влет колошматишь, значит, и за баранкой углядишь. Ишь, стервец, в паразиты метит!

Валька пожал плечами и, ссутулившись, прошел вперед. Анатолий Иванович поинтересовался, зачем Петрак и Валька взяли с собой чучела.

— Так мы ж на ночевку идем,— ответил Петрак.

— На утреннюю зорю? — удивился Анатолий Иванович.— Так ведь не подсаживается утка!

— Знаю, что не подсаживается,— согласился Петрак. — Да и на пролет ее не больно возьмешь, в поздноту летит.

— Тут все-таки шанс есть, хоть порох потратишь, а утреннее дело мертвое.

— Знаю,— досадливо отмахнулся Петрак.— Да Валька привязался: пойдем на

ночь. Один-то боится. Набрешет разных страстей и сам же пугается.

— И что это с погодой делается? — задумчиво сказал Анатолий Иванович.— В прежние годы до самых праздников охотились, а нынче в октябре пусто.

— Да, погодка! В августе заморозки были! Помнишь?

— И всегда теперь так будет, раз льдина подошла! — обернувшись, веско сказал Валька.

— Какая льдина?

— Известно какая, во всех газетах пишут. Огромадная льдина подошла к нашей земле. Айз... берег называется. Пока она вся на солнце не истает, будут холода стоять.

Анатолий Иванович негромко, со вкусом захохотал. Но Петрак даже не улыбнулся.

— Ты мне покажешь эти газеты,— сказал он угрожающе.

— Я сам не читал, — пробормотал Валька,— люди сказывали.

На озере было холодно и неприютно. За серой наволочью туч солнце размытым желтым пятном сползало к горизонту. Вода у закраин схвачена коркой льда, похожей на постный сахар, дальше, до самого выхода из крошечной бухточки, покрыта шугой—застывшей ледяной кашицей. Солнце уже не справляется с утренним подморозком, и поседевшая осока — шумиха — стала как жесть; я порезал руки, отыскивая припрятанное в траве весло.

Анатолий Иванович совещался с Петраком, куда держать путь. Решили, недалеко, на Березовый корь, намывной остров, поросший осоковатой травой и низким кустарником. Выбрали Березовый корь из того только резона, что туда давно никто не наведывался. Все еще не улетевшие утки держались на чистом, где к ним было не подступиться.

Наслушавшись безнадежных разговоров охотников, мой земляк решил остаться на берегу. «Поброжу по болоту, может, хоть бекаса подниму»,— сказал он и, взяв ружье под мышку, зашагал прочь, громко шурша сапогами по осоке.

Он избрал благую долю. Когда мы выплыли на чистое и ветер, срывая с медленных, тяжелых волн пенную оторочку, зашвырял в лицо ледяными брызгами, я ему от души позавидовал. Вальке Косому, Петраку и Анатолию Ивановичу было лучше: работа веслом согревала. Валька даже скинул шубейку и, стоя в рост в своем челноке, поигрывал силушкой: то птицей летел вперед, то круто тормозил, погружая чуть не все весло в бурлящую воду.

Березовый корь со всех сторон окружен топкой, шоколадного цвета грязью, делающей его почти неприступным. Впереди же себя дозором выставил небольшие островки. Один из таких островков облюбовал для себя Петрак.

— Валька, слышь! — крикнул он.— Ты под сухарой располагайся, там есть подъезд.

На ближнем мыске Березового коря среди низкорослых кустов возвышался каким-то чудом попавший туда осокорь.

— Охота была! — сипло отозвался Валька.— Там Жамов змея видел!

— Какого змея, желтопузика, небось!

— Говорю, змея! Что он, ужа от змея не отличит? Зеленый, бородавчатый, в кулак толщиной и с погремушками. Как погремушкой тряхнет, так всего ядом опрыскает!

— Ладно, ужо спрошу Жамова, — недобро пообещал Петрак.

Валька молча повернул свой челнок влево и скрылся за камышом. Анатолий Иванович повел челнок вокруг острова. Вскоре мы оказались в тихом заливе, обнесенном с трех сторон желтыми, сухими камышами, их легкие метелки нежно и грустно шуршали под ветром.

Продвигаться вперед становилось все труднее: плоское днище челнока цеплялось за водоросли. На руках Анатолия Ивановича между большим и указательным пальцами вздувались твердые желваки, а лицо с каждым новым толчком, вернее сказать, жимом, затекало красным. А затем вода вокруг нас взмутилась глиной, челнок пополз по дну.

— Может, мне выйти? — предложил я.

— Утопнете,— коротко отозвался егерь. Он всем телом навалился на весло, но оно ушло в мягкую глину, не родив толчка.

— Как там носатики, не гуляют? — спросил Анатолий Иванович, переводя дух.

И тут же за его спиной на коричневатом намыве грязи я увидел парочку куликов. Они степенно прохаживались взад и вперед, покрывая шоколадную грязь ровными, четкими следками, будто узор наводили. Я вскинул ружье и выстрелил. Когда рассеялся дым, я увидел лишь трилистниковую строчку следов: кулички улетели.

— И хорошо,— заметил Анатолий Иванович,— все равно их оттуда не достать.

Мы подползли к заросшей ситой кочке. Я спрыгнул на кочку и втащил нос челнока.

— Ну и порядок,— сказал Анатолий Иванович, обозрев окрестность.

Пожалуй, охотники не зря выбрали Березовый корь. За последние дни я забыл, как выглядит утка. Настолько забыл, что пропустил тройку чирков, просвиристевших над самой головой и хлопьями сажи истаявших вдали. Но потом, видимо, они повернули назад. Раздался выстрел, и вода зашипела под градинами осыпавшейся вокруг нас дроби.

— Петрак бил, промазал,— определил Анатолий Иванович.

Затем вправо, над сушью, прошла матерая. Я вскинул ружье, но Анатолий Иванович не дал мне выстрелить. Стволом своего ружья он отвел мой ствол.

— Без толку,— ответил он на мой удивленный взгляд, — ну, убьете, а достать-то мы все равно не сможем.

— Неужто такая топь?

— В том-то и дело! Ни пройти, ни проехать. Поэтому и не любят у нас на Березовом корю охотиться. Как на сушу упало, так пропало.

По-видимому, у наших товарищей дела шли успешней: постреливал Петрак, палил Валька. Анатолий Иванович, оберегая свою честь егеря, сказал, что Петрак, верно, чего-то подстрелил, а Валька «жгет» впустую. Ему не хотелось признаться, что те выбрали место удачнее.

Уже начало темнеть, и в прибрежном леске «заяц затопил печку»— легким голубоватым дымком потянуло из ельника и заклубилось над водой белесым туманом, когда мне удалось наконец подбить севшего на выстрел чирка. Чирок подпрыгнул, затем словно бы побежал по воде и вдруг сник, волна погнала его вон из заливчика.

— После заберем,— сказал егерь,— его к траве прибьет.

Медленно, плавно взмахивая широкими крыльями, над нами пролетела похожая на цаплю выпь, такая красивая, даже величественная в воздухе, такая уродливая и жалкая на земле. Неожиданно там, где стоял Петрак, грохнул выстрел. Выпь неторопливо, раздумчиво сложила крылья, вытянула книзу длинные ноги в серых штанишках и колом упала за камыш.

— Зачем он ее? — спросил я.

— Поросенку на корм,— ответил егерь и вдруг резко вскинул ружье и, даже не прижав приклад к плечу, с руки, круто повернувшись всем телом, выстрелил раз и второй.

Что-то шлепнулось на воду, а вслед за тем я увидел две черные, быстро расплывающиеся в мутном небе точки.

— Есть такое дело,— сказал егерь, перезаряжая ружье.

— Чирок?

— Нет, свиязь.

Темнело быстро. Уже тростниковый редняк превратился в глухие, непроницаемые стены, обступавшие нас со всех сторон, жидкий кустарник коря стал дремучей зарослью; на сумрачную, зеленовато-сизую воду лег последний отблеск уходящего солнца, свинцовый, тусклый, как первый лунный след. А воздух наполнился незримой жизнью. Во всех направлениях протянулись, скрещиваясь, пути утиных пролетов. Свистящий, рассекающий швырк одинокого чирка сменялся долгим стрекотом кряквиной стаи; прогуживала низко летящая шилохвость, и снова трепет и стрекот многих крыльев и свист чирка — свист спущенной с тугой тетивы стрелы. И в какой-то момент, повинуясь безотчетному порыву, мы враз вскинули ружья, два слитных выстрела распороли сумрак огненными вспышками, и совсем рядом с нами грузно плюхнулась на воду матерая.

Напрасно усомнился я в егерском чутье Анатолия Ивановича. Когда, собрав добычу, мы подплыли к Петраку, то оказалось, что один из лучших подсвятьинских стрелков, кроме водяной коровы, мог похвастаться лишь жалким широконосиком. Зато Валька, вскоре присоединившийся к нам, поразил всех. На вопрос, как успехи, он ответил:

— Четыре матерых! — и сплюнул в воду.

— Вот это да! — обрадовался Петрак.— Вот вам и Косой — вставил фитиль!

— Не проморгай вы тех чирков, у нас было бы не меньше! — с досадой сказал Анатолий Иванович.

— Так вас двое! — подначил Петрак.— Нет, Валька самое место угадал!

— Да, это, конечно, как повезет, — пробормотал несколько смущенно Анатолий Иванович.— Постой, а где же твои матерые? — спросил он вдруг, заглядывая в Валькин челнок.

На воду лег последний отблеск уходящего солнца.

— На берег попадали. Нешто их там достанешь? Я попробовал — чуть не утоп.

Скулы Петрака медленно покраснели, а узкие глаза, о которых говорят «осокой прорезаны», превратились в щелки, как у зажмурившейся рыси.

— Валька!.. — произнес он грозно. — Опять?..

— Чего «опять»? Говорю тебе, чуть не утоп! А не веришь, поди сам попробуй!

Впервые я видел, что Валька не косит. Он прямо, открыто и нахально глядел на Петрака. Он играл беспроигрышную игру: проверить его не было никакой возможности, поймать — также. Летали матерые — летали, стрелял Валька — стрелял, непролазен Березовый корь — непролазен. Чего же еще надо? И Петрак все это смекнул.

— Ладно, покажу я тебе матерых! — пробормотал он про себя и развернул челнок носом на чистое.

Никогда еще не видел я озера Великое таким угрюмым. Глухо ворча, оно трепало челнок, силясь повернуть его вспять, дышало промозглым холодом, на берегу стонали деревья, и травы шептались тоскливыми, нездешними голосами. Совсем стемнело, и в темноте мы очень скоро потеряли наших товарищей. Только что сбоку от нас был Валька, немного впереди Петрак, и вдруг никого — ночь поглотила охотников.

— Петрак, где ты? — послышался носовой, сиповатый голос Вальки.— Слышь, Петрак?

Охотник не отозвался, и Валька окликнул его погромче.

— Петра-а-к!.. Петька-а!..

Молчание. Анатолий Иванович перестал работать веслом. Челнок скользил на старом запасе скорости, вода чуть слышно булькала под носом.

— Петьку-у!.. — послышалось где-то впереди и чуть сбоку, и я даже не узнал Валькин голос, так высоко и звонко он прозвучал. — Петькя-а-у!..

Молчание. Анатолий Иванович опустил весло в воду и немного притормозил челнок. Я с удивлением посмотрел на него. Высокий, жалобный крик Вальки еще усиливал ощущение бесприютности и печали, охватывающее человека на осенней, ночной воде. Скорей бы добраться до берега и домой, к теплу печи и горячему чаю!

— Анатолий Иваныч! — прозвенел крик, и вслед за тем снова: — Петькя-у!.. Петя-а-а!..

— Почему вы не откликаетесь? — спросил я егеря.— Бедняга совсем голос сорвал.

— Так он же не меня, Петрака кличет,— последовал хладнокровный ответ.— Они ж уговорились на Салтном заночевать.

— А где Петрак? Чего он не откликается?

Анатолий Иванович не успел ответить. Снова бормочущую, ветреную тишину ночи прорезал отчаянный, до срыва вопль:

— Петеньку-у!..— Даже терпящий бедствие не мог бы взывать жалостней и надрывней.

Я поднял руку ко рту, чтоб подать Вальке ободряющий сигнал, но Анатолий Иваныч, чьи кошачьи глаза видят в кромешной тьме так же хорошо, как и днем, уловил мой жест, с неожиданным проворством посунулся ко мне и схватил за руку.

— Не отзывайтесь! — сказал он коротко.

Это было непонятно, но, привыкнув к тому, что егерь ничего не делает зря, я подчинился.

— Петрушеньку-у!..— стонало, молило, рыдало во тьме.— Петрушеньку-у!..

— Вот человек! — спокойно и довольно громко сказал Анатолий Иванович.— На месте стоит. И к берегу не решается и на Салтный не рискует.

Он говорил громко, не боясь, что Валька

услышит: ветер, дуя от Вальки в нашу сторону, приближал его голос, а наши относил прочь.

— Чудной парень,— продолжал Анатолий Иванович.— Он чего на Салтный не едет? Волков боится, что почтальоншу растерзали, или, может, змея с погремушками, которого Жамов видел. И ведь врет-то себе без пользы, даже во вред. Намедни мы цепкой стояли у Прудковской заводи. Как стемнело, утка пошла козырять. Ну, бьешь ее в темноте на цвирк, только патроны зря тратишь. Съехались, у всех пусто, а у Вальки на корме селезень в своем пере лежит. «Ну,—говорим,— Валька, молодец, такого красавца задобычил». «А я,— отвечает,— его не стрелял, он сам ко мне в лодку упал, чуть голову мне не ушиб». И тут же говорит: «Это, верно, Василия, братана моего, добыча, он, дескать, селезня подшиб». А тот для смеху говорит: «Раз так, давай его сюда». «Пожалуйста, мне чужого не надо». Так и отдал селезня, чтоб только вранье свое оправдать. — Анатолий Иванович замолчал, прислушался к Валькиным крикам, звучавшим теперь с механическим однообразием полного и беспредельного отчаяния, и досадливо сказал:

— Этак он нас до полуночи продержит!

— Так двинемся?

— Нельзя. Мы Петраку всю игру испортим.

— А где же он, Петрак-то?

— Да здесь где-нибудь, куда он денется!

— Петрушеньку-у!.. Миленьку-у!..— прозвенело и оборвалось на пискливой, жалкой ноте.

— Чего орешь? — раздался совсем рядом низкий, спокойный голос Петрака, и так ярко, как это бывает лишь глухой ночью, вспыхнула спичка и погасла, оставив по себе красную точку папиросы.

— Петенька, ты чего не отзывался? — с плаксивой обидой сказал Валька.

— Спички искал...

— Поехали на ночевку-то? — Валька удивительно быстро овладел собой, он спросил это деловито, даже требовательно.

— Поехали... Да, сколько ты матерых сегодня сбил? Я чтой-то забыл...

— Четырех, а что?

Ответа не последовало, и красный огонек папиросы исчез, отчего тьма стала еще гуще и непроглядней.

— Петенька! А, Петька!.. — тревожно окликнул его Валька. — Петьку-у!.. Петеньку!.. — почти завизжал он, верно, вспомнив только что пережитый ужас одиночества.

— Жестокая игра,— заметил я.

— Наоборот, добрая! — недовольно отозвался Анатолий Иванович.— Петрак Вальку жалеет. Коли его не учить, совсем забалуется, а так еще выпрямится до человека.

— Сколько, говоришь, уток сбил? — откуда-то сверху грозно прогремел голос Петрака.

— Не сбивал я матерых! — с тоской проговорил Валька.— Честное комсомольское, не сбивал!

— Опять врешь, ты ж не комсомолец!

— Вот те хрест, не сбивал!

— Нешто ты в бога веруешь?

— Не сбивал я, ну тебя к черту! Я их и в глаза не видал. Один всего шушпан пролетел, и то я с выстрелом запоздал.

Вспыхнула красная точка, и Петрак устало произнес:

— Подгребай сюда. Пора на ночь устраиваться. Знойко, да и спать охота...

Анатолий Иванович заработал веслом. Мы приблизились к нашим товарищам. Я услышал их тихий разговор.

— А костер разведем? — Это спросил Валька.

— Конечно, я картошечки припас. Вот только сольцы забыл.

— У меня вроде с того раза осталось. И лучок есть, две репки.

— У тетки спер?

— Зачем спер? Сама дала.

— А карбюратор ты выучил?

— Маленько не до конца...

— Ох, Валька!.. Покуда всего не запомнишь, спать не дам.

— Да запомню, я же способный!

— Способный, да не очень, и ветер в голове...

Голоса отдалились, очевидно, охотники взяли вправо, к Салтному мыску.

Я сидел на корме, принимая в лицо колючие брызги и шлепки ветра, но озеро уже не казалось мне таким мрачным и бесприютным; я словно согрелся у чужого человечьего тепла.

Я не первый год знал Петрака с его грубым, в оспенной насечке, узкоглазым лицом, Петрака—кормильца восьмерых душ, в неизменно рваной, замасленной шубейке и штопанных-перештопанных штанах, Петрака, хмелеющего от одной рюмки, так редко доводилось ему пробовать винца, но только сейчас понял, каким душевным запасом обладает этот тридцатилетний парень, везущий свой тяжкий воз и еще находящий в себе силу сердечного участия к чужой, посторонней жизни.

НЕКОЛЕБИМО, КАК РОССИЯ

Лев Успенский

Невская виктория

2 мая 1703 года жители деревушки Калинкиной, что в устье Невы-реки у впадения Безымянного Ерика, переполошились: с моря громыхнули два пушечных выстрела. Мало погодя — еще два. Потом — опять... Мужики, не показуя себя понапрасну, по болотным кустам пробрались к морю. Глянули — и зачесали затылки: мать родная, шведы! На море, туда, к Ретусаари, Крысьему острову, по-русски — Котлину, виднелось несколько кораблей, поднимались клубы порохового дыма — палили. Сообразить, в чем дело, было легко: накануне царь Петр с налета взял верстах в десяти выше по Неве шведскую крепостицу Ниеншанц, опять же по-русски — Канцы. Кончив дело, войско двинулось оттуда к устью. Сам царь вышел на лодках обыскивать низовые островишки: Койвусаари — Березовый, Енисаари — Заячий, Хирвисаари — Лосиный, Васильевский тож. Что ему там надо, неведомо, но — дело царское, надо. Господа же шведы, сих последних дел не зная, идут Канцам на помощь...

Подумав хорошенько, отрядили двух наибыстрейших отроков сообщить его царскому величеству про шведов: самым малым делом — не обругает, а то и похвалит за большую прыть. Отроки отбыли челном, мужики же затопили бани, стали мыться, собирать пожитки: лес, он вернее, в лесу ни злой, ни добрый не сыщет, ежели что...

Дикая северная река текла хмуро, глядела неприветливо в туманах, в дыму далеких, неведомо чьих костров. Шведский адмирал не рискнул вводить в таковую узкость всю эскадру. Постояв пять суток, отрядил на разведку двадцать четыре пушки — шняву «Астрильда» и ботик «Гедан».

Пополуночи, после проливного дождя с грозой, в густом тумане невесть откуда налетели с двух сторон на шведские корабли русские на лодках. Первым на палубу «Астрильды» вскочил рослый гренадер с бешеными глазами — неужто сам царь? Резались в темноте жестоко: из семидесяти семи шведов сдались живыми только девятнадцать человек. Пришлось шведской эскадре отойти. Петр, сам еще не веря такому счастью, отпраздновал особо ему дорогую первую морскую викторию, на радостях велел выбить в Москве медаль с изумленной надписью: **«Небываемое бывает».**

Теперь можно было браться за главное: становиться у моря твердой ногой. Так и было учинено: 16 мая, как раз в самый троицын день, когда по всей далекой Руси в каждой избе нежно и грустно пахли вянущие березки, а из окон мотались на вешнем ветру домотканые чистые полотенца, в этот день на малом островке Енисаари царь заступом собственноручно вырезал две длинные дерновины, положил оные крест-накрест и сказал: «Здесь быть городу!» И так ему в тот миг хорош, так желанен показался малый этот островок плоский, пустой, весь уже истоптанный солдатскими сапогами, что повелено было в «юрнале» боевых дел писать его «Люстэландом» — Островом веселья.

Так начался над невской дельтой Петербург. Но, спрашивается, что же тут было до этого времени? А вот что.

На Фоминoм конце

Место это не было такой безлюдной пустыней, как нам иной раз кажется. Избы среди леса, «неведомого лучам в тумане спрятанного солнца», были не только «чухонскими», то есть финскими. Уже за сотни лет до Петра тут были русские селения: в Ниеншанце, при впадении в Неву Охты-реки (теперь тут Охтенский мост), жило больше богатых русских купцов, чем шведских. Пониже, там, где сейчас шумят липы Летнего сада, ютилась при Безымянном Ерике — Фонтанке — деревня Первушина. На месте Толмазова переулка, возле нынешнего Дворца пионеров,— другая деревня, Усадица. Третья расположилась около теперешней Александро-Невской лавры, имя ей было Вихрово-Федорково.

Самые богатые и крепкие поселки были разбросаны по реке Охте. Один новгородский посад-

ник, Тимофей Евстафьевич Грузов, человек богатый, владел тут тридцатью двумя дворами. Но судьба переменчива, в писцовых книгах 1500 года указано: те охтенские вотчины Тимошки Грузова, новгородца, царь велел отдать воеводе московскому Андрею Челяднину, а Фомин конец — князю Ивану Темке. «И с того Фомина конца тот Темка князь имал на год 11 гривен деньгами, да шесть коробей хлеба, да шесть копен сена, да две с половиной бочки пива, да два с половиной барана, да четыре куры, да пять саженей дров». Не густо! Он с удовольствием «имал» бы и гораздо больше, да у самих мужиков ничего не оставалось: ведь, кроме боярина, и казна тянула с них свою часть. Не дивно, что когда сто лет спустя московский дьяк, приехав, произвел на тех землях «обыск», выяснилось: на Охте-речке один двор запустел «от свейских немец» (то есть от нападения шведов), один — от мора (заразной болезни), а два дома—«от безмерных податей и подвод». Жить тут было нелегко, но и податься некуда. Так вот и шли дела, пока на Березовом, и Заячьем, и Лосьем островах не зазвенели весной 1703 года топоры, не покатилось над невскими просторами унылое, но и могучее «Эх, ухнем!» и, спустя короткое время, говоря чудесными словами Алексея Николаевича Толстого, не стал вокруг «город, как город, еще невелик, но уже во всей **обыкновенности»**.

А потом... А потом

Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...

А дальше? Пробежал еще один век, и над той же рекой раскатился в темной октябрьской ночи гулкий выстрел «Авроры». Его отзвуки потрясли весь мир до крайних пределов: история изменила свое русло, как нетерпеливая река, и Санкт-Петербург стал Ленинградом.

В этом году наш город празднует свое двухсотпятидесятилетие.

Кто он?

Заговорите с ленинградцами о их родном городе — и сразу начнется спор. «Ленинград — моряк! — скажет человек в флотской форме.— Это город-порт. Море и флот в нем главное». «Ленинград — ученый! — возразит любой работник науки.— Институты и академии, лаборатории и музеи составляют его высшую славу». Архитектор заговорит о нем, как о несравненной сокровищнице зодчества, где каждое пятое здание — чудо, где целые районы славятся изумительной красотой. Писатель назовет великих поэтов и романистов, талант которых вырос и развился на берегах Невы. Композитор признает Петербург отчизной русской музыки. Не отстанет от них и живописец.

И, наконец, историк добавит к облику города еще одну, важнейшую черту: «Ленинград — город-рабочий,—скажет он.—Именно здесь началась Советская власть, родилось государство трудящихся!»

Все будут говорить разное, и каждый окажется прав, потому что все эти лики совмещает в себе Ленинград. И если вам нужны доказательства, что это так, то за ними дело не станет.

Город-моряк

Взгляните на Ленинград с воздуха: воды здесь больше, чем суши. Как на гигантской влажной ладони, лежит громадный город на рукавах невской дельты. Сто один остров составляет его подножие, около четырехсот мостов соединяет его части между собой.

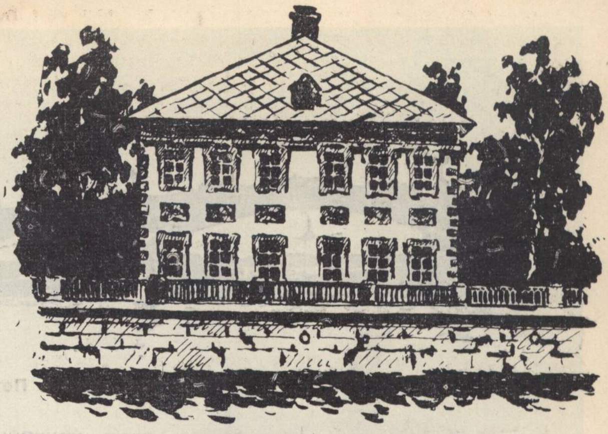
Основал этот город царь-бомбардир, царь — корабельный плотник, для которого море было самой дорогой мечтой его. В самом центре столицы он построил не дворец, а Адмиралтейство, верфь. Оно стоит там и поныне, и золотой кораблик адмиралтейской иглы, плывущий высоко над городом в северном небе, является настоящим его гербом.

Есть в Ленинграде два примечательных места; в них как будто воплощена его флотская история. В Петропавловской крепости вот уже третий век хранится маленькое деревянное суденышко, знаменитый «дедушка русского флота», потешный ботик Петра, с которого началась наша морская жизнь. А недалеко от крепости, у восточной стрелки Петроградской стороны, покачивается на почетном приколе стальная громадина, прославленный крейсер «Аврора». Теперь на нем учатся морскому делу юные нахимовцы, будущие советские моряки.

Пройдите в любой день по ленинградским улицам — черные шинели, бело-голубые гюйсы, гвардейские крылатые ленточки встретятся вам на каждом шагу. Приглядитесь к табличкам с названиями улиц — в них воплощено морское прошлое. Вот Галерная гавань, отсюда выходили

Встреча войск в 1812 году у Триумфальных ворот.

Домик Петра Первого в Летнем саду.

в море быстрые скампавеи[1] Гангута. Вот Мытнинская набережная в самом центре города. «Мытня» означало таможня; как раз к тому месту «со всех концов земли» шли к нам в гости все флаги мира. Пеньковый и Смольный буяны[2] были шкиперскими складами флота; Канонерский, Подзорный остров, Шкиперский проток — старые имена напоминают о морских победах былых времен.

А теперь доберитесь до тех мест, где когда-то над Безымянным Ериком чернели здесь и там в болотистом лесу избы деревушки Калинкиной. Тут, на Фонтанке, ныне горбистый четырехбашенный Калинкин мост. Станьте на нем. Повсюду вокруг дыбятся в небе могучие подъемные краны, слышится визг пил, режущих стальные плиты; глазам больно от сверкания огней газовой сварки. Здесь строятся корпуса новых кораблей, рождается будущее нашего флота.

Да, Ленинград пахнет морем. Моряком он родился четверть тысячелетия тому назад, моряком он остается и сегодня. Спорить с этим не приходится. А вместе с тем...

От зоологии до филологии

Я не знаю, есть ли в каком-нибудь другом городе мира Филологический, то есть «языковедческий», переулок. А у нас он есть и лежит не так уж далеко от другого переулка — Зоологического.

Поворотитесь спиной к бронзовому адмиралу Ивану Крузенштерну, стоящему на набережной Васильевского острова, между причалами бесчисленных судов и грандиозным зданием морского училища. За спиной у вас будет порт, а впереди перед вами улицы, где, кажется, каждый встречный человек либо профессор, либо студент. В тылу у знаменитой Биржи, с ее портиком и ростральными колоннами, сосредоточен тут целый «город мудрости», целое гнездо знаний. Тесно друг к другу разместились тут десятки институтов, три академии, университет, одна из самых мощных библиотек страны, множество тихих лабораторий, знаменитых музеев...

На том берегу набережная Красного флота; тут Университетская набережная. Каждый день тысячи юношей и девушек, как пчелы к ульям, устремляются сюда, и гудением наполняются обширные коридоры и аудитории.

Два века назад по этим местам, вдоль длинной, чуть не в километр, галереи здания Двенадцати Коллегий, нахмурив высокий лоб, неукротимо шагал Михайло Ломоносов. «Меня не отставите от Академии, разве Академию от меня». Столетие спустя, распахнув полы крылатой шинели, стремительно пробегал тут окруженный учениками Дмитрий Менделеев. Вот кафедра, о которую облокачивались Сеченов и Бекетов, Попов и Тимирязев, Бехтерев и Павлов, Карпинский и Ферсман. Вот дверь, в которую входил студент Владимир Ульянов. Тут читали и слушали замечательные доклады многие светлые умы Запада — от Гумбольдта до Бедржиха Грозного, от Гельмгольца до Жолио-Кюри. Вот здесь-то, в этих самых местах, и мелькнет знаменательная табличка: «Филологический переулок. Дома 1—1».

Я уже сказал: в Ленинграде есть и Зоологический переулок, есть и Альбуминная (то есть «белковая») улица. И ленинградцы не удивляются, когда проходят мимо дома, во всю наружную стену которого над одной из самых людных площадей, возле Технологического института, начертана прямо на улице огромная таблица элементов Менделеева. А что тут особенного? Ленинград — город науки.

На одной из тихих улочек Петроградской стороны есть странный монумент: на высоком постаменте сидит громадный бронзовый пес. Кто поставил тут этот необыкновенный памятник? Какой-нибудь сентиментальный вельможа, потерявший любимую собаку? Ничего подобного! Как называется улица? «Улица академика Павлова». Все понятно: величайший физиолог XX века все свои гениальные опыты ставил на собаках. В честь этих бессловесных помощников науки и водружен удивительный памятник.

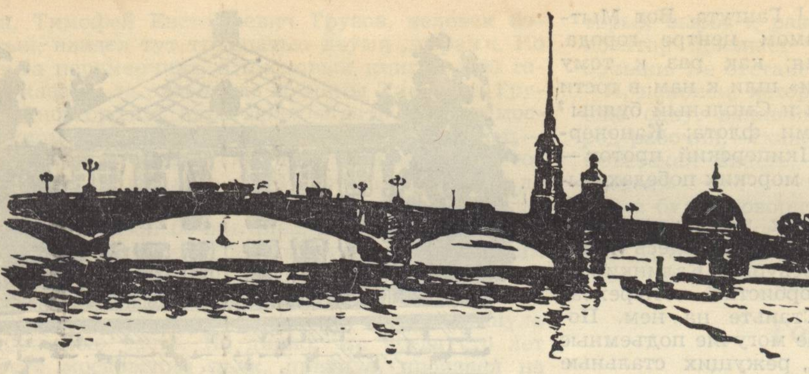
Приходится признать: Ленинград и на самом деле город ученых. Их тут ничуть не меньше, чем моряков.

Краса и диво

Известна легенда: один богатый англичанин (говорят даже, что это был знаменитый романист Стивенсон), наняв быстроходный корабль, прибыл в середине прошлого века в Петербург, остановился на Неве, против Летнего сада, и, выйдя на палубу, долго смотрел на решетку— ограду, отделяющую сад от набережной. А насмотревшись, приказал отдать концы и плыть обратно в Англию. «Послушайте, дорогой сэр! — сказали ему.— Неужели вас ничто не интересует, кроме этого, в нашем городе?» «Этого уже вполне достаточно для человека на всю его жизнь»,— ответил ценитель искусства.

Может быть, этот рассказ вымышлен и ничего подобного не было. Но вымышлен он хорошо. Трудно представить себе более прекрасное про-

[1] Скампавеи — гребные суда.
[2] Буян — древнерусское название речной пристани.

Кировский мост и Петропавловская крепость.

изведение искусства, чем строгая ограда на берегу Невы. А ведь это только одно из чудес нашего города. Ленинград подобен гигантскому музею, по которому можно ходить месяцами и никогда не закончить осмотра его великолепных зал.

Станьте летним вечером на грандиозном — полкилометра длиной — Кировском мосту, станьте и оглядитесь. Нева здесь перед крепостью разливается широким плесом, подобным озеру. По одному берегу тянется сплошная цепь архитектурных шедевров. Вот легкий и изящный Мраморный дворец, построенный Ринальди. Вот причудливая громада Зимнего дворца; задуманный великим Растрелли, он в следующем веке, после страшного пожара, был восстановлен Стасовым и другими замечательными художниками. Дальше горит в лучах заката прославленная Пушкиным Адмиралтейская игла. Трудно вообразить себе что-либо удивительнее Адмиралтейства. Просты и спокойны его очертания, восхищает размах, приданный ему зодчим, славным Захаровым: на семьсот тридцать метров, не прерываясь, тянется линия его фасадов, главного и боковых. А там, за ними, мировое чудо — «Медный Всадник», фальконетовский Петр, памятник, которому нет равных на земле по красоте и силе. И сенат с синодом, созданные блестящим Росси. И там, на стометровой высоте, купол Исаакиевского собора, выстроенного Монферраном. Как первая примета Ленинграда поднимается его золотой купол над горизонтом, когда корабль подходит с моря к устью Невы...

Памятник Петру Первому.

Нет, дорогие друзья, куда бы вы ни отправились в Ленинграде — пойдете ли вы мимо Казанского собора, мимо Театра имени Пушкина и Публичной библиотеки, через Аничков мост с его поразительными конными статуями, вдоль Невского проспекта, поедете ли на веселом речном трамвайчике на знаменитые Острова, где шумят трехсотлетние дубы и липы,— везде вас окружит та же величественная, строгая красота.

Да, город моря, город науки, он был и остается городом великих зодчих.

> Люблю тебя, Петра творенье,
> Люблю твой строгий, стройный вид,
> Невы державное теченье,
> Береговой ее гранит...
> . . . .
> Люблю...

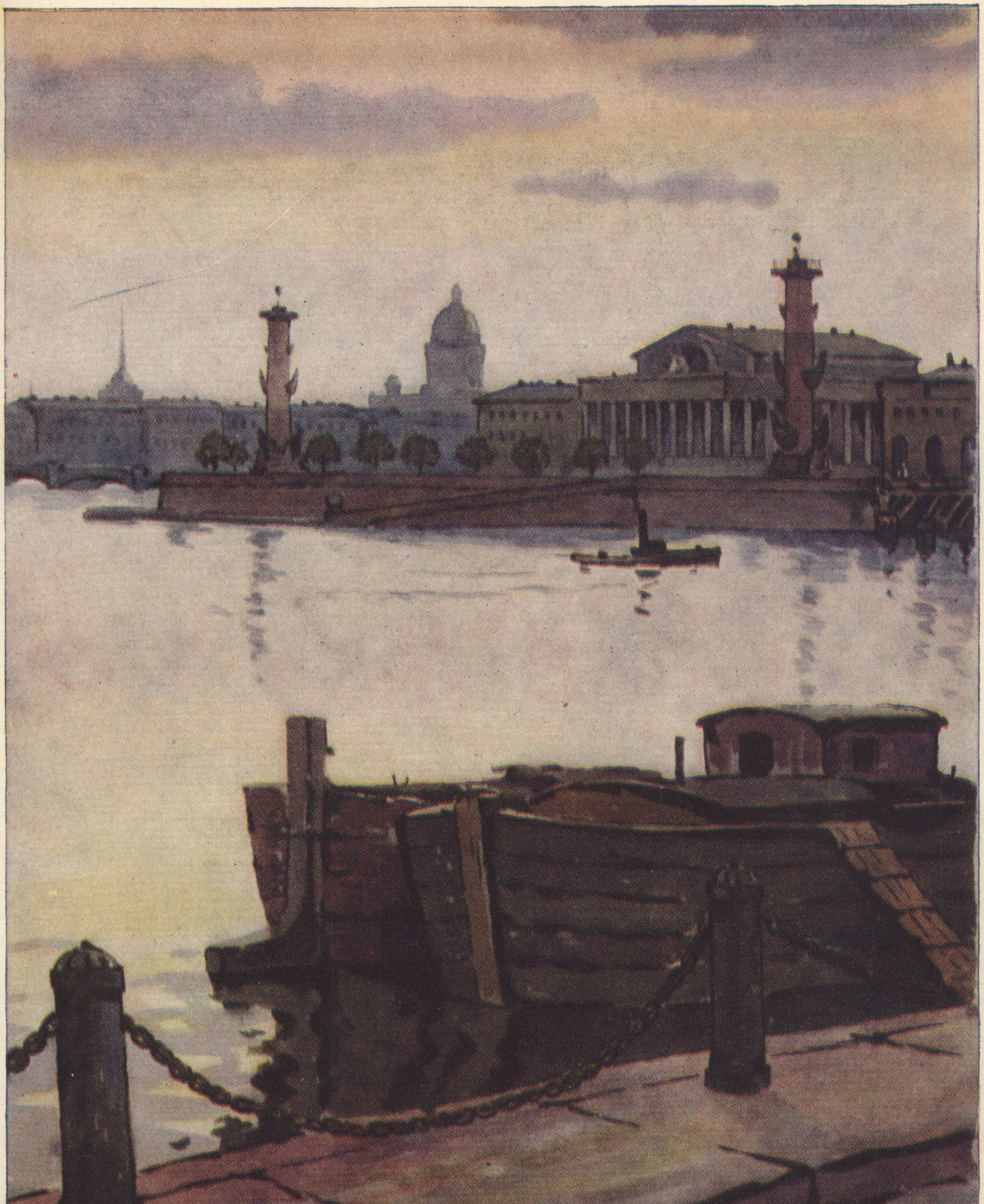
Нет, возьмите томик Пушкина, раскройте поэму «Медный всадник» и читайте сами. Это лучше, чем любые статьи.

Город вдохновенного труда

Если я скажу: «Ленинград рожден трудом»,— это никого не удивит: а какой же город не рожден им? Но слова «Ленинград» и «труд» сочетаются особенным образом.

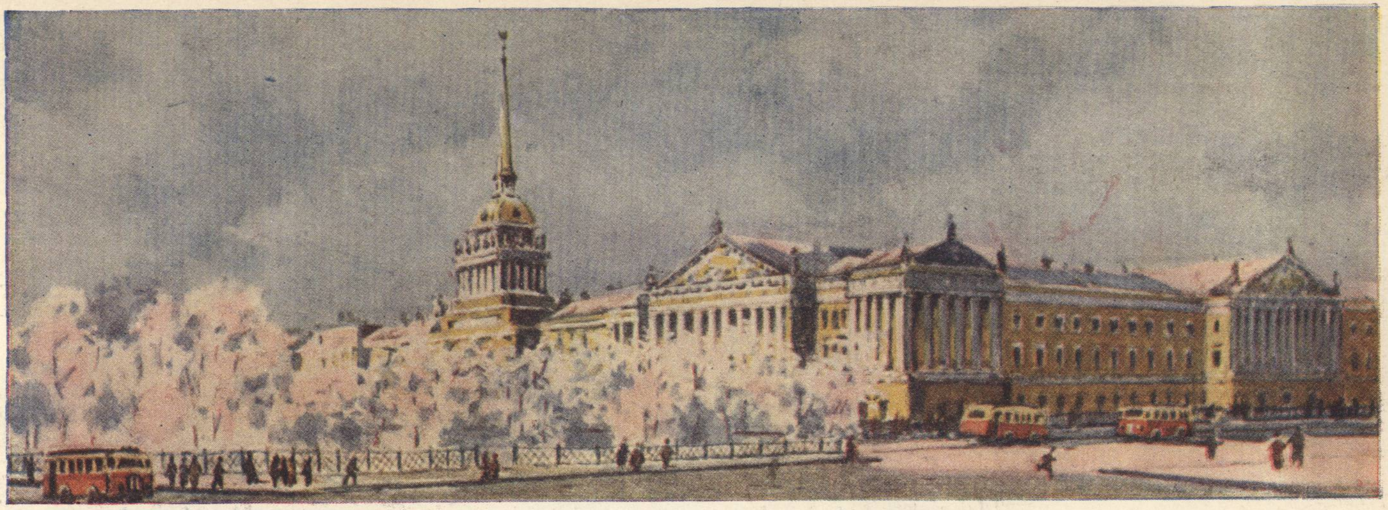
Рим — великий город, но чтобы создать его, человечество потратило три тысячи лет. Около двух тысячелетий потребовалось, чтобы деревушку кельтского племени паризиев превратить в современный Париж. Десять веков рос и развивался Киев. Ленинграду — 250 лет. В Советском Союзе немало стариков, только наполовину моложе его. Так каким же напряженным, каким яростным должен был быть тот труд, благодаря которому город-отрок догнал и перерос множество своих древних собратьев? Вот поэтому и можно сказать, что весь он является колоссальным памятником самоотверженного труда.

Есть две стороны у этого труда; одну почти невозможно описать достойно. Подумайте сами: на

ЛЕНИНГРАД. БЕЛАЯ НОЧЬ.

Я. Крестовский.

ЛЕНИНГРАД.
АДМИРАЛТЕЙСТВО.

Ю. Смольников.

ЛЕНИНГРАД
ВИД НА СТАДИОН ИМЕНИ
С. М. КИРОВА И НА ГОРОД
СО СТОРОНЫ МОРЯ.

Я. Крестовский.

пространстве в шестьдесят или семьдесят квадратных километров невской дельты нет ни одного кубического дециметра земли, который за эти два с половиной столетия не был бы сотни раз поднят на воздух лопатой землекопа, переброшен с места на место, убран здесь и уложен там. В одной книге, написанной вскоре после страшного наводнения 1824 года, автор-моряк приводит любопытный подсчет. С основания города и до дней, когда книга был написана, в Петербург, по его данным, прибыло около шестидесяти тысяч различных кораблей. Все они — из Англии, Франции, Бразилии, Ост-Индии — шли сюда с балластом — песком. Становясь тут под погрузку, они выбрасывали этот песок на берег. За сто лет они привезли сюда не меньше четверти миллиона кубометров песка из стран Европы, Азии, Африки и Америки. Песок смешался с нашей северной болотной торфяной землей, и берега Невы поднялись над ее уровнем настолько, что даже наводнения стали им не так страшны, как вначале. Вот и представьте себе размах и масштабы этого незаметного постоянного труда, если он мог все подножие города поднять хотя бы на несколько футов.

Но он непрерывен и постепенен, этот труд. А я хочу показать вам образцы того труда, который за короткое время создает колоссальные сооружения, того, перед результатами которого хочется снять шапку,— так удивительно могуч и так видим он.

Долго этот труд был далеко не радостным, не счастливым; был тяжкой повинностью, а не геройским подвигом добровольцев. Тем не менее он создал наш город.

Прежде всего была создана гранитная одежда самой Невы. В 1762—1763 году были начаты работы. В июле 1762 года опытный строитель С. Волков получил приказ измерить расстояние «от зимнего каменного дома до Литейного двора». Три дня спустя он доложил: расстояние это оказалось равным 2 862 тогдашним саженям, примерно шести километрам. Бешеный темп работы был задан с самого начала. А два года спустя первый участок могучей гранитной стенки, такой прочной, что она стоит и сейчас, был уже готов. За Зимним дворцом, на первом из прекрасных гранитных спусков к реке, врезана в камень дата: «1764».

Гранитная стена эта не только укрепляла берег. На всем протяжении она отвоевывала у реки полосу где в пять—шесть, где в десять—пятнадцать, а местами (например, у Летнего сада) даже и до сорока метров шириной. Сама ограда Летнего сада стоит на месте, где раньше плескались воды реки.

Пять каменных мостов через Фонтанку, Мойку, Лебяжью канавку строил «каменный мастер» Тимофей Иванов. Мосты стоят и сегодня, и каждый из них прекрасен, как произведение даже не архитектора, а скульптора — русские каменщики тех дней лепили из гранита, как из мягкой глины.

Работы на набережной задумывали власти — выполнял народ. Они были непомерно тяжкими. Теперь людям помогают паровые копры и краны, электрические насосы, землечерпалки, грузовики. Тогда все делалось топором да лопатой. Люди жили в сырости и грязи, умирали от тысячи болезней, получали гроши за тяжкий, подневольный труд. И все же это дело было общенародным, нужным.

А рядом с ним, ради прихоти богатых самодуров, возводились нелепые постройки, рассказы о которых могут довести каждого из нас просто до бешенства. Слышали ли вы, например, про сооруженный в Петербурге в морозном 1740 году Ледяной дом?

Его выстроили в феврале того года из глыб нев-

Дворцовая площадь.

ского льда. И что за чудо был этот сказочный дом!

У его ворот стояли ледяные пушки, стрелявшие настоящими ядрами. Были тут ледяные дельфины, которые «помощию насосов огонь из зажженной нефти из челюсти выбрасывали, что ночью приятную потеху представляло». Возвышался ледяной слон «в надлежащей его величине». Росли деревья с ледяными ветвями и листьями; на них сидели ледяные птицы.

И все внутри дома было ледяное: мебель, утварь, вплоть до часов, внутри которых видны были все колеса ледяного механизма.

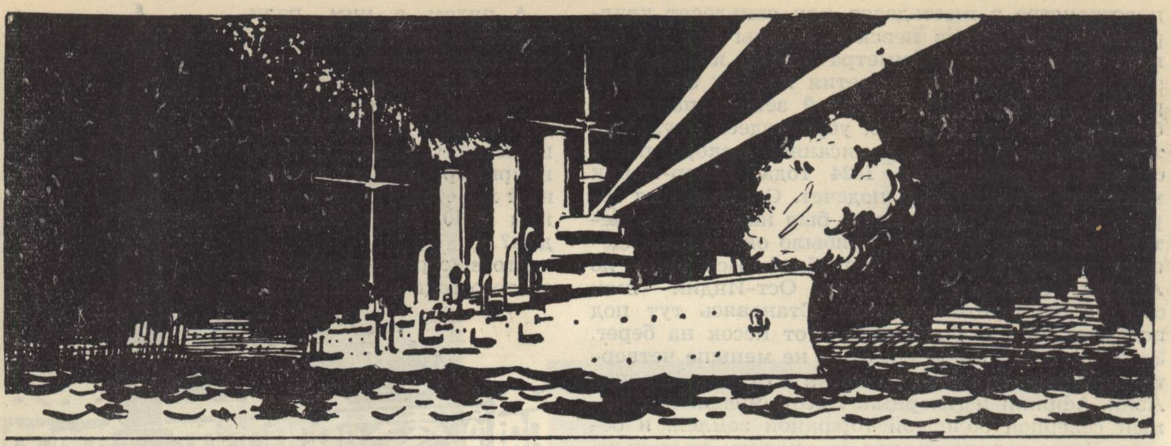
Чудо удивительного, искусного труда. А кто построил этот дом? Вот это-то нам и неизвестно. Мы знаем имя Татищева — вельможи, который придумал для императрицы Анны такую редкую забаву, знаем, что руководил делом «кабинет-министр» Волынский. Нам остались памятными имена царских шутов, свадьбу которых справили в этом доме. О талантливых же мастерах, создавших эту сказку, не слышал никто.

Набережные города и Ледяной дом — две стороны медали, образцы труда осмысленного и бесцельного, труда для народа и того, что тратится на минутную забаву богачей.

Великие дела

Все эти дела перечислить нельзя, но как не упомянуть о самых титанических подвигах!

Когда из-под пригородной Лахты, за пятнадцать километров, была доставлена в целом виде и без единого повреждения чудовищная скала, прославленный «Гром-камень», гранитный валун, легший потом под копыта «Медного Всадника», это казалось поистине подвигом легендарных геркулесов. Камень весил более ста пятидесяти тонн. Его надо было поднять с места, по болотистым лугам дотащить

Крейсер «Аврора».

до морского берега, погрузить на специальную баржу, водой привести в Неву, выгрузить на берег и уложить на место. Все это было сделано, и не удивительно, что на выбитой по этому случаю медали была учинена надпись: «Дерзновению подобно».

Но что значит это все по сравнению с историей сооружения в следующем столетии пресловутого «Александрийского столпа», величайшего в мире обелиска из цельного куска гранита? Этот каменный цилиндр весил вчетверо больше «Громкамня» — около шестисот тонн. Его везли не из пригорода, а от самого Выборга: там он был добыт в известных каменоломнях.

Гигантскую колонну поставили вертикально на высоком постаменте. Когда страшная тяжесть налегла на свое подножие, в соседних домах почувствовалось что-то вроде подземного толчка. Громада и сегодня высится посреди Дворцовой площади, а ведь удерживает ее только сила тяжести, без всяких подпор и поддержек.

Еще сильнее поражает строительство Исаакиевского собора. Ведь его окружает целый лес монолитных гранитных колонн, правда, вшестеро меньших, чем Александровская, но зато их здесь сорок восемь штук! А невообразимая каменная подушка в сто шестьдесят пять тысяч кубометров гранита, зарытая в землю под Исаакием! Она, в свою очередь, опирается на 10 672 шестисаженные сваи, до отказа забитые во влажную приневскую землю. Это ли не памятник бесчисленному множеству строителей, от архитекторов до последнего землекопа?!

Пышную, великолепную столицу создал за два века подневольный труд на топких берегах Невы. Во всем мире дивились ее блеску, мощи и богатству. Хозяева города и страны радовались. Но им не видно было другое.

За те же два столетия выковалась и созрела грозная стальная сила, сила питерских рабочих, закаленных, суровых и неколебимых воинов революции.

Город-труженик давно был и городом-бунтарем. Разве не здесь, вокруг «подножия кумира», «Медного Всадника», собирались на первый бой с царями 14 декабря 1825 года солдаты гвардии, матросы флотского экипажа? Разве не в Петербурге пятьдесят лет спустя развернул под портиками Казанского собора первое красное знамя студент Георгий Плеханов? Разве не здесь, на окраине Питера, Ленин возглавил «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»? Тут, в Питере, в мае 1901 года рабочие-обуховцы построили невиданные еще в России баррикады, начали великий бой безоружных с вооруженными до зубов.

9 января 1905 года тысячи людей пришли к Зимнему дворцу: народ еще верил старой, обветшалой сказке. Люди хотели мирно сказать царю о своих бедах, о том, что больше так жить нельзя. Кровь расстрелянных навсегда смыла эту последнюю веру. В феврале семнадцатого года уже ни один человек не вздумал вступать в переговоры с царем, а восемь месяцев спустя, в ночь Октября, та же Дворцовая площадь снова заполнилась народом, но каким? Это шел уже вооруженный народ, руководимый Лениным, сплоченный вокруг большевистской партии; шел говорить со своими врагами языком огня и железа, языком восстания.

Темна и холодна была та октябрьская ночь, но каким же невиданным пламенем загорелась к утру над Зимним дворцом заря новой жизни!

В глухой осенней тьме собирались с вечера к сердцу города несметные толпы людей. Дворец высился тяжкой молчаливой громадой. Среди бескрайних поленниц запасенных на последнюю царскую зиму дров прятались юнкера с пулеметами, таился ударный батальон смерти. Все напрасно: громыхнул «авроний залп», и началось.

Во дворец ворвались сразу с нескольких сторон — и с площади и с набережной — через тот подъезд, откуда теперь ежедневно идут в Эрмитаж тысячи влюбленных в прекрасное ценителей искусства. Загудели под солдатскими сапогами мраморные лестницы; тревожные отсветы побежали по стенам, по золоченым колоннам; испуганно зазвенели хрустальные подвески люстр под расписными потолками. Народ хлынул, как неудержимый поток...

И когда наступил над крышами Зимнего новый серый осенний день, Россия перестала быть старой Россией и Петербург—Петербургом. Правда, только через семь лет получил он новое солнечное имя свое, но ведь суть-то не в имени, а в делах! Другим стал невский город, другой стала его жизнь, другим стал и самый тот труд, который его поддерживает и созидает.

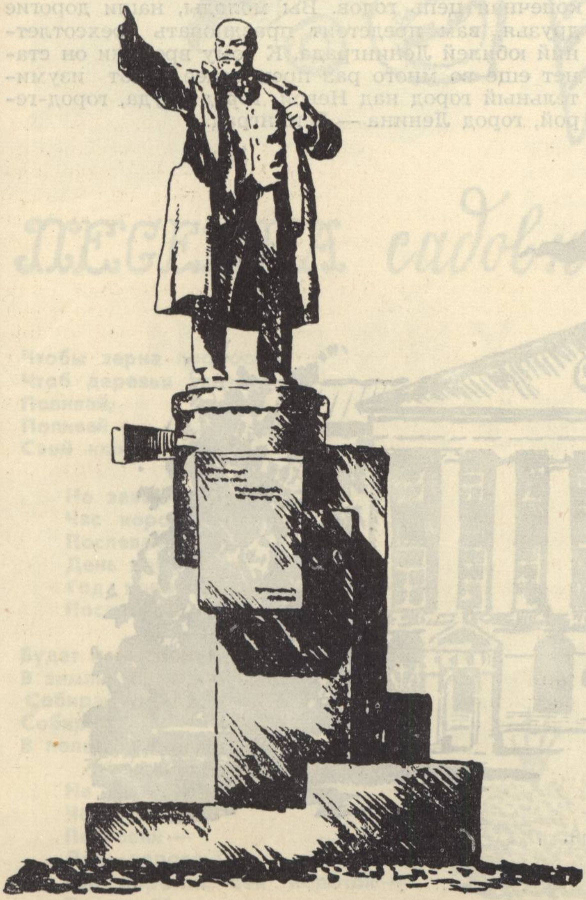
Город Ленина

Петербург просуществовал 214 лет. Ленинграду вместе со всем Советским Союзом еще не минуло и сорока.

Зодчие, скульпторы, инженеры, каменотесы Северной Пальмиры служили горсточке богатейших людей мира; они строили и украшали только самое сердце города. В Зимнем дворце около тысячи комнат-покоев, сто семнадцать лестниц, почти тысяча девятьсот дверей, еще больше окон. И в этих комнатах, за этими окнами жила одна-единственная семья! Гигантским залом Биржи пользовалось несколько сотен спекулянтов. В Исаакиевский собор, способный вместить двенадцать тысяч человек, в праздничные дни пускали только «чистую публику» и по строжайшему отбору: билетов выдавалось не более тысячи штук.

А в наше время?

Когда вы будете в Ленинграде, поезжайте на многокилометровую улицу, идущую прямо на юг, точно по меридиану: Московский проспект называется она. По этому проспекту (он раньше носил имя Забалканского) можно было идти и сорок лет

Памятник Владимиру Ильичу Ленину.

Станция метро «Нарвская».

назад. Через два километра, считая от Сенной площади, пешеход упирался в Обводный канал. За его зловонной водой, у поросших крапивой да лопухами берегов, начинались бесконечные пустыри, одноэтажные деревянные домишки, кое-где разбросанные вдоль железнодорожных путей заводы. Последние следы города кончались у Заставской улицы; даже на городских планах не обозначались места за нею.

А теперь от людного и шумного перекрестка на Обводном канале, с его трамваями, троллейбусами, автобусами, с многоэтажным Универмагом, с зеленым бульваром, бегущим вдоль асфальтированной набережной, посмотрите-ка к югу. Только в смутной дымке видишь там, за шестью километрами пути, все еще тянущиеся ряды великолепных шестиэтажных зданий. За окраинной Заставкой начинается целый новый район Ленинграда — такой же район, как и в центре,— с асфальтом широкой улицы, со стоянками такси, с зеленым Парком Победы, с отличным памятником Чернышевскому напротив него. Это огромный город, полный многочисленного населения, и весь этот город родился в наше время.

И ведь он не один. На километры вынесся к северу далеко за Лесной и Удельную второй такой же новорожденный район Выборгской стороны. Выросло, раскинулось во все стороны обновленное Автово за Нарвской заставой. Стал совсем другим правый берег Невы. Всюду и везде зазеленели великолепные парки: по сравнению с приморским Парком Победы знаменитый Летний сад кажется крошечным сквериком. С каждым годом на Охте, за Невской заставой, в Гавани поднимаются здания театров и кино... Хороши были старые театры города — Мариинский, Александринский, Михайловский, Большой... Но вот теперь зал одного только Дворца культуры имени Горького может вместить две тысячи человек, а такие дома есть и на Выборгской и на Васильевском — везде. Все это не окинешь одним взором; перед десятками новых скверов, площадей, улиц не каждому придет в голову почтительно снять шляпу, как перед величавым монолитом «Александрийского столпа» или перед громадой Адмиралтейства. И что же? Может быть, после революции нам еще не удалось создать подобных колоссальных памятников зодчества, сооружений титанического масштаба и размаха?

Нет, удалось! И есть среди них такие, что и во сне не приснились бы старым зодчим: такая мощь была недоступна им. Я говорю о Кировском стадионе, и о нашем Ленинградском метро, и о многом другом.

На взморье, на самой стрелке Крестовского острова, издали видна зеленая гора: сверху, с самолета, она выглядит как прибрежный вулкан с громадным воронкообразным кратером. Вот это и есть Кировский стадион. Он способен разместить на скамьях своего мощного амфитеатра восемьдесят тысяч зрителей, на тридцать тысяч больше, чем усаживалось когда-то на каменных ступенях прославленного в веках древнеримского «Колоссея». Могучее сооружение еще не вполне завершено: со временем по его верхней части протянется чудесная галерея-колоннада, над входом вознесется шестидесятипятиметровая башня. Тогда он станет, бесспорно, одной из архитектурных достопримечательностей города. Но дело не в этом. Дело в том, как построен этот замечательный памятник новой архитектуры. Его громада не насыпана лопатами бесчисленных землекопов, не привезена сюда на тысячах тысяч грузовых машин. Нет, чудесные землесосные механизмы подняли колоссальную груду ила со дна залива, расчищая судоходный фарватер перед устьем Невы, и, точно в какой-то сказке, намыли на плоском берегу шестнадцатиметровую толщу будущего стадиона-кратера. Вот поистине удивительный образец нашего невиданного зодчества, такого, где разум заменяет физическую силу, высокая техника — руку человека!

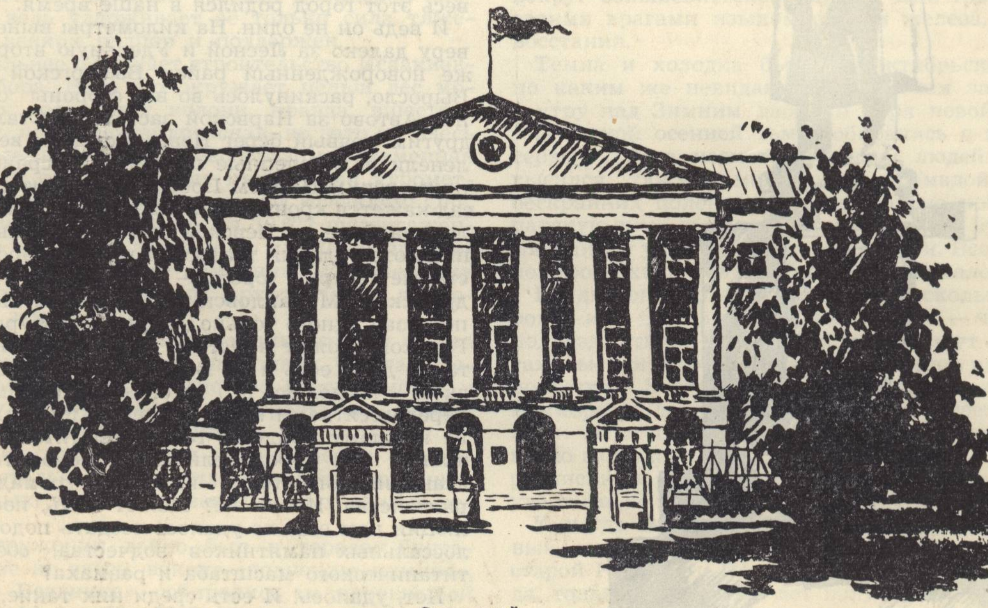
А метро! Восемь подземных дворцов, сложенных из мрамора и гранита, украшенных бронзой и сталью, с переходами, залитыми светом, с подвижными лестницами, поднимающими вас на десятки метров ввысь... Чтобы построить его, надо было на огромной глубине пробить в крепкой, как камень, породе больше двух десятков километров туннелей в шесть метров поперечником — рассчитайте-ка, чему равен объем этой великанской работы? Двести тысяч тонн тюбингов облекли эти подземные пути в сплошную броню; триста шестьдесят пять тысяч кубометров бетона и железобетона человек спустил в недра ленинградской земли. Тридцать тысяч электрических ламп освещают наше метро, и в их свете, следуя друг за другом на расстоянии в полторы — две минуты, мчатся, грохоча и сверкая, голубые поезда. А спустя короткий срок они понесутся и глубоко под быстрой Невой, где уже проложен удивительный подводный туннель...

И стадионом, и метро, и нашими парками, дворцами культуры, троллейбусными линиями, велотреками может пользоваться каждый ленинградец. Они нужны любому из нас. Это поистине народные сооружения; их творец и полновластный хозяин — сам народ.

Да что говорить: рядом с этими величественными сооружениями есть у нас еще много такого, о чем мы не думаем, чего почти не замечаем, что кажется нам привычным и естественным. А стоит вдуматься — и понимаешь: удивляться есть чему.

Петербург строился и рос два века, и ничто, никакая внешняя сила не мешала его величавому росту. Ленинград простоял четыре десятилетия и дважды — голодом, бомбежкой, блокадой, войной — разрушали его жестокие противники. Городу были нанесены тяжелые раны. А где следы этих ран? Вы их не найдете. Разве и в этом не виден великий трудовой подвиг города?

Четыре десятилетия — краткий миг в полнокровной жизни молодого города. Впереди — бесконечная цепь годов. Вы молоды, наши дорогие друзья, вам предстоит праздновать трехсотлетний юбилей Ленинграда. К тому времени он станет еще во много раз прекраснее, этот изумительный город над Невой, город труда, город-герой, город Ленина — Ленинград.

Смольный.

ДВЕ ПЕСЕНКИ

Я. Аким

Рисунки Ю. Кискачи.

песенка хлеба

Прохладным комом теста
Подъехал я к печи.
Мне уступили место
Соседи-калачи.

Среди углей да пепла
Томился я, пока
Нутро мое окрепло,
Поджарились бока.

Бываю я черным,
Бываю я белым,
Румяным бываю
И чуть подгорелым.

И вот наутро в лавке,
Дыша вокруг теплом,
С друзьями на прилавке
Лежу я под стеклом.

А кто в бумаге белой
С собой меня берет,
Тому потом я смело
Заглядываю в рот.

Бываю я черным,
Бываю я белым,
Румяным бываю
И чуть подгорелым.

ПЕСЕНКА садовника

Чтобы зерна проросли,
Чтоб деревья зацвели,
Поливай,
Поливай
Свой клочок земли.

Не зевай —
Час короток!
Поспевай —
День короток!
Год короток, век короток —
Поспевай!..

Будет новая весна,
В землю бросим семена.
Собирай,
Собирай
В поле семена.

Не зевай —
Час короток!
Поспевай —
День короток!
Год короток, век короток —
Поспевай!..

Рассказы Г. Снегирева.
Рисунки В. Константинова.

СОБОЛЬ

Это в глухой тайге было, людей там редко встретишь — одни звери.

Мы по звериной тропе шли: я и старик-охотник Мендуме.

К вечеру привела нас тропа на таежное озеро. Со всех сторон к воде подступают зеленые кедры, и вода в озере от этого зеленая.

Подует ветер, кедры закачаются, зашумят, и кажется, что озеро тоже заволновалось.

Развели мы на берегу большой костер, напились чаю, собаку привязали к сухому кедру, а сами задремали у огня.

Спал я недолго. Еще с вечера собака на верхушку кедра смотрела и ворчала, а ночью стала громко лаять. Я проснулся. Мендуме тоже не спал.

— Медведь? — спросил я у него.

— Нет!

— Лось?

— Нет,— сказал Мендуме,— это соболь!

Он по лаю узнал, кого почуяла собака.

На рассвете соболь вылез из дупла, и Мендуме убил его.

Шкурка у соболя была черная и мягкая. Мендуме гладил ее рукой и рассказывал, как живет соболь, какие цены бывают на шкурки, но я уже все забыл, а помню только соболиные глаза, зеленые и глубокие, как таежное озеро, на берегу которого жил соболь.

ХИТРЫЙ БУРУНДУК

Построил я себе в тайге чум. Это не домик и не лесной шалашик, а просто длинные палки вместе сложены. На палках лежит кора, а на коре — бревнышки, чтобы куски коры не сдуло ветром.

И стал я замечать, что кто-то в чуме оставляет кедровые орешки.

Я никак не мог догадаться, кто же без меня в моем чуме орешки ест.

Даже страшно стало.

Но вот раз подул холодный ветер, нагнал тучи, и днем стало от непогоды совсем темно.

Залез я поскорее в чум, смотрю, а место мое уже занято. В самом темном углу сидит бурундук. У бурундука за каждой щекой по мешочку с орехами. Толстые такие щеки, глаза щелочками. Смотрит

он на меня, боится орешки на землю выплюнуть: думает, что я их украду.

Терпел бурундук, терпел, да и выплюнул все орешки. И сразу щеки у него похудели.

Я насчитал на земле семнадцать орешков.

Бурундук сначала боялся, а потом увидел, что я спокойно сижу, и стал рассовывать орешки по щелям и под бревнышки.

Когда бурундук убежал, посмотрел я — всюду орешки напиханы, крупные, желтые. Видно, бурундук в моем чуме устроил себе кладовую.

Какой хитрый этот бурундук! В лесу белки да сойки все орешки у него растащат. А бурундук знает, что в мой чум ни одна сойка-воровка не полезет, вот и притащил ко мне свои запасы.

И я уже не удивлялся, если находил в чуме орешки. Я знал, что со мной живет хитрый бурундук.

ВОРОН

Весной в горах лежит снег, и цветут эдельвейсы, и голубое перо сойки мелькает в зеленых кедрах. И солнце здесь светит ярче, чем внизу, в долине.

Черный ворон молча облетает горы. Далеко слышен шум его крыльев, даже горный ручей не может их заглушить. Медленно летит ворон от одной вершины к другой: «Нет ли где больного зайчонка? Или, может, маленький куропчонок отстал от матери?»

Притаился в траве зайчонок, куропчонок еще крепче прижался к земле.

Все боятся ворона, даже олень вздрагивает от его карканья и тревожно озирается кругом.

Ворон возвращается ни с чем: он очень стар. Он сидит на скале и греет больное крыло. Ворон отморозил его лет сто, а может, и двести назад. Кругом весна, и он совсем один.

Лесные доктора

С. Журбина

Краевое управление лесного хозяйства поручило пионерской экспедиции Ставропольского дворца пионеров обследовать леса трех районов — Архысского, Урупского и Зеленчукского. Из лесничеств поступили тревожные сводки: «Одолевают лесные вредители. Много деревьев болеет кольцевым раком».

Надо спасать леса. Двадцать краеведов во главе с руководителем кружка Вергинией Владимировной Савельевой вышли в поход.

За спиной Наташи Андриановой походный рюкзак, в нем не найдешь ни одной лишней вещи, даже платье в походе считается предметом роскоши: в брюках гораздо удобнее.

Наташа впервые в походе. Рядом шагают товарищи, люди бывалые, с 4-го класса в походах. Они и идут совсем по-другому: не торопясь, но ходко. Из рук в руки, как эстафета, переходит пузатый черный чемодан. Одно отделение в нем для жуков, другое для бабочек, третье для личинок. Там же спирт, формалин, эфир, расправилка. Берегитесь, лесные вредители!

Из дневника Володи Гниловского

«Переночевали в станице Сторожевой и утром двинулись вдоль Скалистого хребта. На водоразделе Урупа и Кяфаря впервые появляются настоящие, огромные леса. Состав их: ольха, дуб, ива, береза. Над станицей Преградной по горному карнизу вьется новое шоссе. Оно уходит в глубь леса. По этому шоссе вывозится лес, доставляется продовольствие для лесорубов и геологов.

Обследовали лес на южном склоне, составили сводки для лесхоза».

Как настоящие путешественники, ребята шли теперь с проводником, сотрудником Зеленчукского лесхоза Георгием Семеновичем Солдаткиным. Георгий Семенович влюблен в лес, а ребята — в Георгия Семеновича.

Вот он подошел к дереву, осматривает его внимательно. Потом крепко ударяет по стволу, ближе к корню, молотком. Настороженно вслушивается.

Ребята неотступно ходят за ним.

— Мы с вами лесопатологи — лесные доктора. Как врач выстукивает и выслушивает больного, так лесопатолог выслушивает дерево, — объясняет проводник ребятам.

Из дневника Наташи Андриановой

«Скоро и мы научились выслушивать. Здоровое дерево дает чистый гул, больное — глуховатый, а о смертельно больное дерево молоток ударяется, как о вату. Иногда и звук бывает чистый, а дерево какое-то тощее, ветки опущены,— словом, «настроение» у него явно подавленное. Это тоже неспроста.

Оказывается, у каждого вида деревьев свой враг. Вот гриб на коре дуба или бука, похожий на подкову, красивый, погладить его при-

ятно — как замшевый. Только теперь мы узнали, что этот красивый гриб — страшная напасть для дерева. Он растет за счет древесины. И дерево чахнет, чахнет, пока не погибает совсем.

Один из самых опасных врагов дерева — усач. Обыкновенный жук, только усы длинные, вдвое длиннее туловища. В тишине букового леса повстречала я усача. Этот вредитель пойман с поличным. здесь и личинки и поврежденная ими кора. Личинки прорезают отверстие, уходя под кору дерева; зимой им становится холодно, и они пробираются в самую сердцевину. Такое источенное дерево не годится на строительство. За лето личинка окукливается, появляется жук и снова откладывает яички. Поврежденное дерево легко узнать по бурой муке, выступающей из коры наружу.

Мы отмечаем колышками участок для определения количества зараженных деревьев. На расстоянии трех шагов друг от друга по склону горы Змейки медленно поднимаемся цепочкой: ни одно дерево не должно остаться неисследованным. Начинается перекличка: бук — здоровый; дуб — больной: грибы-трутовики одолевают; дуб ослаблен: борется с кольцевым раком. Отрываю кусочек больной древесины. Жалко дерево: кольцевой рак схватил его «за горло» и душит. Скоро питательные вещества не смогут подниматься выше по древесным тканям, и дерево неминуемо погибнет. Но основная беда в том, что кольцевой рак — болезнь заразная. От этого дерева могут заразиться другие деревья. Вот почему так важно взять на заметку больные деревья и сообщить о них в лесничество.

Вот такую санитарную сводку составили мы на берегу Цыбельды:

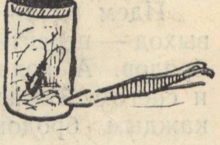
а) здоровых деревьев — 80%; б) ослабленных — 8%;
в) сухостоя — 2%; г) пораженных грибом — 10%.

Но это еще далеко не полная сводка: когда лесопатолог попадает на новый лесной массив, он должен сказать свое слово и о характере почвы, и о запасе древесины на каждый гектар, и о подлеске.

А вот таксационное—учетное—описание: бук—7 единиц, осина — 1 единица, дуб — 2 единицы. Встречаются граб и ольха. Возраст —

Древесные грибы надо разобрать, записать, где какой гриб найден и на каком дереве он рос.

Юра Бурлаков срезает кусок коры с больного бука. Позднее, в лесхозе, специалисты подробно исследуют срез.

V класс. Бонитет — II. Полнота — 0,7. ПДЛ (подлесок): лещина, бузина, калина, малина, азалия. ПКР (покров): вороний глаз, перловник, звездчатка, купена. Густота: средняя. Почвы: лесные суглинки, щебенчатые, мелкие.

О чем говорит эта запись? Многое здесь непонятно непосвященному человеку. Семь единиц — каких единиц? Оказывается, учет состава леса ведется так: все деревья принимают за 10. Значит, здесь бука по отношению ко всему лесу семь частей, осины — одна часть, а дуба — две части. А что такое бонитет? Это сумма условий, в которых живет лес. Почва, влажность, освещенность, количество птиц, полезных и вредных насекомых — словом, все, что помогает или мешает лесу жить. Бонитет — II — значит, условия хорошие. I — еще лучше. А плохие — V, а то и V-а.

Полнота — 0,7 — значит, на этом участке запас древостоя—70 процентов против идеально большого.

Пятый класс — значит, дереву от сорока одного до пятидесяти лет. Каждый класс — 10 лет.

Покров перловник — значит, лес находится на сухом месте, так как известно, что эта травка не любит сырости.

Покров — индикатор (показатель) местности. Клюква растет — значит, место сырое. Кисличник — подходящая почва для ельника. Брусничник — значит, сухой бор.

Совсем темно. Все возвращаются в лагерь. Нас провожает, освещая путь, целая стая лесных светлячков. Совсем как в сказке. Юра Бурлаков уточняет: «Светлячок — жук, принадлежит к семейству мягкокрылых, на конце тельца имеет фосфоресцирующую массу». А Витя набирает полные карманы светлячков. Уже в лагере он запихивает их в стеклянную банку и, держа в руке свой «фонарик», роется в записной книжке, уверяя всех, что видно все как днем».

У станицы Преградной туристы провели ночь. Утром ребята проснулись в пять часов. Работа не ждет. Груду вчерашних находок нужно рассортировать, описать, поместить в гербарий или в формалин. Все дружно принимаются за дело. Не все любят эти часы. Иному человеку легче подняться на крутую гору, скалу, чем сделать простую запись в дневнике. Витя Качковский, вздыхая, принимается за дневник. Дело движется не слишком быстро. Вот через плечо его заглядывает Вергиния Владимировна.

— Почему у тебя в дневнике такие отрывочные сведения? «10 ч.— форель, 12 ч.— буковая зона, Цыбельда...» Что это?

Витя спорит, доказывает, что для него в этих словах заключается самое главное, что они полны смысла, а расшифровать можно и потом, дома. Но Вергиния Владимировна неумолима. Рядом с ней возникает начальник экспедиции Юра Гниловской. По-видимому, они заодно. Тяжела ты, доля краеведа!

Витя начинает сначала.

Из дневника Вити Качковского

«Мы ходили высоко в горы, к озеру Уруп. Наблюдали за сменой растительности.

Идем вдоль реки между скал, скалу не обойти: единственный выход — перейти на тот берег. На первые три километра восемь бродов. А вода ледяная. Горная река питается тающим льдом и снегом. Температура +3°, а в воздухе +39°. Разуваться перед каждым бродом надоедает. Идти сплошь босиком еще хуже: на каждом шагу приходится вытаскивать колючки из пяток... В 10 часов поймал форель. Мы ее заспиртовали.

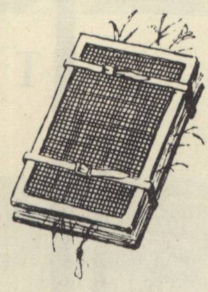
Поднимаемся все выше. Мы знали из географии, что в горах растительные зоны располагаются в зависимости от высоты. Но тут мы просто были поражены, когда мы за один день сами прошагали по всем растительным зонам: из степей перешли в смешанный лес, поднялись выше — кругом суровые ели да пихты: тайга. А через несколько десятков шагов растительность опять резко меняется: трава, цветы. Вступаем в альпийские луга. Стоило пройти трудные дороги, чтобы увидеть это! Голубые незабудки, ярко-оранжевые маки, синие гиацинты! Девочки сразу нарвали огромные букеты, а потом раскаивались, потому что куда же их деть? К полудню подошли к озеру Уруп. Окруженное серыми остроконечными громадами гор, оно кажется небольшим. Но до чего ж оно красиво! Вода в нем зеленовато-синяя, а кинешь камень — и становится она ярко-бирюзовой. Жарко, а искупаться в озере невозможно: оно ледниковое. Деревьев нет, только изредка промелькнет карликовая березка, как в тундре. А выше идут вечные снега. Мы играли в снежки. И это в июле!»

Хорошо у озера, а надо спускаться вниз: лес не ждет.

И вот они снова шагают по лесу. Зорко осматривают каждое дерево. Как оно себя чувствует? Может быть, грибы-паразиты питаются за счет его жизненных соков? Или одолели вредные насекомые? Или у него есть механическая травма: сожженный молнией или обрубленный сук?

Из дневника Юры Бурлакова

«Много в лесу вредных насекомых. А полезные есть? Оказывается, есть. Вот крылатое существо — наездник. Наездники добровольно берегут леса от порчи. Эти маленькие, с булавочную головку, насекомые уничтожают усача. Они откладывают свои яички в яички усача; период развития яйца усача — десять дней, а наездника — три дня. На четвертый день личинка наездника начинает питаться содержимым яйца усача. Сам наездник никакого вреда лесу не приносит. Даже жалко его заспиртовывать.

Хорошо бы придумать какой-нибудь инкубатор для разведения наездников... Развести бы их много-много — и пусть сметут с лица земли вредного усача».

Стоят четыре палатки на лесной поляне. Горит костер, закипает в котле ужин. Задумчиво глядят на огонь туристы.

— Георгий Семенович, а что будет после того, как мы сдадим свои сводки в управление?

— Выйдет другая экспедиция, взрослая. По вашим донесениям определит она район заражения. В четырех концах этого района зажгутся сигнальные костры. Будут поставлены пикеты. У пикетчиков в руках ракетницы. По сигналу самолет сделает вылет, распыляя по прямой линии ДДТ. И так ряд за рядом. Опыление такое сможет уничтожить личинки усача. А неизлечимо больные деревья спилят, чтобы обеззаразить лес. Если можно еще их как-то использовать, вывезут, а нельзя — сожгут.

Самолеты против бабочек

Вот бабочка сибирского шелкопряда.

А вот во что она может превратить лес!

Случалось вам на липе, на дубе видеть склеенные листья, опутанные паутиной? Вы прошли мимо. А это был враг — прожорливая гусеница-листовертка. Встретите ее еще, не проходите мимо, оборвите все гнезда и бросьте в костер. Просто скинуть на землю — не поможет: листовертка, как большинство паразитов, очень живуча.

На ветвях лиственных деревьев могут встретиться вам припудренные желтой пыльцой яички непарного шелкопряда. Они висят гроздочками. Тщательно соскоблите их — и в огонь.

Вот тут на фотографии бабочка шелкопряда сибирского. Познакомьтесь с ней и помните, что эта золотисто-коричневая красавица и ее дети могут сожрать огромный лес.

Знаете ли вы, что всем известные майские жуки (хрущи) тоже враги леса? Особенно страшны личинки майского жука. Личинки хруща живут в земле и подъедают корни деревьев.

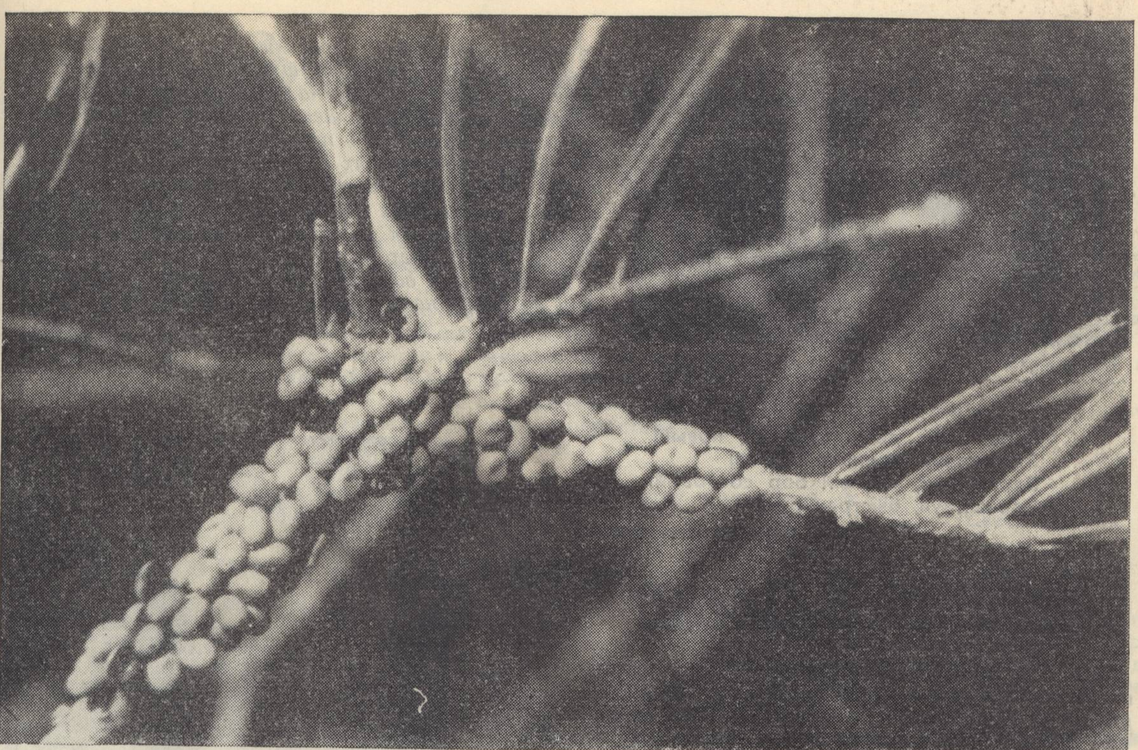
Когда роете лунку для посадки деревьев, внимательно посмотрите, нет ли там личинок. Майские жуки и их личинки подлежат уничтожению.

Не со всеми врагами леса вы можете расправиться своими силами.

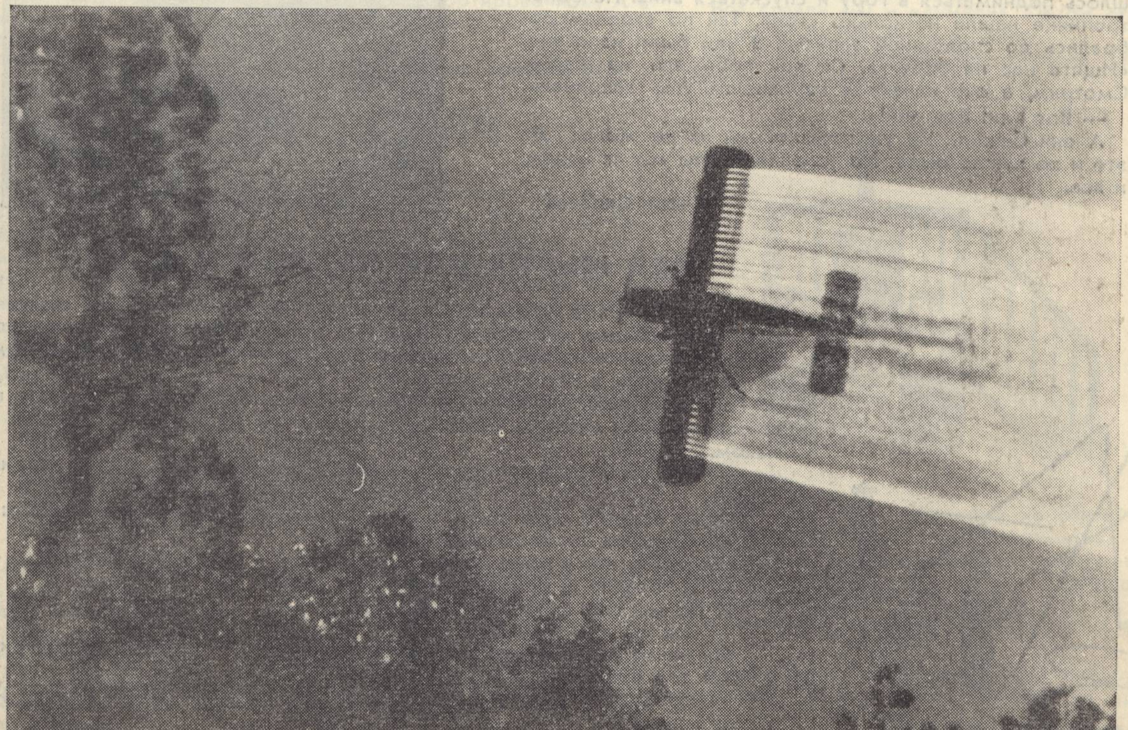
Обнаружили усача, короеда, сибирского шелкопряда или другого какого вредителя — сейчас же сообщите леснику или в лесничество.

И выйдут на борьбу с врагами леса отряды ученых, полетят целые эскадрильи лесозащитной авиации. Самолеты опрыскают деревья специальной жидкостью, безвредной для растений, но смертельно ядовитой для врагов леса.

П. Жохов,
инженер-лесовод.

Туда, где вы обнаружите такие яички, полетят самолеты лесозащитной авиации. Лес будет спасен.

Увлекательное дело затеяли ребята, отдыхающие в пионерлагере Черкасово на Урале. Они начали выпускать рукописный журнал «Наш отдых». В № 1 журнала на тридцати шести страничках помещены рассказы о дружбе и о приключениях, заметки о походах и о наблюдениях в природе, шутки и загадки, стихи и сказки и много-много красочных рисунков.

Здесь напечатаны выдержки из этого журнала. Только рисунки, к сожалению, пришлось передать одним черным цветом.

Почему бы и вам, ребята, у себя в пионерлагере или во дворе не выпускать такой журнал?

Здравствуй, день, веселый, новый!
Здравствуй, солнце, облака!
Здравствуй, темный бор сосновый!
Здравствуй, быстрая река!

Вера Красильникова

Потерянное звено

Утром на линейке нам не объявили, что будет после полдника. Мы удивились и смутились: почему не объявили? И вдруг после полдника — снова линейка. Тут нам сказали, что потерялось пять ребят из первого отряда. Надо их сейчас же искать. И вот каждому отряду были даны письма от этих пяти ребят. В письмах сказано: «Ищите нас по стрелкам и по запискам».

Мы принялись искать. Первую записку нашли очень скоро. Мы обрадовались и, как было указано в записке, побежали искать в лес. Несколько раз нам пришлось подниматься в гору и спускаться вниз. На одной тропинке нашли несколько стрел. Так по стрелам добрались до спрятанной записки. В ней было написано: «Ищите нас на берегу». Скорей побежали на берег. Смотрим, а они качаются на качелях. Мы закричали:

— Вот они! Вот они!

А они бежать. Ну уж поймать мы их не могли. Да это и не нужно было. По условиям игры мы их нашли, и все.

Света Силяева

КАК МЫ НАШЛИ ПОДХОД К ДЕДУ

Когда мы шли в поход на Соколовский камень, то в одном месте на реке увидели две лодки и загородку, в которой были поставлены морды — сплетенные из прутьев корзины для ловли рыбы. Напротив был маленький шалаш, в котором жил рыбак.

Ребята забрались в лодку, увидали там шнурок, дернули за него и вытащили из реки голавля. Рыбак увидел это — и ну ругаться! Грозил кулаком.

— Чего вы лезете где не спрашивают? Вот удилищем вас! — сердился старик.

Идем обратно. Дед сидит в лодке. Мы вежливенько спросили его:

— Дедушка, а где голавль?

Он видит, что к нему подошли с добром, и ответил ласково:

— А голавля я, ребятки, изжарил и съел.

И тут мы стали его расспрашивать:

— Как вы ловите рыбу?

Он начал нам рассказывать, как он ловил и какую рыбу. Разговаривал с нами дед очень ласково. Он сказал:

— Приходите, ребятки, завтра. Я покажу вам, как ловить рыбу, и расскажу много.

Вот что значит подход к человеку.

Толя Чемов, Валерий Аламыкин

ВЕЧЕР СКАЗОК

У нас был устроен вечер сказок. Четвертый отряд очень хорошо разыграл разные сказки: «Заяц и лиса», «Красная шапочка», «Пузырь, соломинка и лапоть» и другие.

Особенно мне понравилась сказка «Три брата». Рассказывала ее баба-яга. Бабой-ягой была Лиля Крыласова. Лицо у нее было черное. Сама она была во всем черном и с метлой. Когда одна девочка дернула ее за юбку, то она повернулась к ней, замахнулась метлой и сказала:

— Если еще раз тронешь меня, я тебя без всякой жалости зажарю и съем.

Девочка испугалась и перестала баловаться. Бабу-ягу спросили:

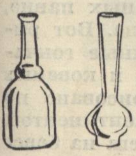
— А где у тебя ступа?

Она сказала:

— Ступа отдыхает дома, а метлу я захватила на баловников.

Света Силяева

КАК МЫ ХОДИЛИ НА СТЕКОЛЬНЫЙ ЗАВОД

Мы ходили на стекольный завод. Идти надо было двенадцать километров. Пришли сперва в цех, где приготовляется состав для стекла. Один рабочий, который работал в этом цехе, нам сказал, что стекло состоит из чистого кварцевого песка и кальцинированной соды.

Отсюда мы пошли в цех, в котором варилось стекло. Стекло плавится при температуре 1 200—1 400 градусов. В этом цехе очень жарко. Здесь мы увидели, как из стекла выдувают стеклянные приборы и посуду. Посмотрели тут и пошли по другим цехам. Были в шлифовальном, сортировочном. А в упаковочном цехе изделия готовят к отправке на любое расстояние.

Вова Красноглазов

ЕЖ И КОШКА

Мы живем в городе Красноуфимске. Однажды мы пошли в лес за грибами. Пришли в лес и стали собирать грибы. И вдруг в траве что-то зашевелилось. Я посмотрел под куст. Там был еж. Я взял его в корзинку и унес домой. Дома еж с испугу залез под кровать. Я дал ему молока. Он вылез и стал лакать. Тут появилась кошка. Она несла в зубах мышь. Тогда еж вдруг перестал есть молоко. Он зафыркал. Кошка испугалась, бросила мышонка и убежала. Еж схватил мышку и съел ее.

Женя Серебренников

ЧЕРНОЕ КОЛЕЧКО

Расскажу я вам, ребята, какое было происшествие со мной здесь, в лагере.

Шла я по берегу реки, за прачечной. Увидела на тропинке колечко, а колечко все черное и извивается. Я чуть на него не наступила. Я очень испугалась и убежала с реки. Потом уж я вспомнила, что у змеи на голове было два желтых пятнышка. Значит, это был уж. А он безвредный, и нечего мне было пугаться.

Вера Красильникова

НА КАЧЕЛЯХ

Один раз девочки качались на качелях. Их залезло одиннадцать человек. Вдруг доска треснула и переломилась. Все девочки свалились в кучу. А одну девочку даже выбросило на тропку.

Валерик Широков

„ДУМАЮТ"

Однажды в мертвый час мы раздурились, и нас поставили на крыльцо «думать». У нас уж так заведено: кто провинится, того заставляют «думать».

Вот стояли мы и «думали». Потом стало скучно, и мы пошли на лужайку.

Но тут мы попались. Нас увидела старшая пионервожатая.

— Вы что делаете, почему не спите?

— Баловались. Поставлены «думать».

Тогда она велела нам еще «подумать» около трибуны. Делать нечего. Пришлось снова «думать».

И вот что мы придумали: больше не баловаться.

А еще придумали: нарисовать хорошую картинку. Так что время провели не зря.

Слава Гладков,
Толя Степанов

— Скорее, Женя, дописывай это объявление! Пора начинать наш клубный день.

— Сейчас допишу. Только ты, Женя, не торопи меня.

— Нет уж, поторапливайся! И вообще нам всем надо поторапливаться... До фестиваля-то осталось месяца полтора. И надо решить, что еще можем сделать мы, ребята, для украшения нашего города.

— Очень много. А о том, как это сделать, нам расскажет сейчас художник ВАЛЕНТИН ВАЛЕНТИНОВИЧ АНДРИЕВИЧ. Сюда, сюда Валентин Валентинович! Вам предоставляется слово. Расскажите нам, пожалуйста

как украсить свой дом

Я работаю вместе с бригадой художников над украшением Москвы к фестивалю.

Москва большая. Туристу, который вздумал бы обойти вокруг города, пришлось бы совершить путешествие чуть ли не в полтораста километров. И вот весь этот огромный город в дни фестиваля преобразится. У Москвы появится новая фестивальная «география».

Большая Пироговская улица, через которую делегаты пойдут от гостиницы к стадиону имени Ленина, где откроется фестиваль, превратится в «Улицу пяти фестивалей», ее разделят на пять частей. Каждую часть декорируют так, чтобы она напоминала одну из пяти столиц, в которых проходили прежние фестивали. Пройдешь по Пироговской — и словно побываешь в Праге, в Будапеште, в Берлине, в Бухаресте и Варшаве.

Бульвары превратятся в царство сказок. Вызванные к жизни волшебной кистью художников, предстанут перед гостями знакомые с детства герои любимых сказок.

У Никитских ворот встанет арка-радуга, а на ней — Кот-в-сапогах, китайский дракон, смешная обезьянка. Войдешь под арку — и увидишь двух жадных медвежат из венгерской сказки, хитрого тигра, девушек-лебедей... Целый волшебный мир!

Около Главного почтамта будет устроен уголок собирателей марок, здесь откроется клуб филателистов.

А улица Горького станет своеобразным музеем. Через нее перекинутся цепи огромных панно, изображающие разные виды искусства. Вот рисунки ковров, вот орнаменты, созданные гончарами, вот причудливые узоры литых и кованых украшений из металла. Все это нарисовано по образцам народного искусства пяти континентов.

Преобразится и Москва-река. С берега на берег перекинутся арки из воздушных шаров и электрических лампочек.

Здесь будет грандиозный водный праздник. К празднику украсятся речные трамвайчики и баржи, на которых приедут гости. Флаги и огни заполыхают на реке. Навстречу гостям выйдет сам морской бог Нептун со всей своей водяной свитой, а потом приплывет в огромной светящейся раковине «Главная русалка праздника» и будет раздавать призы пловцам-победителям.

Так задумали преобразить Москву художники. У каждой группы художников свой участок города.

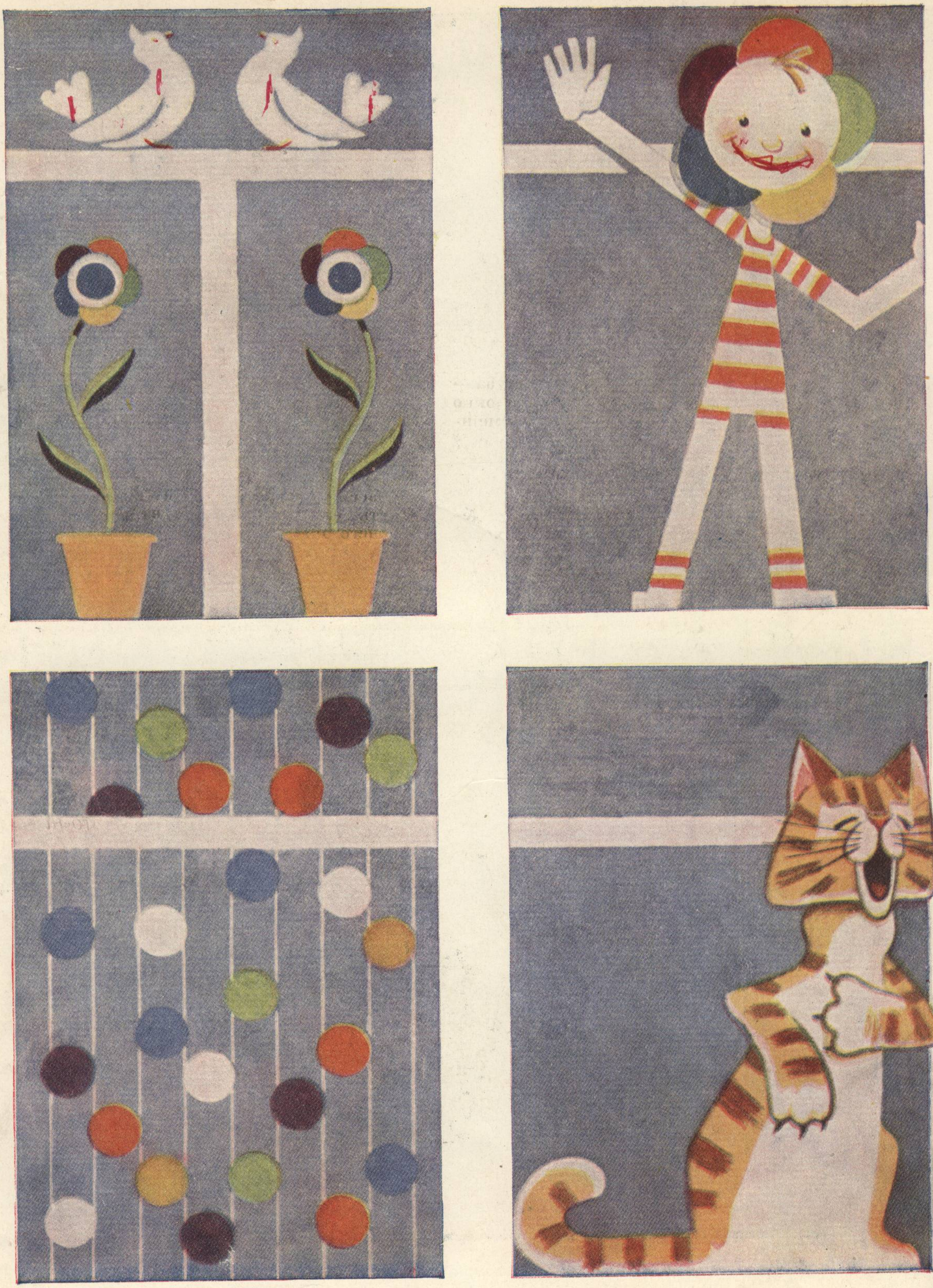
Я работаю на Неглинском сквере. Перед фестивалем тут вырастут легкие арки, и на каждой тоже встанут веселые фигурки. Вот тут я вам сейчас нарисую, как мы себе это представляем...

Но, конечно, дорогие ребята, сколько бы художники ни работали, каждый дом в Москве они не сумеют украсить. Да это и не нужно. Гораздо веселее будет, если москвичи сами примутся за украшение своих домов. Этим вы и займитесь.

Нравятся вам эти дружные веселые человечки? О том, как их сделать для украшения вашего дома к фестивалю, художник В. В. Андриевич рассказывает в Клубе «Пионера».

А вот как интересно можно украсить свое окно. Это тоже рисунки художника Андриевича.

А если вы живете не в Москве? Все равно украсьте свой дом к фестивалю. Делегаты будут ездить по всем республикам, по многим городам и селам. И вам будет очень приятно встретить их на нарядных улицах.

На цветной страничке — на выставке клуба — вы увидите, как можно украсить школу и окно любого дома. На окно хорошо поставить смешную фигурку. Пока окно закрыто, лучше всего его украсит фигурка, приклеенная на стекло (например, фестивальный цветок). На открытое окно можно поставить фигурку из картона; чтобы она лучше держалась, прикрепите сзади нее деревянную рейку. Можно также повесить хорошенькую фестивальную занавеску из разноцветных картонных кружочков, приклеенных к ниткам. Каждый кружочек прикрепите к двум ниткам, тогда они окажутся сцепленными друг с другом и не будут вертеться от ветра. Нитки можно натянуть между рейками.

На стены школы хорошо вывесить праздничные веселые плакаты. Например, «Добро пожаловать!» на всех языках.

С таким украшением школы, конечно, один человек не справится. Здесь должен работать целый отряд.

Прежде всего измерьте точно размер стены и заготовьте деревянные рейки, между которыми вы поместите человечков и подписи. Совсем не обязательно делать рейку во всю ширину стены. Можно составить ее из четырех палочек; тогда весь рисунок вы разобьете на четыре узких длинных сектора. Кстати, так будет удобнее его вешать.

Заготовьте картонные буквы, прибейте их к рейкам, а между лозунгами прикрепите человечков. Вы нарисуете их по шаблонам (увеличив соответственно мой рисунок) и вырежете из картона.

Здесь, на рисунке, четыре шаблона. Пусть группа в два—три пионера выберет себе один шаблон и делает, скажем, одного только черного юношу. Другая группа выберет другой шаблон, например черную девочку, и вырезает только ее фигурку. Так работа пойдет быстрее. Раскрашивать фигурки лучше всего клеевыми красками или гуашью.

Повесить на стену плакат нетрудно: надо подтянуть его по секторам на веревках к окнам верхнего этажа.

Мне очень хотелось бы узнать, получились ли у вас эти украшения. Сообщите нам в клуб об этом хотя бы письмом. А если придумаете что-то свое, интересное, тоже обязательно расскажите поскорее и мне и всем остальным членам клуба.

— Я сегодня же начну делать этого смешного котенка, а ты, Женя?

— А что буду делать я, ты потом увидишь. Но погоди, кажется, что-то хочет спросить девочка из Темир-Тау?

— Меня зовут РАЯ ДОРОФЕЕВА. Я хочу знать, как готовятся к фестивалю ребята других стран, хорошо бы у них что-нибудь перенять. Например, что делают ребята Чехословакии?

— Конечно, Рая, это очень интересно. Вот для этого мы сегодня и заказали разговор с Прагой. Сколько сейчас времени, ребята? Бегом на переговорный пункт!

— На проводе Центральный Комитет Чехословацкого Союза Молодежи.

— Будьте добры, соедините нас с отделом пионеров.

— Готово!

— У телефона ОТО ЧМОЛИК.

— Здравствуйте, товарищ Чмолик! Расскажите, пожалуйста, членам клуба журнала «Пионер», как готовятся к фестивалю пионеры в вашей стране.

— *Ну, обо всем по телефону, пожалуй, не расскажешь. Я расскажу вам пока про*

пионерский поезд

Пионеры словацкого города Банская Быстрица предложили, чтобы ребята Чехословакии взяли шефство над одним из поездов, который повезет делегатов фестиваля через нашу страну. Шефство будет состоять вот в чем: ребята позаботятся, чтобы делегатам в дороге было удобно и весело. Пионеры готовят для них настольные игры и радиоприемники, делают нарядные абажуры для настольных ламп. Во всех школах готовятся подарки делегатам: куклы в народных костюмах, вышивки, красивые альбомы. Ребята, живущие в стороне от дороги, по которой поедут делегаты, шлют свои подарки к нам, в отдел пионеров, а мы передаем их тем ребятам, которые будут встречать поезд на станции.

Кроме того, ребята решили целиком оплатить проезд «своего поезда» по Чехословакии. Они подсчитали, что для этого нужно двести пятьдесят тысяч крон, и решили эти деньги сами заработать. Они собирают бутылки, склянки, старую бумагу, металлический лом.

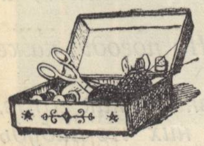
Об одном из делегатов на фестиваль чехословацкие пионеры говорят: «Наш делегат». Но это не делегат из нашей страны. Это еще совсем неизвестный нам делегат от Кубы. Ребята решили помочь людям, которым трудно добраться до Москвы. Дорога ведь стоит больших денег. Например, кубинцу нужно на поездку десять тысяч крон. Конечно, их нет у молодого рабочего или крестьянина. И вот несколько школ трудятся и собирают деньги на билет делегату Кубы. Всю дорогу до Москвы и обратно он поедет на деньги, заработанные чешскими пионерами...

— *Спасибо большое, товарищ Чмолик!*

— *Разговор, к сожалению, окончен. Но еще рано расходиться, ребята. Давайте поиграем в новую интересную игру. Это игра вайянов.*

— *Ребята, а кто из вас знает, кто такие вайяны?*

— *Я. Меня зовут КЛАРА ХАЗАН. Я из Московского городского Дома пионеров. Вайяны — очень хорошие и отважные ребята. «Вайяны» — по-французски значит «отважные». Это такая детская организация во Франции. Вы поймете, какие они, эти вайяны, когда узнаете историю*

про деда-мороза и вайянов

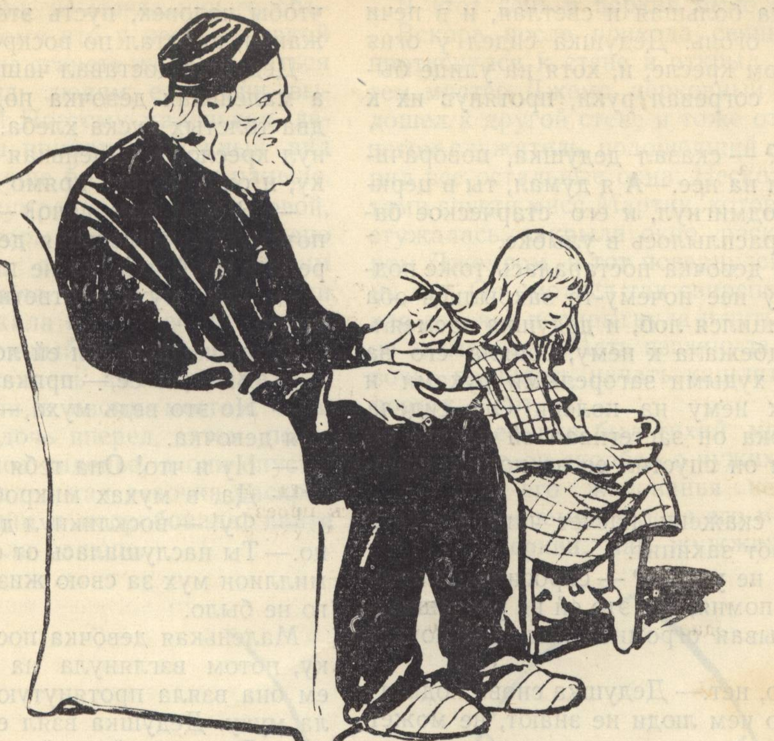
Прошлой осенью фашисты во Франции хотели запугать рабочих и стали целыми бандами нападать на помещение коммунистической партии и на редакцию коммунистической газеты. Рабочие не испугались фашистов. Они организовали свои боевые отряды. Борьба была кровопролитной...

В Париже во время одного из столкновений фашисты тяжело ранили рабочего-коммуниста товарища Монфуга. И вот товарищ Монфуга оказался надолго в больнице. Тут подходят праздники, Новый год. У всех елка, подарки, а в семье Монфуга горе. И папа в больнице, и денег нет, и вообще все плохо и грустно. Узнала про это группа вайянов из района Тимбо в Париже. Ребята решили хоть немножко утешить трех маленьких дочек товарища Монфуга. Выведали, о чем они больше всего мечтают. Оказалось, что самая младшая — об аквариуме, вторая, которой десять лет, — о рабочей шкатулке для рукоделия, а старшая, двенадцатилетняя, — о какой-нибудь хорошей книжке.

Девочки получили на елку эти подарки. Их принес, как полагается, дед-мороз Только у бородатого деда-мороза на этот раз почему-то было совсем ребячье лицо...

— *Поняли теперь, кто такие вайяны? Давайте же поиграем в их игру. Но для этого нужно уйти из клуба в лес. Женя, командуй!*

— *Все делятся на две партии. Одна партия берет рожок или свисток и уходит в лес. Через несколько минут раздается первый свисток, потом с перерывами второй и третий. По первому свистку отправляется в путь вторая партия. После третьего она должна догнать и разыскать ушедших.*

Воскресный день

Маргарет Трист

Рисунки А. Кокорина.

Маленькая девочка проснулась и сразу вспомнила, что сегодня воскресенье; поэтому она крепко зажмурила глаза и попыталась притвориться, что ничего не помнит. Но где-то в ясной утренней дали звонили колокола, и в большом доме, в котором она жила, чувствовалась какая-то пустота. Немного погодя она перестала притворяться и села. Солнечные лучи влетали в окно и падали на край ее кровати. Маленькая девочка пошевелила пальцами ног под одеялом, и лучи подпрыгнули. Она засмеялась и, забыв, что сегодня воскресенье, выскочила из постели, но, увидев на большом кресле свою воскресную одежду, снова стала серьезной. На цыпочках она прокралась через комнату и разыскала платье, которое сняла вчера вечером. Маленькая девочка надевала его на себя, прислушиваясь к неприятной тишине, царящей в доме. Она надеялась, что дедушке, по крайней мере, не пришло в голову идти в церковь со всеми. Конечно, нет, она слышит слабое постукивание его палки и шарканье ног откуда-то со стороны кухни. Облегченно вздохнув, она уже больше не пыталась застегнуть свое платье на спине и опустилась на колени помолиться. Никого не было, чтобы подсказать ей, что говорить, поэтому она изобретала сама.

— Пожалуйста, господи, не давай мне смеяться в церкви...

— Пожалуйста, господи, сделай, чтобы мама подумала, что я слишком маленькая, чтобы ходить в церковь...

— Пожалуйста, господи, не сердись на меня, что я не люблю твои воскресенья...

— Спасибо тебе, господи, за моего дедушку и всех родных...

— Пожалуйста, господи...

Когда маленькая девочка высказала все свои просьбы и пожелания, она поднялась на ноги и вспомнила, что нужно умыться. Таз с водой уже был приготовлен для нее на умывальнике. Потом она, крадучись, прошла по дому через неприбранные комнаты своих старших братьев, промчалась через столовую, где шторы были еще задернуты, и очутилась на кухне, едва переводя дух.

Кухня была большая и светлая, и в печи весело горел огонь. Дедушка сидел у огня в своем старом кресле, и, хотя на улице было тепло, он согревал руки, протянув их к пламени.

— Ну что? — сказал дедушка, поворачиваясь и глядя на нее.—А я думал, ты в церкви.— И он подмигнул, и его старческое багровое лицо расплылось в улыбке.

Маленькая девочка постаралась тоже подмигнуть, но у нее почему-то закрылись оба глаза и сморщился лоб, и дедушка засмеялся, а она подбежала к нему, обняла его за шею своими худыми загорелыми руками и взобралась к нему на колени. Она сидела спокойно, пока он застегивал ей платье на спине. Потом он спустил ее на пол и спросил:

— Что ты скажешь насчет чашечки чая? Чайник вот-вот закипит.

— А мама не узнает? — спросила маленькая девочка, помня, что это ей не разрешается, но испытывая огромное желание попить чаю.

— Конечно, нет.— Дедушка снова подмигнул.— А то, о чем люди не знают, не может их расстроить.

— Но чай — это вредно для маленьких девочек.

— О, об этом я никогда не слышал! — сказал дедушка.— Он не сделал мне ничего плохого, когда я был в твоем возрасте.

У дедушки были белые волосы и брови и длинная белая борода, как у рождественского деда. Глаза у него были голубые, и он ходил очень медленно. На нем была длинная черная куртка, казавшаяся на свету зеленой, и старая серая шапка. Он любил повязывать шею мягким шелковым платком, а когда выходил на улицу, то надевал лоснящиеся штиблеты с резинкой. Он бы с удовольствием носил свои ботинки и дома, но мать маленькой девочки говорила, что они производят много шума, поэтому дома он надевал свободные комнатные туфли, которые страшно шаркали и давали ему почувствовать, что он старик, сидящий у других на шее, — эти проклятые шлепанцы! Но на самом деле это было не так, потому что, хотя ему было за восемьдесят, он еще мог колоть дрова и ухаживать за овощами на огороде. По воскресеньям, когда вся семья посещала церковь, а прислугу отпускали, он помогал накрывать на стол и мыть посуду.

Служанка заготавливала все еще с субботы, поэтому мать маленькой девочки отпускала ее на воскресенье и рассказывала повсюду, что она не может и подумать о том, чтобы человек, пусть это даже только служанка, работал по воскресным дням.

Дедушка доставал чашки и заваривал чай, а маленькая девочка поджаривала на огне два толстых куска хлеба. Дедушка пододвинул кресло, а маленькая девочка — табуретку, и они уселись прямо возле печки.

— В чем там дело? — спросил дедушка, потому что маленькая девочка только смотрела в свой чай, но не пила его.

— Там муха,— ответила маленькая девочка.

Дедушка передал ей ложку из сахарницы.

— Выплови ее,— приказал он.

— Но это ведь муха,— возразила маленькая девочка.

— Ну и что! Она тебя не тронет.

— Да, в мухах микробы.

— Фу! — воскликнул дедушка презрительно.— Ты наслушалась от своей мамы. Я съел миллион мух за свою жизнь, и со мной ничего не было.

Маленькая девочка посмотрела на дедушку, потом взглянула на муху. С сомнением она взяла протянутую ложку и вытащила муху. Дедушка взял ее и кинул в огонь.

— Теперь пей свой чай, — подбодрил он маленькую девочку.

Она начала пить чай. Нельзя сказать, чтобы он ей очень нравился, но, чувствуя, что эту слабость она унаследовала от своей матери, она совсем не жаловалась.

Они посидели еще немного, и дедушка спел, а она прочитала стихи, которые выучила в школе на прошлой неделе. А потом им пришлось поторапливаться, чтобы приготовить завтрак для тех, кто возвратится из церкви. Маленькая девочка вздохнула, подумала о том, что ее ждет впереди, и мысленно пожелала, чтобы все это быстрее кончилось.

В десять часов была обедня. Маленькая девочка шла по дороге между матерью и отцом; в одной руке у нее был молитвенник, в другой — сумочка с ее сбережениями. На ней было муслиновое платье и соломенная шляпа кремового цвета, с незабудками на макушке.

— Перестань возить ногами по пыли! — приказала мать.

Пыль была рыжая и прилипчивая и разрисовывала ботинки разными узорами. Трудно было не погружать в нее ноги. Маленькая девочка шла было аккуратно некоторое время, а потом опять забылась.

— Перестань это делать, я тебе сказала! Перестань, непослушная девчонка! — Мать нахмурилась.

Маленькая девочка не могла ничего объяснить матери, потому что у нее был такой святой вид; а ведь не станете же вы пытаться объяснить что-нибудь людям, если они выглядят, как святые! Поэтому маленькая девочка решила сама принять набожный вид и поднимала пыли еще больше, чем раньше.

В церкви было сумрачно, как в столовой, если задернуть шторы; все было освещено странным желтым светом, проникавшим сквозь цветные стекла. Люди слегка кивали им, и ее мать держала голову очень высоко и имела такой набожный вид, что маленькая девочка не осмеливалась взглянуть на нее. Когда они подошли к своим местам, отец пропустил мать и дочь вперед, затем положил свою шляпу под сиденье, и они опустились на колени. Маленькая девочка раскрыла свой молитвенник и попробовала найти слова, которые знала раньше.

В этот день в церкви было очень жарко. Вскоре после прихода священника отец протиснулся к стене и открыл два окна, затем мистер Джемс, церковный староста, подошел к другой стене и тоже открыл окно, а потом служитель, подошедший сзади, растворил все остальные окна. Несколькими минутами спустя мисс Мартин, которая легко простужалась, закрыла окно, раскрытое мистером Джемсом, и тот повернулся и воззрился на нее. Он смотрел так свирепо, что маленькая девочка подпрыгнула и чуть было громко не засмеялась. Мать взглянула на нее, и девочке пришлось начать кашлять и запихать платок в рот.

У священника был тихий мрачный голос, потому что он скорбел о чужих грехах и потому что его жалованья не хватало на содержание семьи. Слова его монотонно неслись по церкви, как жужжание большого

У священника был тихий мрачный голос... Слова его монотонно неслись по церкви, как жужжание большого москита.

москита. Временами он вытирал лоб белым платком, который потом исчезал где-то в недрах его широкого рукава. Маленькая девочка не сводила с него глаз, чтобы не видеть огромных красных роз на шляпе органистки и брюк мистера Джемса, которые так вздувались сзади, когда он опускался на колени. И все-таки ей не удавалось совсем не смотреть на них, и ей опять захотелось смеяться. К счастью, в этот момент она чихнула, а потом снова изо всех сил стала пытаться не спускать глаз со священника.

Служба продолжалась очень долго. Маленькая девочка сначала считала, как тикают часы ее отца, потом — сколько женщин в черных шляпах, а сколько в белых. Затем она вынула из сумочки свои сбережения в размере трех пенсов. Монеты были очень теплые и липкие, она хотела переложить их в другую руку, но они со звоном упали на сиденье. Она подхватила их, крепко сжала и не поднимала головы, пока на нее не перестали смотреть. Затем она решила положить их в сумку, но одна монета упала на пол и покатилась прямо к мистеру Джемсу. Даже священник взглянул на нее в этот раз, и мистер Джемс обернулся перед тем, как наклониться и поднять монету. Он долго не мог найти ее и пребывал в согнутом положении, и мать маленькой девочки утратила свой набожный вид и выглядела испуганной. Наконец монета вернулась, и отец с суровым видом положил ее себе в карман.

— Мне никогда в жизни не было так стыдно! — сказала потом мать маленькой девочки.

После церкви была воскресная школа, но там было не так противно, потому что мать и отец ушли домой и занятия длились недолго. Кроме того, было интересно угадать, в какую сторону потечет пот, струящийся по лицу учителя.

Когда маленькая девочка пришла домой, завтрак был готов. Три ее старших брата не ходили с ними в церковь. Мальчики помогли накрыть на стол и немного убрали в доме. После еды они вымыли посуду и ушли по своим делам.

— Можешь пойти и отдохнуть теперь перед вечерней службой,— сказала мать маленькой девочке.

Из города прибыла воскресная газета, отец отдал те страницы, которые его не интересовали, дедушке и ушел к себе. Дедушка взял свою часть газеты на кухню и уселся у плиты. Вскоре он уже спал, слегка похрапывая, и его белая борода двигалась вверх и вниз по старой черно-зеленой куртке.

В доме было очень тихо; храп дедушки и шелест отцовской газеты еще больше подчеркивали тишину. Маленькая девочка спокойно лежала на кровати и думала о том, что часы уходят, уходят, уходят... И когда ей показалось, что они совсем ушли, она встала и тихо выскользнула из комнаты, но увидела, что еще нет и трех часов. Она прошла на кухню и немного посмотрела, как дедушка храпит, а потом вышла на боковую веранду. Было очень солнечно, и все выглядело сонным. В углу соседнего двора под деревом стояла старая жирная лошадь и лениво помахивала хвостом. Казалось, она бы сейчас заснула, но и это ей было лень. Все дома, расположенные в один ряд на своих участках по четверти акра, выглядели печально и устало, и было похоже, что во всем мире нет ни одного живого существа, кроме маленькой девочки и старой жирной лошади.

Маленькая девочка, стоя у перил веранды, начала тихонько напевать. Сначала она пела себе под нос, а потом забылась и запела во весь голос. В доме отец сердито закричал. Маленькая девочка вздрогнула и надолго затаила дыхание. Затем она неслышно сошла с веранды и пробралась под бак для воды. Земля под ним была цвета шоколада, из крана с легким шумом падали водяные капли. Маленькая девочка нашла там несколько коробок из-под табака и жестяную тарелку. И после этого не успела она и оглянуться, как день начал быстро подходить к концу. Ей не хотелось верить, что мальчики уже пришли и ее мать ходит по дому. Она почистилась, как могла, в ванной и пошла поглядеть на дедушку.

— Я видел тебя, обезьянка,— шепнул он.— Под баком играла, в грязи? — Он приложил к губам свои смешные согнутые пальцы, и маленькая девочка, подражая ему, тоже приложила ко рту свои прямые тонкие пальцы, и они оба рассмеялись. Он зажег свет и внимательно осмотрел ее, а потом снял свой шелковый платок и обтер ей шею и колени. И они оба говорили «ш-ш-ш» и хохотали. Затем дедушка, шаркая шлепанцами, отошел подбросить топлива под котел.

За ужином маленькая девочка сказала, что у нее, кажется, болит голова. Потом ей показалось, что у нее заболел зуб, потом ухо. Потом она обнаружила на руке царапину, которая страшно саднила. Но никто, кроме дедушки, не обращал на нее внимания. После ужина она не могла разыскать свои выходные туфли, но мать не стала задерживаться из-за этого.

И опять она шла в муслиновом платье и

соломенной шляпе кремового цвета, с незабудками, по той же пыльной дороге, между матерью и отцом, только на этот раз с ними были еще три ее брата, и было уже темно, так что никто не видел, как она загребала пыль башмаками. Ее братья пели в хоре, поэтому у церковной ограды они расстались.

Когда девочка с матерью и отцом заняли места в церкви, отец отобрал у нее все сбережения и положил к себе в карман. И затем он и мать с важностью посмотрели друг на друга поверх ее головы. Пришел мистер Джемс и сел перед ними, мисс Мартин села напротив, и у органистки была все та же шляпа с огромными красными розами, а священник говорил мрачным голосом и вытирал лоб белым платком, который потом исчезал где-то в недрах его широкого рукава. Все было точь-в-точь, как утром, только хор мальчиков пел гимны, были зажжены большие белые лампы, вокруг которых летала мошкара, да большая пушистая гусеница медленно ползла по алтарю. Когда началась проповедь, служитель потушил свет в задней части церкви: прихожане были не очень-то щедры на приношения, свет приходилось экономить. Священник каждый раз объяснял, по какой причине экономится свет, надеясь, что в церкви присутствуют посторонние.

Маленькая девочка чувствовала усталость, и хотя она и пробовала слушать, что говорил священник, но не понимала ни слова. Ею овладела приятная сонливость; от времени до времени она наклонялась то вперед, то назад, а один раз закрыла глаза, и темнота окутала ее плотным уютным покровом. Она быстро открыла их и не закрывала целые три минуты. Но потом она уже не могла не закрыть их и внезапно крепко уснула. Все это было ужасно, потому что, прежде чем мать успела помешать ей, она повалилась вперед и с глухим стуком ударилась головой о переднее сиденье. Отец подхватил ее, мать смутилась, мистер Джемс обернулся и посмотрел на нее, а мальчишки из хора захихикали. Маленькая девочка опустила голову и сидела очень тихо, стараясь спрятаться под своей кремовой соломенной шляпой с незабудками. Это, видно, помогло священнику собраться с мыслями, и он быстро закончил проповедь.

Мать и отец поспешно вышли из церкви, и, когда они шли по пыльной дороге, мать сказала:

— Мне никогда в жизни не было так стыдно!

Удивительно, подумала маленькая девочка, сколько стыда приходится людям терпеть из-за нее по воскресеньям! Может, у людей слишком много стыда, или, правда, она сегодня вела себя особенно плохо? Ей хотелось почувствовать угрызения совести, но она была так занята мыслями о том, что воскресенье наконец кончилось, что у нее просто не хватило времени.

Перед тем, как лечь спать, она выпила чашку какао, которую ей приготовил на кухне дедушка. Она сидела у него на коленях, близко к огню, и разрешала ему щекотать ей шею шелковым платком и держать для нее горячую чашку. Она спросила, как думает дедушка: будет ли бог очень недоволен, если узнает, что она рада, что воскресенье пришло к концу? Потом она рассказала о мрачном голосе священника, о мистере Джемсе и его штанах, об органистке с красными розами на шляпе и о матери, которая выглядела, как святая.

Пламя трепетало на длинной белой бороде дедушки, и в его свете дедушкина черно-зеленая куртка стала тускло-красной. Дедушка долго молчал, затем кивнул головой, словно отвечая самому себе, и сказал, как будто забыв, что маленькая девочка все еще здесь:

— Я думаю, бог и сам рад, когда воскресенье приходит к концу.

Перевел с английского
Юрий Хазанов.

С фотоаппаратом вокруг света

В ПАРИЖЕ

И. Иванов

Снимки, которые вы увидите на этих страницах, были сделаны в различных районах французской столицы и притом в разные годы: мне не раз доводилось там бывать.

Париж — это поистине великий город с двухтысячелетней историей; город, в котором сосредоточены величайшие культурные ценности; город, в котором живут и трудятся миллионы людей; город, в котором жизнь бьет ключом.

Но было бы неправильно, показывая современный Париж, закрыть глаза на те неприглядные картины, которые кроются за парадными фасадами центральных магистралей; было бы неправильно умолчать о драмах нищеты, которые — увы! — столь обычны на рабочих окраинах столицы Франции. Поэтому я показываю здесь и эту сторону жизни.

Войдем сначала в Париж с парадного крыльца. Слева вы видите красивый дворец. Это Лувр, бывшая резиденция королей Франции. Давным-давно, когда весь Париж умещался на небольшом островке посреди Сены, где сейчас стоит знаменитый собор Нотр-Дам, здесь тянулись угрюмые болота. Потом король приказал построить на этом месте сторожевую башню и обнести ее частоколом. С этого и началось строительство Лувра. Впоследствии на месте башни был сооружен замок; на руинах замка был воздвигнут дворец. Дворец этот много раз достраивался и перестраивался, но архитекторы оставались верны единому творческому замыслу.

И ныне перед нами редкий по своей целостности и строгости архитектурный ансамбль. В стенах Лувра теперь размещена знаменитая на весь мир коллекция памятников искусства: египетских, восточных и античных древностей, скульптуры, живописи, рисунка, художественного ремесла.

К Лувру примыкает знаменитый парк Тюильри, украшенный мраморными скульптурами. Он тянется вдоль Сены. У большого бассейна, в центре которого бьет фонтан, обычно собирается много ребят. Они приносят с собой игрушечные парусники и заводные кораблики. Чей корабль поплывет быстрее, какой парусник лучше всех лавирует по ветру...

От Тюильри открывается чудесный вид на площадь Согласия с египетским обелиском и двумя фонтанами в окружении восьми огромных статуй, олицетворяющих города, сыгравшие важную роль в истории Франции. Когда-то на этой площади французские революционеры отрубили голову королю Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте.

За площадью Согласия начинаются зеленые сады Елисейских полей. Вдали, на высоком холме, виднеется знаменитая Триумфальная арка, под которой похоронено тело неизвестного солдата первой мировой войны, подобранное на поле боя под Верденом. Над его могилой горит неугасимая лампада.

На снимке справа вы видите уголок Латинского квартала — так с древних времен называется район, где сосредоточены высшие школы Парижа. Здание под большим куполом называется Пантеоном. Это усыпальница выдающихся французских деятелей. Рядом с Пантеоном находится древняя библиотека французского университета — Сорбонны.

В тесных, узких уличках Латинского квартала всегда царит оживление; студенты, идущие с лекций, весело перекликаются друг с другом. Частенько вспыхивают ссоры. Среди французских студентов две тысячи членов коммунистического студенческого союза. Они смело отстаивают свои идеи перед реакционными сынками богатых людей. Следы политических споров можно найти даже на стенах Сорбонны. То и дело читаешь: «Янки, отправляйтесь домой!», «Долой гитлеровского палача Шпейделя!», «Мир и свободу народу Алжира!».

А это Париж с черного хода, Париж рабочих окраин, Париж миллионов тружеников. Он выглядит совсем не так красиво, как центральные магистрали города.

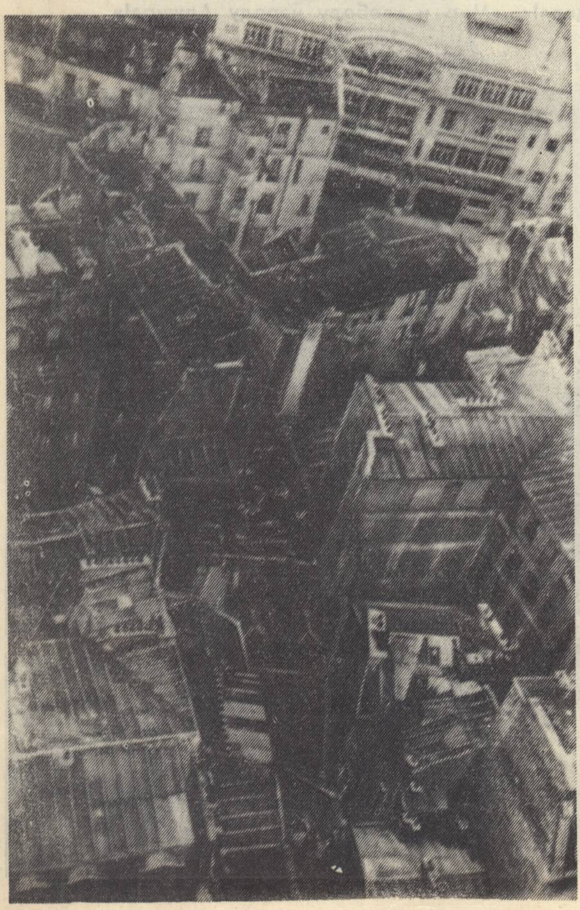
Посмотрите на этот снимок внизу — я сделал его сверху, чтобы показать, как выглядит один из многих тысяч парижских «дворов-колодезей», как зовут эти старые, угрюмые, сырые и затхлые трущобы.

Удивительно ли, что в таких дворах много туберкулезных больных?!.

Нельзя сказать, что в Париже не строят новых жилых домов. В последние два—три года там возведены целые кварталы превосходных зданий. Все чаще в газетах появляются объявления о продаже новых квартир. По данным Национального института статистики, во Франции сейчас насчитывается полмиллиона свободных, пустых квартир.

И в то же время многие миллионы французов без жилья. Почему? Да потому, что за новую квартиру в Париже, к примеру, в год надо уплатить восемнадцать — двадцать миллионов франков. А где взять такие деньги рабочему, который зарабатывает тридцать — сорок тысяч франков в месяц?

Посмотрите теперь на верхний снимок — я взял его из парижской газеты «Франс суар». В этой комнатке размером три на четыре метра живут мастер Бюро, работающий на металлообрабатывающем заводе, его жена и восемь детей. Их койки, как видите, установлены в три этажа. Сырость в этой комнате такая, что штукатурка валится с потолка.

Сколько таких трущоб вы можете увидеть собственными глазами, отойдя на сотню шагов в сторону от центральной магистрали Парижа!..

Самые жуткие трущобы французской столицы еще после первой мировой войны были взяты на особый учет: предполагалось, что их постепенно разрушат, переселив жильцов в новые дома. Недавно газеты заинтересовались, какие же результаты в этом деле достигнуты. Выяснилось, что за сорок лет только один из семнадцати трущобных районов был полностью снесен в 1924 году: в ту пору в этом районе произошла вспышка чумы, которую разносили крысы, кишевшие здесь. Район был спасен, лачуги разрушили, крыс истребили, вспышку чумы погасили, и все замерло; о трущобах забыли.

Сейчас усиленно заговорили о том, что надо спасать жителей еще одного района трущоб — на авеню Ледрю-Роллена.

Дома в этом районе были сложены в 1789—1800 годах из камней, взятых из руин разрушенной революционерами королевской тюрьмы — Бастилии. Эти дома стали такими ветхими, что вот-вот рухнут. Говорят, в этом году их начнут заменять новыми.

Но сколько лет еще потребуется, чтобы предоставить жилье всем жителям трущоб?

Эти снимки рассказывают о памятных всем честным французам днях Парижа. На верхней фотографии вы видите ряд квадратных ниш, под ними груда цветов. Это стена ограды сада Тюильри. В славный день 25 августа 1944 года, когда рабочие Парижа поднялись на баррикады громить гитлеровских захватчиков, здесь пали смертью храбрых восемь французских патриотов — партизаны, примкнувшие к ним студент и пожарник, медицинская сестра и танкисты, прорывавшиеся на соединение с восставшими парижанами.

Французы не забывают своих героев. Здесь всегда можно увидеть свежие цветы. Особенно их много теперь, когда французский народ гневно протестует против назначения гитлеровского генерала Шпейделя главнокомандующим сухопутными войсками Атлантического военного блока в центральной зоне Западной Европы: ведь теперь сыновьям патриотов, погибших в борьбе за освобождение Парижа, придется служить под командованием этого палача!

Глядя на снимок внизу, я вспоминаю солнечное утро 29 апреля 1946 года, когда здесь, в парижском пригороде Шуази ле Руа, был открыт бульвар имени Сталинграда. На зеленой лужайке против мэрии был сооружен помост, над ним — портреты Ленина и Сталина, советские и французские флаги. С трибуны лились жаркие речи о том, что народы СССР и Франции — братья по оружию и что надо крепить и развивать франко-советскую дружбу, чтобы не допустить возрождения фашизма. По-

том было шествие по бульвару имени Сталинграда с барабанным боем, с пением фанфар. Над бульваром гордо высилась бронзовая статуя Руже де Лиля — автора прославленной Марсельезы (он создал ее здесь, в Шуази ле Руа). Вдохновенным жестом Руже де Лиль как бы напутствовал манифестантов.

— Теперь и мы немного сталинградцы,— сказал мне тогда, тепло улыбаясь, седой ветеран борьбы за народное дело, бывший печатник, ставший мэром Шуази ле Руа и генеральным советником департамента Сены.— О! Именем Сталинграда можно многое, очень многое сделать.

Площади и улицы имени Сталинграда — живые памятники французским и советским патриотам, отдавшим жизнь в борьбе против фашизма, живой символ единства в борьбе — есть во многих городах Франции.

И горе шпейделям с их хозяевами, если они забудут о полученных ими в 1941—1945 годах тяжелых уроках и рискнут взяться за старое.

Мне несколько раз привелось бывать на первомайских демонстрациях в Париже. И всякий раз это событие оставляло огромное, волнующее впечатление: рабочий, трудовой Париж показывал свою силу, свою решимость к борьбе за общее пролетарское дело.

Особенно запомнилась мне демонстрация, снимки с которой вы видите на этой странице. Это 1 Мая 1951 года. Сотни тысяч парижан, как обычно, шли колоннами мимо трибуны, стоявшей на площади Бастилии, посреди которой высится пятидесятиметровая бронзовая колонна, увенчанная фигурой летящего Гения свободы. Внизу, внутри колонны, склеп, в котором погребены останки жертв двух революций — 1830 и 1848 годов.

На вершину колонны ведет винтовая лестница; по ней обычно поднимаются туристы, желающие полюбоваться Парижем. Но на сей раз наблюдательную площадку на вершине колонны занял отряд полиции с радиопередатчиком. Зачем? Это вскоре выяснилось.

В половине третьего часа пополудни к площади подошли тысячи североафриканцев, живущих в Париже. Они требовали прекращения репрессий против тех, кто борется за свободу Алжира. Полиция мешала арабам присоединиться к демонстрации. По команде, которая передавалась по радио с вершины колонны Гения свободы, полиция отгоняла, избивала и арестовывала арабов. Но вдруг произошло нечто такое, чего полиция, по-видимому, не предвидела: арабы перехитрили своих преследователей и, просочившись с разных сторон, быстро построились в колонну. Они развернули над головами припрятанные за пазухой знамена и, подняв указательные пальцы к небу, громко скандировали: «Свобода Алжиру!» А две мощные колонны французских рабочих, обтекая арабов справа и слева, отсекли от них полицию и прошли сквозь нее, как могучий ледокол проходит сквозь лед.

Так колонны подошли к трибуне и, двигаясь в образцовом порядке, завершили демонстрацию, посрамив парижскую полицию. Полиция отступила.

На своем снимке я запечатлел североафриканцев, проходивших по площади Бастилии.

Снимок, помещенный сверху на этой странице, воскрешает в памяти знаменательное событие начала 50-х годов: мощный подъем борьбы за мир перед лицом зловещих происков поджигателей войны в Корее и Индокитае. Это была нелегкая борьба. Раймонду Дьен, бросившуюся на рельсы, чтобы остановить поезд с танками, направлявшимися в Индокитай, полиция схватила и заключила в тюрьму. В страшную каторжную тюрьму был брошен моряк Анри Мартен, который вел антивоенную пропаганду среди своих товарищей. Многие сборщики подписей под воззванием о запрещении атомной бомбы подверглись жестоким преследованиям.

Но борьба за мир продолжалась. Она ширилась, захватывая все больше людей. Неожиданно острая борьба разыгралась в эти дни даже там, где, казалось бы, этого меньше всего можно было бы ожидать: в тихом садике музея знаменитого мастера, скульптора Родэна, где время от времени устраиваются выставки молодых мастеров ваяния. Эти выставки, известные под названием «Молодая скульптура», далеко не всегда привлекали к себе интерес широкой публики: их участники в последние годы увлекались созданием беспредметных, уродливых конструкций, вроде той, какую вы видите на нижнем снимке.

И вдруг против обыкновения на очередную выставку «Молодая скульптура» валом повалили люди, которые редко ходят в художественные салоны. Здесь были рабочие, служащие, ремесленники, трудовой люд с окраин Парижа. Но они не обращали никакого внимания на изломанные, словно порожденные кошмаром, уродливые фигуры, которые так славили газеты. Куда же они держали путь?

В глубине сада, под сенью тронутой желтизной листвы, стояли непривычные для таких выставок произведения искусства. Это были сделанные в отличной реалистической манере скульптуры: «Борец за мир» (его-то вы и видите на этой странице) и «Анри Мартен» — большой скульптурный портрет доблестного моряка, томившегося в те дни в каторжной тюрьме. К ним-то и шли многочисленные посетители выставки, приветствовавшие мужественных скульпторов, открыто творчеством своим вступивших в борьбу за мир.

Силы реакции были жестоко уязвлены появлением этих тем в искусстве. Ночью трусливые погромщики проникли в сад Родэна и изуродовали ломами и топорами произведения скульпторов.

Но искусство оказалось сильнее их: даже изувеченные скульптуры, зовущие к борьбе за мир, делали свое дело. Их не убрали с выставки, они напоминали народу о злобных выпадах поджигателей войны.

Вспоминается и такая деталь: парижане провели сбор средств на покупку нового куска белого мрамора и подарили его скульптору, сделавшему портрет Анри Мартена. Они попросили его высечь из этого камня новый бюст отважного героя взамен изуродованного фашистами. И эта просьба была выполнена.

Вскоре Раймонда Дьен, а затем и Анри Мартен были освобождены из тюрьмы. Теперь они оба продолжают активную борьбу за мир.

На последней странице мне хотелось запечатлеть несколько сценок, показывающих парижан в воскресенье. Это особая, любопытная тема, одной страничкой тут трудно обойтись.

Одни уезжают на весь день за город; другие продают у выхода из метро газету «Юманите»; третьи сидят с удочкой на берегах Сены — авось, клюнет; четвертые бродят по киоскам букинистов в поисках интересной и дешевой книжки; пятые проводят день с приятелями в кафе; шестые «болеют» на футбольном матче; седьмые предпочитают пойти в кино или поглядеть на витрины Больших бульваров. Что же выбрать? Я решил предложить вниманию читателя два совершенно различных по духу, но одинаково характерных для многих парижан увлечения: любовь к собаководству и страсть к живописи.

В Париже очень любят собак. Есть даже специальное законодательство о собаках, взимается особый налог с владельцев собак. Для собак отведено отдельное кладбище, и иные псы покоятся под роскошными монументами. Регулярно устраиваются собачьи выставки.

Этот снимок я сделал на одной из таких выставок. Посмотрите, с какой заботой господин в шляпе расчесывает хвост своему любимцу! Сейчас начнет работать жюри, и от прически хвоста многое зависит!

Надо видеть торжественный момент вывода расфранченных псов пред светлые очи судей, чтобы понять, как много он значит для собаководов...

А эта сценка была снята на знаменитом Монмартре. Там, на узких, залитых солнцем уличках такие картины обычны. В Париже есть ходячее выражение: «Воскресный живописец». Тысячи людей с раннего утра берут под мышку складной мольберт, ящик с красками и отправляются на поиски живописного уголка. Эти поиски недолги: Париж — один из красивейших городов. И сразу же вокруг художников собираются «болельщики»: «Послушайте, а у него неплохо получается!», «Позвольте, но вы здесь переложили синей краски!», «Я бы на вашем месте не мешал человеку работать!», «Нет, нет, определенно получается недурно!»...

Так проходит день. А завтра снова за работу!

Бессмертие Робина Гуда

Он провел свою жизнь в лесу. Его боялись бароны, епископы и аббаты. Его любили крестьяне и ремесленники, вдовы и бедняки.

(Из старинных хроник.)

О его смерти рассказывают так. Однажды славный стрелок из лука почувствовал: в руках недостает силы, чтобы натянуть тетиву, а ногам трудно идти по привычной лесной тропинке. И тогда он понял: приблизилась старость...

Он отправился в монастырь, настоятельница которого слыла искусной врачевательницей, и попросил полечить его. Монахиня прикинулась, что обрадована его приходом, приветливо проводила пришельца в дальнюю келью, заботливо уложила его на постель, острым ножом вскрыла вену на могучей руке (кровопускание тогда считали хорошим средством от многих недугов). И, сказав, что тотчас вернется, ушла.

Время текло медленно. Кровь текла быстрее. Но монахиня все не возвращалась. Наступила ночь. За ночью пришел рассвет, и тогда стрелок понял, что стал жертвой предательства. Над изголовьем его ложа было окно в лес. Но сил, чтобы дотянуться до окна, у истекающего кровью уже не достало. В груди едва хватило дыхания, чтобы последний раз протрубить в изогнутый охотничий рог. Слабый, дрожащий звук рога прозвучал над лесом. Верный друг услышал призывный сигнал. В тревоге он поспешил на помощь.

Поздно! Уже никто не смог бы спасти стрелка.

Так враги, которые долгие годы не умели одолеть Робина

Рисунки П. Бунина.

Гуда ни в жарком бою, ни в упорном поединке, извели его черным предательством.

Старинный историк называет год и день, когда это случилось: 18 ноября 1247 года.

Прошло несколько веков. Начинались и заканчивались войны. Самая короткая длилась несколько дней, самая длинная — сто лет. По городам и деревням Англии проносились опустошительные эпидемии. Вспыхивали восстания. На престоле сменялись короли. Люди рождались и умирали, поколения приходили на смену поколениям.

Однако бурная череда событий, как любили говорить в старинных книгах, не могла изгладить из памяти англичан имени Робина Гуда.

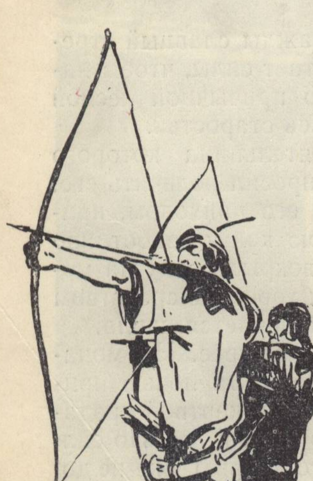
Однажды, это было лет двести тому назад, в маленький городок близ Лондона медленно въехала тяжелая карета. Карета была нарядной, пышной: только самые важные люди королевства разъезжали в таких. Действительно, в карете сидел важный господин: сам лондонский епископ! Он приехал в городок, чтобы прочитать горожанам проповедь. Покуда карета ехала от городских ворот к церковной площади, епископ успел заметить, что городок словно бы вымер. Епископ не удивился этому. Значит, слух о его приезде опередил карету, и горожане поспешили в церковь: им не часто доводится видеть и слышать его преосвященство. И он привычно представил себе, как выйдет из кареты, как медленно поднимется по ступеням храма сквозь почтительно расступающуюся толпу... Но церковная площадь была пуста. На церковных дверях висел тяжелый замок.

Долго стоял епископ на пустой площади, багровея от гнева и стараясь сохранить достойный вид, подобающий его сану и торжественным ризам, что было совсем нелегко перед запертой дверью.

Наконец какой-то прохожий, поспешая отнюдь не в церковь, бросил на ходу епископу:

— Сэр, вы ждете напрасно, мы празднуем сегодня день Робина Гуда, весь город в лесу, и в церкви никого не будет.

О дальнейшем рассказывают по-разному. Одни говорят, что епископ сел в карету и вернулся в Лондон, произнося мысленно такие слова, какие епископы обычно не произносят. Другие утверждают, что он отправился на городской луг, где горожане, нарядившись в зеленые кафтаны, изображали сцены из жизни Робина Гуда, и присоединился к зрителям.

Что же это была за жизнь? Почему память о ней сохраняют веками? Почему целый город мог много часов подряд вспоминать Робина Гуда и думать только о нем?

Что вам известно о Робине Гуде, кроме тех страниц романа Вальтера Скотта «Айвенго», где он выведен под именем храброго йомена, вольного крестьянина Локсли?

У Робина Гуда два жизнеописания. Одно — очень короткое. Ученые собрали его по крупицам в старинных хрониках. Из этого жизнеописания можно узнать, что Робин Гуд был разорен богатыми недругами и бежал от них в Шервудский лес, глухую и густую чащу, тянувшуюся на много десятков миль. К нему примкнули такие же, как он, беглецы. Он объединил их под своим началом в грозный отряд «лесных братьев» и вскоре стал настоящим властелином Шервудского леса. Робин Гуд и его стрелки числом более ста охотились на запретную королевскую дичь, враждовали с богатыми монастырями, грабили проезжих нормандских рыцарей, помогали преследуемым и беднякам.

За поимку Робина Гуда власти много раз объявляли награду. Но ни один крестьянин, в чью хижину он заходил, ни один из «лесных братьев» не соблазнился этими посулами.

Вот все или почти все, что известно историкам о Робине Гуде.

Второе жизнеописание Робина Гуда куда подробнее. Из него можно узнать, как он впервые столкнулся с королевскими лесничими и чем закончилась эта встреча; как он познакомился с беглым монахом — братом Туком — и Маленьким Джоном, которые стали его помощниками, и о том, как Робин Гуд побеждал на состязаниях из лука, как он враждовал с шерифом Ноттингама, притеснявшим крестьян, как отказался служить королю Ричарду Львиное Сердце.

Где же записано все это и многое другое о Робине Гуде? Не в исторических трудах, а в народных песнях — балладах, как называют их историки литературы.

Их сочиняли по всей Англии на протяжении многих веков. Автором этих песен был народ, а исполнителями — странствующие певцы. Песни о Робине Гуде обрастали разными подробностями, несколько маленьких песен сливались в одну или одна большая распадалась на несколько маленьких... Певцы, которые пели эти баллады, если умели писать, записывали слова песни и за плату давали их списать желающим. А когда в Англии появились первые типографии, песни о Робине Гуде стали печатать. Поначалу это были отдельные листы с оттисками песен. Их охотно раскупали жители городов и деревень, которые раз в год, летом, праздновали день Робина Гуда.

Вот в этих-то песнях постепенно и сложилось второе жизнеописание Робина Гуда. В нем он такой, каким его представлял себе народ. Если старинная латинская хроника утверждает, что Робин Гуд был дворянином, то народная песня решительно называет его сыном крестьянина. Простые люди Англии легендарную биографию Робина Гуда стали считать его настоящим жизнеописанием. В течение многих десятилетий и даже веков всему, что рассказывали о Робине Гуде в песнях, англичане верили как непреложному историческому факту.

Этому есть любопытное свидетельство. В одной из самых старых баллад рассказывается, как Робин Гуд пятнадцатилетним юношей отправился в город Ноттингам на состязание стрелков из лука. На полпути его остановили королевские лесничие и стали издеваться над ним. «Неужели этот мальчишка, который едва может согнуть собственный лук, осмелится появиться перед лицом короля на состязаниях!» — восклицали они. Робин Гуд побился с ними об заклад, что он на сто футов попадет в цель, и выиграл это пари. Но королевские лесничие не только не заплатили ему выигрыша, а пригрозили, что поколотят его, если он осмелится показаться на состязаниях.

Тогда Робин Гуд, как с восторгом сообщает баллада, перестрелял из своего лука всех насмешников. Народ не любил королевских лесничих, которые не давали бедняку ни собрать в лесу хворост, ни тем более поохотиться на лесную дичь или поудить рыбу в лесных ручьях и реках. Не любя королевских лесничих, народные певцы с восторгом распевали эту балладу.

И вот в апреле 1796 года, то есть спустя пять столетий после того, как жил Робин Гуд, в одном из английских журналов появи-

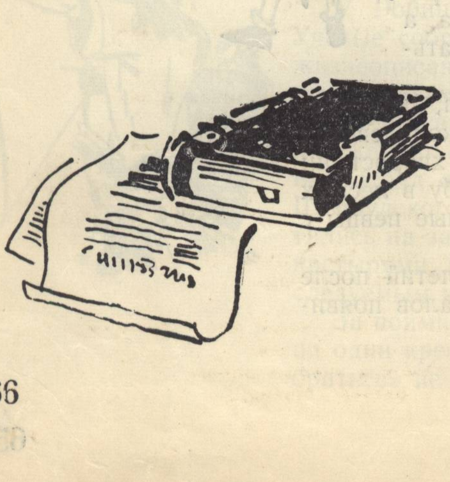
лось сообщение. Вот оно: «Когда несколько дней назад рабочие копали землю в саду в местечке Коклейн неподалеку от Ноттингама, они наткнулись на шесть человеческих скелетов, которые лежали вплотную друг к другу, аккуратным рядом. Предполагают, что это часть тех пятнадцати лесничих, которых убил в свое время Робин Гуд».

Можно представить себе, как издатель журнала спросил у автора заметки: «А вы уверены, что это те самые скелеты?». И автор ответил, как отвечают журналисты всех времен: «Ну, что же, впишем для осторожности слово «предполагают». Но ни автору, ни издателю не пришло в голову усомниться, что Робин Гуд действительно сражался с королевскими лесничими по дороге в славный город Ноттингам: ведь об этом поется в балладах!

Почему Робин Гуд стал любимым героем народных песен? Чтобы ответить на этот вопрос, придется, пожалуй, напомнить вам то, что вы учили на уроках истории: в 1066 году Англию захватили норманны с Вильгельмом Завоевателем во главе. У коренного населения Англии — саксов — они отнимали землю, дома и имущество, огнем и мечом навязывали им свои законы. Старинный историк называет Робина Гуда одним из тех, у кого отняли землю.

Вражда между старыми и новыми властителями сохранялась и два века спустя. Помните, какое место занимает в книге Вальтера Скотта «Айвенго» вражда саксонских и норманских дворян? Однако саксонские дворяне скоро примирились с завоевателями. Но песни о Робине Гуде не забылись. Их распевали в отрядах крестьян, восставших под предводительством Уотта Тайлера. Народ сердцем чувствовал: борьба Робина Гуда, прославленная в песнях,— это не только борьба саксов против норманнов, но вообще борьба народа против угнетателей.

Я перелистываю старинную книгу, в которой собраны одна за другой баллады о Робине Гуде. Вот баллада про то, как Робин Гуд сражался с другим своим злейшим врагом—рыцарем Гаем Гайсбурном и как, победив его и переодевшись в его одеяние,— а надобно вам знать, что Гай Гайсбурн всегда носил поверх лат выделанную конскую шкуру,— он снова перехитрил ноттингамского шерифа. Вот баллада «Робин Гуд и епископ», в которой рассказывается, как выместил на епископе Робин Гуд свой гнев против церкви. Вот баллада про то, как Робин Гуд спас трех сыновей бедной вдовы,— и в каждой из этих баллад он всегда один и тот же: смелый в бою, верный в дружбе, шутник, весельчак, насмешник, не стареющий народный герой.

Я рассказал вам о Робине Гуде, каким его изображали народные баллады, и теперь вы сами сможете заметить, в чем изменил Вальтер Скотт этот образ, когда вывел его в «Айвенго».

У Вальтера Скотта йомен Локсли, имя, под которым выведен в романе Робин Год, становится верным помощником Ричарда. Робин Гуд, каким воспел его народ, отказался служить королю Ричарду Львиное Сердце.

Народ помнит Робина Гуда именно таким, каким он воспет в старинных народных песнях. И в этом и есть бессмертие Робина Гуда.

Сергей Львов

Из баллады о Робине Гуде и Маленьком Джоне

Перевод Марины Цветаевой. **Рисунки П. Бунина.**

Рассказать вам, друзья, как смельчак Ро́бин Гуд —
Бич епископов и богачей —
С неким Маленьким Джоном в дремучем лесу
Поздоровался через ручей!

Хоть и маленьким звался тот Джон у людей,
Был он телом что добрый медведь!
Не обнять в ширину, не достать в вышину —
Было в парне на что поглядеть!

Как с малюточкой этим спознался Роби́н,
Расскажу вам, друзья, безо лжи.
Только уши развесь,— вот и труд тебе весь!
Лучше знаешь,— так сам расскажи.

Говорит Ро́бин Гуд своим добрым стрелкам:
— Даром молодость с вами гублю!
Много в чаще древес, по лощинкам чудес,
А настанет беда — протрублю.

Я четырнадцать дней не спускал тетивы,
Мне лежачее дело не впрок.
Коли тихо в лесу — побеждает Роби́н,
А услышите рог — будьте в срок.

Всем им руку пожал и пошел себе прочь,
Веселея на каждом шагу.
Видит: бурный поток, через воду — мосток,
Незнакомец — на том берегу.

— Дай дорогу, медведь! — Сам дорогу мне дашь!
Тесен мост, тесен лес для двоих.
— Коль осталась невеста, медведь, у тебя,
Знай: пропал у невесты жених!

— Угрожаешь как трус,— незнакомец в ответ,—
У которого стрелы и лук.
У меня ж ничего, кроме палки в руках,
Ничего, кроме палки и рук!

— Мне и лука не надо тебя одолеть,
И дубинка простая с руки.
Но, оружьем сравнявшись с тобой, погляжу,
Впрямь ли равные мы игроки...

Словно грома удар, был Роби́на удар —
Так ударил, что дуб задрожал!
Незнакомец, кичась: — Мне не нужен твой дар,—
Отродясь никому не должал!

Словно лома удар, был чужого удар,—
Так ударил, что дол загудел!
Рассмеялся Роби́н: — Хочешь два за один!
Я весь век раздавал, что́ имел!

Разошелся чужой — так и брызнула кровь!
Расщедрился Роби́н — дал вдвойне!
Стал гордец гордеца, молодец молодца
Молотить, что овес на гумне!

Был Роби́на удар — с липы лист облетел!
Был чужого удар — звякнул клад!
По густым теменам, по пустым головам
Застучали дубинки, как град.

Ходит мост под игрой, ходит тес под ногой,
Даже рыбки в воде — наутек!
Изловчился чужой и ударом одним
Сбил Роби́на в бегущий поток.

Через мост наклонясь: — Где ты, храбрый боец!
Не стряслась ли с тобою беда!
— Я в холодной воде,— отвечает Робин,—
И плыву сам не знаю куда!

Но одно-то я знаю: ты сух, как орех,
Я ж, к прискорбью, мокрее бобра.
Кто вверху — одолел, кто внизу — проиграл,
Вот и кончилась наша игра!

Полувброд, полувплавь, полумертв, полужив,
Вылез, мокрый, бедняжка, насквозь!
Рог к губам приложил: так, ей-ей, не трубил
По Шервудским лесам даже лось!

Эхо звук понесло вдоль зеленых дубрав,
Разнесло по Британии всей,
И явился на зов лес стрелков-молодцов
В одеянье — травы зеленей.

— Человек этот мертв! — грозно крикнула рать,
Скопом двинувшись на одного.
— Человек этот — мой! — грозно крикнул Робин.—
И мизинцем не троньте его!

Познакомься, земляк! Эти парни — стрелки
Робин-гудовой братьи лесной.
Было счетом их семьдесят без одного.
Ровно семьдесят будет с тобой.

У тебя ж будет — плащ цвета вешней травы.
Кошелек, что забыли купцы.
Будет гусь в небесах и олень во лесах,—
К Робин Гуду идешь в молодцы!

— Видит бог, я готов! — удалец, просияв.—
Кто ж дубинку не сменит на лук!

Джоном Маленьким люди прозвали меня,
Но я знаю, где север, где юг.

— Джоном Маленьким — этакого молодца!!
Перезвать,— молвил Статли Вильям,—
Робин-гудова рать — вот и крестная мать.
Ну, а крестным отцом — буду сам.

Притащили стрелки двух жирнух-оленух,
Пива выкатили — не испить!
Стали крепким пивцом под зеленым кустом
Джона в новую веру крестить.

Было семь только футов в малютке длины,
А зубов — полный рот только лишь!
Кабы водки не пил да бородки не брил,
Был бы самый обычный малыш!

До сих пор говорок у дубов, у рябин
Не забыла лесная тропа,
Пень — и тот не забыл, как сам храбрый Робин
Над младенцем читал за попа:

— Джоном Маленьким был ты до этого дня,
Нынче старому Джону — помин,
Ибо с этого дня вплоть до смертного дня
Стал ты Маленьким Джоном. Аминь.

Будешь метким стрелком, молодцом, как я сам,
Будешь службу зеленую несть,
Будешь жить, как в раю, пока в нашем краю
Кабаны и епископы есть.

Хоть ни фута у нас — всей английской земли.
Ни кирпичика — кроме тюрьмы,
Мы как сквайры едим и как лорды глядим.
Кто владельцы всей Англии! Мы!

Хищные и некоторые насекомоядные птицы любят высматривать свою добычу с какого-нибудь наблюдательного пункта. Если на поле или на лугу установить присаду — прочно врытый в землю высокий шест с перекладиной наверху, — на него будут садиться совы, мелкие соколки — пустельги, и более крупные хищники — сарычи.

Горе той мыши или полевке, которая осмелится показаться из норки неподалеку от такой присады,— она сразу попадет в лапы хищника.

Найдите поле (чаще всего это будет клеверное), на котором много мышиных норок, и закройте норки бумажками. Если немного погодя вы увидите, что бумажки вытолкнуты из норок, значит, в норках есть жильцы. Там, где окажется много жилых норок, установите присаду, а через пять—десять дней снова проверьте норки при помощи бумажек.

Если опыт оказался удачным, перенесите шест на другое место, где много жилых норок. Так вы можете помочь колхозу или совхозу бороться с вредными грызунами.

А на огороде можно сделать по-другому. Воткните в грядку два шеста и между ними натяните веревку. На нее будут садиться серые мухоловки и ловить летающих над грядками вредных бабочек: капустниц, репниц и капустных молей.

Если между грядками сложить кучи камней, на них будут садиться чеканы-каменки, которые любят лакомиться ползающими по грядкам насекомыми.

В конце лета у юннатов новая забота: как быть с птицами, которые вредят посевам и плодовым садам? Скворцы склевывают вишни, воробьи и коноплянки нападают на зерновые культуры.

Нужно ли этих птиц истреблять? Разумеется, нет: ведь в другое время они приносят нам большую пользу. Нужно научиться их отпугивать.

И. В. Мичурин советовал в небольших садах и на полях протянуть веревки и подвесить к ним консервные банки, стекляшки, железки и всякие другие блестящие и звенящие предметы.

Есть и другой способ отпугивания. Часто в пионерских лагерях ребята выкармливают птенцов хищных птиц. Вот их-то и можно приучать сидеть на привязи посреди сада или посевов на присаде такой высоты, чтобы хищник был хорошо виден отовсюду. Он заменит вам сторожа.

ЗАЩИТИТЕ ДРУЗЕЙ ЛЕСА

Едва ли найдется кто-нибудь из ребят, не видавший муравейников. И что греха таить! Не много среди них таких, которые, увидев муравейник, удержатся от соблазна ткнуть в него палкой и посмотреть, как забегают муравьи. А знают ли эти «исследователи», какой они причиняют вред этим?

Жители муравейников, и в первую очередь рыжие лесные муравьи, которые чаще всего страдают от шалостей ребят,— очень полезные насекомые. Высчитано, что муравьи одного крупного муравейника могут за лето уничтожить два миллиона насекомых, среди которых большинство — вредители леса. Наблюдения в Подмосковье показали, что жители только одного муравейника ежедневно уничтожали семь тысяч двести гусениц дубовой листовертки.

Иногда ребята оправдываются: подумаешь, велика беда — разворотил палкой муравейник! Эти ребята не знают, что, когда нарушается естественная куполообразная форма муравейника, в него попадает сырость, и муравейник погибает. Потому-то и нет муравейников рыжего лесного муравья в пригородных лесах.

В лесах и на лугах средней полосы Европейской части СССР водятся восемь видов различных муравьев. Есть у нас кровавый муравей, похожий на рыжего лесного, только у него светлые части тела не рыжие, а розовато-красные. Это муравей-рабовладелец: в его муравейниках встречаются другие, более мелкие, темно-бурые лесные муравьи, выращенные из куколок, похищенных кровавыми муравьями.

Черный садовый некрупный муравей живет на открытых местах, либо в подземных ходах, либо

устраивает небольшие земляные муравейники.

Черных садовых муравьев называют скотоводами: они доят тлей, охраняют их. Поэтому принято считать, что они вредны. Но прежде чем присоединиться к этому мнению, надо посмотреть, каких насекомых истребляют муравьи, и тогда, возможно, придется переменить о них мнение.

Вместе с черными садовыми муравьями и примерно в тех же местах живут такой же величины, но более продолговатые рыжевато-красные муравьи — мирмики. О жизни их пока ничего не известно.

На влажных лугах иногда образуются кочки, поросшие травой. Кочки эти сильно мешают сенокошению. Когда стали разбираться, откуда берутся кочки, оказалось, что это погибшие муравейники двух различных муравьев: желтого земляного и лугового, или дернового, — мелкого, темного, со светлыми лапками. Оба эти муравья живут под землей, и об их жизни мы ничего не знаем.

Есть еще один вид: крупный, блестящий, черный, с темно-красной грудью и ногами муравей-древоточец. Он протачивает свои ходы в древесине деревьев, распространяет древесинную гниль и сильно вредит лесу; бороться с ним еще не научились.

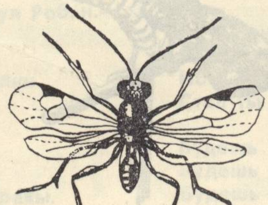
Как видите, среди муравьев есть и наши друзья и враги, и мы очень мало, а иногда и совсем ничего не знаем о них.

Попробуйте выяснить, какие из муравьев встречаются там, где вы отдыхаете летом. Проследите, каких вредных насекомых истребляют рыжие лесные муравьи. Выясните, много ли муравейников рыжего лесного муравья сохранилось неповрежденными в районе ваших наблюдений и какая часть повреждена. Поправьте поврежденные муравейники, придав им правильную конусообразную форму, и организуйте охрану муравейников в вашем районе. Понаблюдайте, чем питаются темно-бурый лесной и черный садовый муравей и муравей-мирмика. Займитесь переселением муравьев на такие участки, где их деятельность особенно нужна.

О том, как переселять муравьев, вы можете прочитать в книгах В. В. Строкова «Техника использования фауны для защиты леса» и Б. С. Щербакова «Насекомые, как объект школьной работы».

ВОСПИТАНИЕ ВРАГОВ ГУСЕНИЦЫ

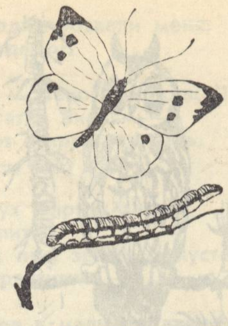
Соберите на огороде два—три десятка гусениц капустницы, поместите их в пустой аквариум, на дно которого насыпана слегка влажная земля, или в марлевый садочек с деревянным остовом. Кормите их листьями капусты и наблюдайте за их развитием. Гусеницы с аппетитом будут пожирать листья, линять, сбрасывая шкурку, и, наконец, дней через десять—двенадцать превратятся в

куколок. Из куколок вскоре вылупятся бабочки. Вы сохраните их для коллекции.

Приглядитесь внимательно к гусеницам, когда они достигнут полного роста. Некоторые из них становятся вялыми, малоподвижными, а их окраска желтоватой. В тот самый момент, когда все гусеницы будут готовиться закуклиться, из этих гусениц выползут мелкие белые личинки. Гусеница погибнет, а личинки завьют ма-

ленькие золотистые кокончики. Это личинки паразита капустницы — наездника-мелкобрюха.

Когда вы познакомитесь с развитием гусениц, соберите на огородах пораженных гусениц и кокончики наездника и поместите их в стеклянную банку с насыпанным на дно слоем немного влажной (но не сырой) земли. Сверху банку завяжите марлей и время от времени увлажняйте землю. Пройдет пять — семь дней, и в банке начнут появляться мелкие, похожие на мошек насекомые с подвижными усиками — взрослые наездники. Соберите их и выпустите на огород, где растет капуста. Там в это время как раз начнет развиваться второе поколение гусениц капустницы. Наездники сразу станут откладывать в них яйца.

То, что вы проделаете, называется паразитарным методом борьбы с вредными насекомыми. Если его применить широко, то он поможет нашему хозяйству избавиться от многих опасных вредителей лесов, садов, полей и огородов.

П. Смолин,
заместитель председателя юношеской секции Общества охраны природы.

В МИРЕ КНИГ

НЕПОКОРЕННЫЙ

Жил-был старик Фарук. Исполнилось ему девяносто лет, и он решил: пора помирать, пора заказывать себе гроб... И пошел Фарук к гробовщику, а гробовщик жил в этом городе рядом с цирюльней — парикмахерской.

И встретилась старику девушка, прекрасная, как сама жизнь.

— Как дела, мой дед? Вам нужен гроб? — спросила девушка.

— Что ты, дочка?..— сказал старик, улыбнувшись ее красоте.— Бородой оброс я, и немного бороду подправить нужно мне.— И Фарук открыл дверь в цирюльню, забыв все свои черные мысли...

Муса Джалиль с дочкой.

Добродушным юмором и любовью к жизни веет от этой сказки. Но всего удивительней в ней другое. Эта веселая сказочка написана в стихах на листке, купленном в тюремной лавочке, и писал ее человек, приговоренный к смерти, измученный пытками, человек, со дня на день ожидавший страшной казни...

Прекрасна и удивительна история создания этой сказки. Но не менее прекрасна, не менее удивительна история о том, как ее, эту сказку, и множество других песен, сказок и стихов удалось сохранить для людей. Тоненькую тетрадку с этими стихами передал русским товарищам бельгиец Андре Тиммерман. Он пронес ее через годы заключения в фашистской тюрьме, через все обыски и допросы. Храня ее, Тиммерман рисковал жизнью, но ни разу не пришло ему в голову уничтожить тетрадку. Ведь он обещал сохранить ее, он дал слово своему товарищу по камере — автору этих стихов поэту Мусе Джалилю.

На обложке тетрадки для отвода глаз тюремщиков значилось: «Записная книжка турецко-немецких слов». А дальше мелкой арабской вязью было написано:

«Другу, который умеет читать по-татарски и прочтет эту тетрадку.

Это написал известный татарскому народу поэт Муса Джалиль. Испытав все ужасы фашистского концлагеря, не покорившись страху сорока смертей, он был привезен в Берлин. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации... и заключен в тюрьму... Он умрет. Но у него останется 115 стихов, написанных в заточении. Он беспокоится за них... Если эта книжка попадет тебе в руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги и после войны сообщи в Казань... Это — мое завещание.

М. Джалиль. 1943. Моабит».

Не все стихи Джалиля были записаны в эту тетрадь. За время своего заточения он написал еще множество стихов, и часть из них сохранили другие смелые люди. Крошечный блокнотик со стихами принес в редакцию стерлитамакской газеты башкир Гамзатов, освободившийся из фашистских застенков. Друзья Джалиля, говорящие на разных языках и живущие в разных концах земли, бесстрашно сберегли его последние песни.

* * *

...Как волшебный клубок из сказки,
Песни — на всем моем пути.
Идите по следу до самой последней,
Коль захотите меня найти, —

говорится в одной из песен, записанных в моабитской тетради. И правда, по стихам Мусы Джалиля

можно проследить всю его жизнь — мужественную, чистую жизнь человека, юность которого совпала с юностью страны.

...Помню снежную, вьюжную зиму.
Десять верст отмахал я пешком... —

рассказывает он в стихотворении «Первые дни в комсомоле». События, описанные в этом стихотворении, относятся примерно к 1919 году. По снежной, вьюжной дороге деревенский паренек впервые пришел в комитет комсомола. Здесь его, полузамерзшего, долго оттирали снегом и отогрели не только щеки, но и сердце... С этого дня жизнь бедного сироты стала иной...

В те годы жить начинали рано. Муса Джалиль вступил в комсомол тринадцати лет. Тогда же он принес свои стихи в редакцию газеты в Оренбурге — так прежде назывался город Чкалов.

Чтобы расслышать автора как следует, работники редакции ставили его на стул: такой он был тогда маленький. «Маленький Муса» — так он подписывал свои первые стихи, и характерно, что первое напечатанное стихотворение Джалиля называлось «Счастье».

Да, нищий сирота умел быть счастливым, хотя и детство и юность его были не из легких: он знал и трудные годы войны, и лишения, и напряженную работу.

Прочитайте стихи Джалиля, относящиеся к поре его юности, одно за другим, как читают повесть. И, как в повести, встанет перед вами образ горячего, деятельного юноши с щедрым сердцем. Вот он создает у себя на селе организацию ребят «Красный цветок» — тогда еще не было пионеров. Ребята разыгрывают пьесы, придуманные самим Джалилем; в них высмеиваются богачи и муллы — мусульманские священники. «Маленький Муса» сражается с оружием в руках с остатками белых банд, работает на первых новостройках, учится на рабфаке... Павел Корчагин — вот кто вспоминается нам, когда мы читаем стихи Джалиля. Недаром он сам обращается мыслями к этому образу позднее, в тюрьме...

«Человек-огонь» звали Джалиля друзья. И правда, он все делал с огоньком: учился, жил, работал... Он был пламенным комсомольцем и любознательным студентом. Закончив рабфак, он поступил на литературный факультет Московского университета... А сколько сил и изобретательности вносил он в свою работу над детскими журналами! Он был редактором татарских детских журналов «Маленькие товарищи» и «Дети Октября».

Все спорилось у Джалиля: стихи, работа, общественная деятельность. Он нежно любил свою семью — жену, маленькую дочку, названную Чулпан, что значит «утренняя звезда»...

И вот грянула война.

Пусть кому-то быть из нас убитым,—
Никому из нас не быть рабом,—

писал Джалиль еще пятнадцатилетним мальчиком. За двадцать лет сердце его не изменилось.

...Пришла пора
все отдать воюющей Отчизне,—

говорит он в 1941 году, уходя на фронт.

В июле 1941 года он рядовой, позднее политработник.

...Пусть брызнет последняя капелька крови,—
на клятве не будет пятна!

Это написано в госпитале после ранения. Как перекликаются с этими стихами письма Джалиля к жене!

«Я не боюсь смерти,— пишет он с фронта.— Это не пустые слова. Когда мы говорим, что мы смерть презираем, то это на самом деле так. Я не знаю того момента, когда я, будучи в опасности, со страхом думал бы о смерти». И в этом же письме он говорит о «жизни за смертью», не о «загробном мире», выдуманном верующими, а о жизни в памяти народа, той «жизни за смертью», к которой должен стремиться человек.

Но в июле 1942 года перестали приходить письма от Джалиля, напрасно ждали их жена и дочка. Потом пришло извещение: «Пропал без вести». Какой страшный смысл кроется для близких за этими словами! Человек пропал, сгинул, и никто ничего не узнает о его судьбе. «Без вести»! Но когда кончилась война, Джалиль прислал о себе весть: на одной из книг, найденных в знаменитой берлинской тюрьме Моабит, прочитали надпись: «Я — известный татарский поэт Джалиль — заключен в Моабитскую тюрьму за политику и приговорен к расстрелу. Прошу передать мой привет А. Фадееву, П. Тычине, моим родным...»

Гораздо раньше, в стихотворении «Одинокий костер», Джалиль писал:

Огонь, светящийся во мгле,
Заметят ли, найдут ли?..

Как искры в ночи, разбрасывал он весточки о себе. Вслед за первой вестью пришла вторая: тетрадь «Последних песен», спасенная Андре Тиммерманом.

Из песен узнаем мы о последних событиях в жизни Джалиля, то, о чем он не мог сообщить родным... Он попал в окружение и не смог застрелиться: в последнюю минуту отказал пистолет.

С каким волнением читаешь его обращение к Родине, мольбу о прощении:

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.
...Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил
мой пистолет...

Враг сковал полумертвые руки пленного, и началась страшная жизнь за колючим забором без свободы, вдали от Родины. Вот когда Джалиль впервые почувствовал себя сиротой!

Но «сердце орла» было только ранено, в нем клокотали ненависть и жажда борьбы.

«Есть на друзей у меня надежда»,— намекает Джалиль в стихах. Теперь мы знаем, что это была за надежда: Джалиль с друзьями создали в лагере подпольную антифашистскую организацию, они писали листовки, призывающие к сопротивлению, гнев и жажду протеста будили также и стихи Джалиля, непонятные фашистам, но близкие сердцу друзей. По-видимому, замышлялся побег из лагеря... Но надеждам не суждено было осуществиться. Подпольная организация была раскрыта, Джалиля заточили в подземелье Моабита и приговорили к смерти.

Друзья по камере, оставшиеся в живых, помнят спокойного, мужественного человека, смотрящего смерти прямо в глаза. Но еще глубже запечатлен этот образ в моабитских тетрадях Джалиля.

Разве не страшнее самой смерти ожидание смер-

ти? Джалиль испил эту чашу до дна; палачи не спешили с исполнением приговора. А ведь, кроме мучительного ожидания казни, были еще и пытки, унижения, голод, мрак подземелья, гибель друзей...

И в сыром смраде Моабита он пишет о девушках, поющих песни, о верной дружбе и нежной любви, о мирном сне ребенка... В моабитских стихах отразилось огромное богатство души, не потускневшей в тягостном ожидании смерти. Все чувства есть в этих песнях, кроме одного — слабости.

В январе 1945 года приговор был приведен в исполнение. Поэт Муса Джалиль погиб от руки палача. Мы не знаем, где его могила, но память о нем бессмертна. Джалиль живет в памяти людей той самой славной «жизнью за смертью», о которой он писал. В феврале 1956 года поэт посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, а недавно ему присуждена Ленинская премия.

Образ героя, не покорившегося «сорока смертям», дорог людям всего мира, всем, кто ненавидит войну, фашизм, всем, кто ценит отвагу и благородство.

Ю. Новикова

Книга о воинском подвиге

О подвиге советского народа в Отечественной войне написано много замечательных книг. Некоторые из них я особенно люблю: «Молодую гвардию» Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Звезду» Казакевича. Это книги о суровых буднях войны, трудном подвиге простых людей, сознающих, что в их руках — судьба Родины, о победах, оплачиваемых большой кровью. Нелегко после этих — и многих еще — талантливых и ярких книг писать об Отечественной войне. И потому, в частности, что писатель, обращаясь к событиям, не раз описанным, иногда невольно подражает полюбившимся художественным образцам. На писателя в таких случаях чье-то совершенное литературное произведение влияет не меньше, чем собственные жизненные впечатления. И тогда из-под его пера выходит вещь, в которой автор, если можно так выразиться, все увидел своими глазами, но описал чужими словами...

Обо всем этом подумалось мне, едва только я взглянул на обложку книги Руд. Бершадского «Путь к подвигу», потому что уже по обложке, едва взглянешь, можно узнать: речь пойдет о делах военных.

Но вот книга прочитана. Оказывается, рассказы, собранные в ней, написаны по свежим следам событий, то есть в годы войны. А напечатаны все вместе недавно. Герои этих рассказов — командир артдивизиона Козаченко, танкист Митрофанов, связной Лева Семиверх, ефрейтор Луневич — люди большого мужества и великой скромности. И Руд. Бершадский пишет об этих людях тоже скромно, душевно, а главное, своими словами. Попробуем разобраться, что это значит.

Наверно, вам, ребята, не раз приходилось слышать от учителя:

— Выучил урок? Расскажи. Только, пожалуйста, своими словами.

Что имеет в виду учитель, говоря так? А вот что: если ты как следует понял прочитанное в учебнике, объясненное на уроке, то сможешь изложить это своими словами. Если же ты можешь лишь точно повторить, что сказал учитель, что написано в учебнике, тебе говорят: вызубрил. Это значит, ты не понял урока глубоко и потому не владеешь материалом самостоятельно.

Конечно, в литературе все неизмеримо сложнее, чем в этом примере, но и с литератором бывает так, что он рассказывает чужими словами, оттого что сам не понял как следует жизни, которую изображает, людей, которых сделал своими героями.

...Бывает, читая какую-нибудь интересную книгу, думаешь: «Правдиво, верно написано», — хотя с тобой самим никогда не происходило того, что с героями книги. Ты не был в той же обстановке, что и они, но, однако, чувствуешь: это правда!

Мне не довелось быть в блиндаже во время затишья, не был я и в осажденном Ленинграде. Но, читая рассказы Бершадского «Ничего существенного» и «А все-таки вертится!», я ощущаю: так оно и было.

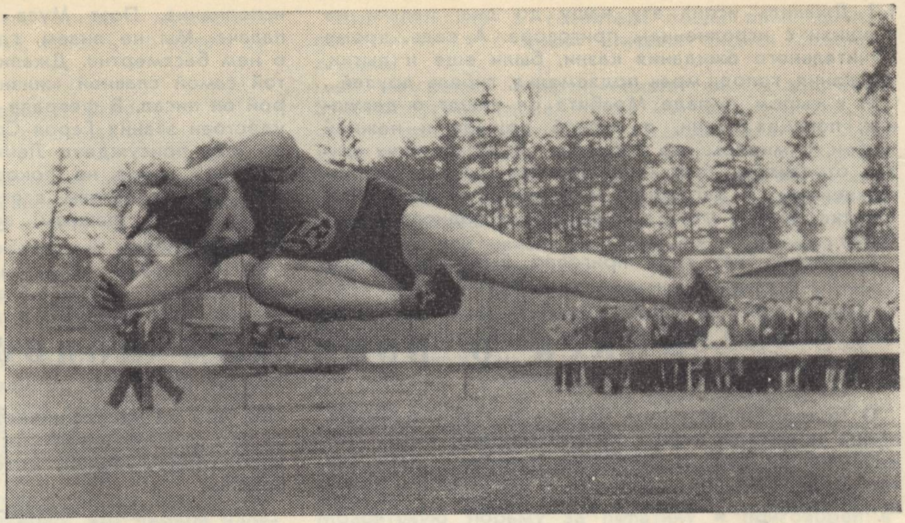
Приходилось ли вам когда-нибудь задумываться, ребята, над этим свойством художественной правды? Все мы ничуть не сомневаемся, например, что Чапаев был именно таким, каким изобразили его писатель Фурманов и артист Бабочкин. Проверка личным опытом тут невозможна, но это и не нужно нам. А ведь бывает наоборот: знаешь, что в жизни было так, как написано в книге, — повесть документальная, герои ее живы и все подтверждают,— а все-таки читаешь и не веришь. В чем тут дело?

Мне думается, часто вот в чем: писатель рассказывает о том, что в жизни действительно было, но им не пережито. А художественно правдивым произведение получается лишь тогда, когда писатель очень близко, всем сердцем заинтересован в судьбах своих героев. Вы, наверное, будете позднее, в старших классах, читать повесть Горького «Трое». Ее герой Илья Лунев в конце произведения умирает, разбившись о камни. Я читал в воспоминаниях об Алексее Максимовиче, что когда он работал над концом повести, то домашние застали его однажды в полуобморочном состоянии. Придя в себя, Горький объяснил, что произошло: только что погиб Лунев... Так писатель переживал трагическую судьбу своего вымышленного героя.

Простые правдивые рассказы Руд. Бершадского об Отечественной войне хороши, по-моему, именно тем, что в них чувствуется сердечная заинтересованность автора в судьбах своих героев, своих товарищей — отважных советских воинов.

М. Бременер

СПОРТ

Посмотрите, как красиво и точно пролетает над планкой Нина Алабина.

Разговор с яхромскими школьниками и со всеми, кто хочет заниматься спортом

ПЛАН НАШЕГО ЗВЕНА

Наша школа стоит на горе. Поэтому спортивный городок у нас не похож на городки других школ. Когда смотришь из окна четвертого этажа школы, кажется, что кто-то вырубил в горе широкие, большие ступени. Это наши площадки идут ступеньками вниз: волейбольная, баскетбольная, городошная, гимнастическая...

Мы очень любим спортгородок, только старшеклассники вечно захватывают все площадки. Нам это так надоело, что мы пошли к нашему учителю физкультуры советоваться, как быть.

Он говорит: «А вы создайте свои команды. Вот и получите определенное время на площадке. И никто вас не посмеет прогнать».

Собрались мы звеном и стали обсуждать, какие составить команды и каким спортом заниматься. Кто хочет играть в баскетбол, кто в футбол. А кто говорит: летом самое главное—научиться плавать. Боря Цуцарев и Саша Сперанский стали рассказывать, как интересно в горнолыжной детской секции стадиона «Красное знамя». Вова Прудников предложил научиться прыгать в высоту. Сам он берет высоту метр пять сантиметров, а теперь хочет научиться прыгать на метр пятнадцать сантиметров...

Словом, кончилось дело тем, что мы решили серьезно и организованно летом заняться спортом, создали баскетбольную и футбольную команды и составили общий спортивный план звена.

Вот как мы решили:

1) Научиться прыгать на десять сантиметров выше, чем раньше, и на пятнадцать дальше.

2) Метать гранату на двадцать — двадцать пять метров.

3) Улучшить скорость в беге на шестьдесят метров на две секунды.

4) Проплывать пятьдесят метров.

5) Осенью всем сдать нормы на значок БГТО.

6) В звене не должно быть ни одного пионера, не умеющего закинуть мяч в баскетбольную корзину с пяти метров.

Наш преподаватель Антон Сергеевич Никитин говорит, что главная задача у нас сейчас — легкая атлетика. Без легкой атлетики не станешь ни баскетболистом, ни футболистом. Тренировки в прыжках, беге и метании мы стали проводить два раза в неделю. Осенью устроим контрольные соревнования.

6-й класс, яхромская средняя школа № 1.
Разумалов Вова, Сперанский Саша, Башкатов Боря, Геудов Петя, Цуцарев Боря, Шишанов Коля и другие.

СЕКРЕТЫ ТРЕНИРОВКИ

Дорогие ребята из Яхромы! Мне кажется, что вы очень хорошо сделали, составив себе летний план. Как говорится: «Не было бы счастья, да несчастье помогло»... Я думаю, что и другим ребятам неплохо было бы составить звеньевой план. А на худой конец (если звено недружное) — индивидуальный. И научиться за лето лучше бегать, прыгать, плавать, метать. Здесь я постараюсь раскрыть вам некоторые секреты тренировки.

Сила толчка

К одному моему знакомому тренеру по гимнастике пришел в группу молодой гимнаст Коровин. Он ничем не отличался от других, когда делал упражнения на гимнастических снарядах. Но во время занятий акробатическими прыжками Коровин всех удивлял. Он взлетал так высоко, что когда во время сальто его тело вытягивалось в воздухе вверх ногами, голова оказывалась на высоте человека среднего роста.

— Откуда у тебя такая «прыгучесть»? — спросил тренер.

Оказалось, что ежедневно во время утренней гимнастики Коровин становился перед шкафом и старался прыгнуть так высоко, чтобы при каждом прыжке заглянуть на шкаф

сверху. Вначале это получалось с трудом, лишь на третьем — четвертом прыжке ему удавалось увидеть крышку шкафа. Однако через две недели Коровин уже заглядывал на крышку шкафа при каждом прыжке. Тогда он положил на шкаф толстую книгу и старался во время прыжков заглянуть на ее обложку. Постепенно Коровин научился заглядывать на стопку книг, лежащих на шкафу, прыгая на одной ноге.

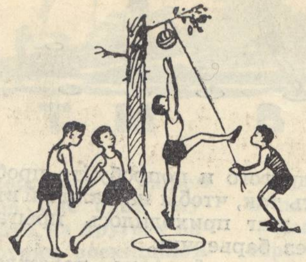
Вы, ребята, тоже выполняете прыжки на месте, делая утреннюю гимнастику. Но вы не стараетесь прыгать высоко. Поэтому упражнение развивает у вас только выносливость. Выносливость нужна спортсмену. Но нужна и «прыгучесть» — сила толчка ногами. Вы разовьете ее, если будете во время утренней гимнастики проделывать по тридцати, а то и по шестидесяти прыжков на месте. Старайтесь взлететь возможно выше при каждом третьем прыжке, а в дальнейшем—и при каждом втором. Придумайте себе какую-нибудь цель, например, заглянуть на шкаф, книжную полку или достать плечами высоко поднятые руки товарища, как показано на рисунке 2. Полезно также усложнять высокие прыжки различными движениями ног, показанными на рисунках 3, 4 и 5.

Играя во дворе или в пионерском лагере, почаще прыгайте с короткой скакалкой. Научитесь бегать, вращая короткую скакалку так, чтобы она при каждом шаге проходила под ногами (рисунок 6).

Чтобы научиться прыгать в высоту с разбегу, попробуйте, подпрыгнув, достать руками высоко подвешенный мяч. Прыгать надо с разбегу — с одного, двух и трех шагов. Отталкивайтесь левой ногой из круга (диаметром в сто сантиметров) и приземляйтесь в него же на «толчковую» ногу. К прыжкам в длину вас отлично подготовит прыжок с разбегу на возвышение. В окрестностях лагеря всегда можно найти такое место, где был бы невысокий обрывчик с ровной площадкой для разбега длиной в четыре — восемь шагов.

Высокий бег

От чего зависит скорость бега? Вы, наверное, ответите: от быстроты шага. Чем быстрее шаг, тем больше скорость. Так почему же многие ребята бегут

такими частыми шагами, что ноги мелькают, как спицы в колесе, а результаты бега все же плохие?

Важна не только частота, но и длина шага. Если ваш шаг не больше метра, вы не будете хорошо бегать. Посчитайте: чтобы пробежать шестьдесят метров, вам придется сделать около шестидесяти шагов. Бегуну же с шагом в полтора метра — всего сорок пять. Что это значит? Чтобы пробежать дистанцию за девять секунд, первый бегун должен бежать в темпе четыреста шагов в минуту, а второй — триста.

Четыреста шагов в минуту! Этого не сможет выполнить самый лучший спортсмен. Даже чемпионы в беге на сто метров делают около трехсот шагов.

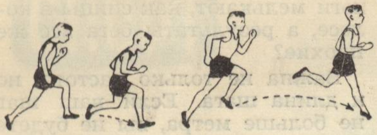
Если вы научитесь бегать длинными и частыми шагами, то сможете за лето улучшить свою скорость на полторы — две секунды на дистанции в шестьдесят метров.

Как же этого добиться?

Посмотрите на двух бегунов (верхний рисунок на следующей странице). Левый кажется маленьким и неуклюжим, а правый — высоким, сильным. Вам даже и в голову не приходит, что они одного роста. Но это в самом деле так. Только правый бегун едва касается носками земли и стремительно летит вперед — так длинны и быстры его шаги. Его бег необычайно красив и легок. Он ставит ногу на дорожку с носка, полностью выпрямляет ее в колене при отталкивании, свободно и прямо держит голову и туловище. Он словно становится выше ростом во время бега. Поэтому мы и называем этот стиль «высокий бег», то есть технически правильный способ бега, который дает возможность бежать с самой высшей скоростью.

Посмотрев на левого бегуна, можно сразу сказать, что он новичок. Движения его скованны, он плохо разгибает ногу в колене, когда отталкивается, напряженно и слишком низко выносит вперед другую ногу, тяжело ставит ее на пятку. При этом он горбится, опускает голову вниз или закидывает ее назад. Сил он тратит очень много, а бежит медленно и быстро устает.

Чтобы научиться «высокому бегу», тренируйтесь ежедневно, а не два раза в неделю, как наметили.

Бег по кружкам

Склейте из резиновых трубок или свяжите из веревки толщиной в полпальца двенадцать — шестнадцать колец диаметром в тридцать — тридцать пять сантиметров. Разложите кольца на площадке в два ряда. Расстояние между кольцами в одном ряду — метр — метр двадцать сантиметров, а между рядами—два—три метра. Нужно пробежать на носках по кольцам так, чтобы не задеть ни одно из них ногами. Побеждает команда, участники которой заденут меньше колец. Потом попробуйте бежать по кольцам наперегонки.

У кого шире шаги?

Приготовьте двенадцать — шестнадцать лучинок величиной со школьную линейку. Разложите лучинки на площадке в два ряда. Расстояние между лучинками в одном ряду — сто двадцать — сто тридцать сантиметров, а между рядами — два — три метра. Попробуйте, разогнавшись, пробежать на носках между лучинками, постепенно увеличивая расстояние на десять — пятнадцать сантиметров. Победит тот, кто пробежит между лучинками, разложенными на расстоянии ста пятидесяти — ста восьмидесяти сантиметров друг от друга.

Через барьерчики

Сделайте из фанеры или дощечек восемь барьерчиков высотой в тридцать и длиной в сорок сантиметров.

Научитесь сначала правильно прыгать на бегу через один барьерчик. Затем расставьте четыре барьерчика на расстоянии двух с половиной метров один от другого и попробуйте пробежать так, чтобы на каждый второй шаг приходилось прыгать через барьерчик.

В каждой паре побеждает тот, кто первым достигнет финиша, не задев ни одного барьерчика. Надо упражняться и в беге без препятствий. Почаще тренируйтесь в беге с ускорением на расстояние от сорока до ста метров. Начинать бег надо совсем легко, не торопясь и следя за правильностью движений. Потом постепенно ускоряйте шаги, а когда достигнете предельной скорости, понемногу замедляйте бег. Пройдите немного шагом и снова начинайте быстрый бег. Такую пробежку надо повторить три — четыре раза. Не забывайте опускать ногу на носок, высоко выносить вперед колено шагающей ноги, держаться свободно и прямо. Так же важно почаще бегать наперегонки сначала с высокого, а в дальнейшем с низкого старта.

Два совета

Наверное, многие из вас, метнув гранату, чувствуют боль в локте или плече. Это значит, что вы растянули связки, потому что во время броска резко пронесли руку с гранатой не над плечом, а сбоку.

Как же правильно метать гранату?

Гранату метают совсем не так, как кидают легкие камешки или маленькие мячички. Камешки удобно бросать, пронося руку сбоку от плеча. Когда же вы кидаете гранату, старайтесь делать бросок, напоминающий бросок баскетбольного мяча из-за головы. Упражняясь в этом броске с мячом, вы подготовитесь к метанию гранаты. Когда вы проносите баскетбольный мяч над головой, следите, чтобы локти рук не разводились в стороны.

Вместо гранаты лучше метать сначала деревянную чурку.

Если бросок сделан правильно, то чурка полетит, кувыркаясь, в вертикальной плоскости; если же вы пронесли руку не над плечом, а сбоку, чурка будет кувыркаться в наклонной плоскости.

Очень полезно метать чурку по узкой мишени, например, стараясь попасть в пространство между двумя узко поставленными стойками для прыжков, между шнурами, подвешенными к ветке дерева. Целясь по такой мишени, вы обязательно сделаете замах и бросок, пронося руку над плечом.

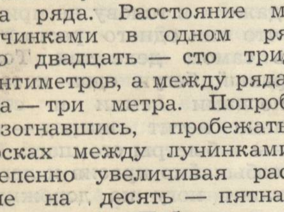
Когда научитесь метать чурку, стоя лицом к мишени, поучитесь правильно выполнять броски, стоя боком к мишени. Затем поупражняйтесь в метании самодельных дротиков.

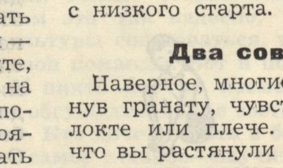
Опытный метатель после броска гранаты, копья, дротика обязательно делает скачок вперед с левой ноги на правую. Благодаря этому результат броска увеличивается на 50 метров. Многие же из вас, метая гранату, становятся вплотную к стартовой планке, делают бросок без скачка вперед, не используют силу ног.

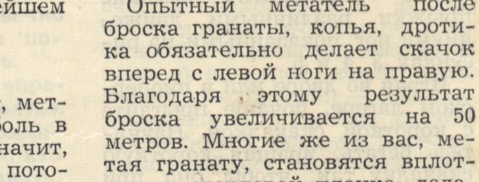
Не повторяйте этой ошибки! Становитесь за второй планкой или чертой, проведенной на расстоянии ста двадцати сантиметров от линии метания. После броска делайте энергичный скачок вперед, к стартовой планке, на правую ногу.

Если нынешним летом вы научитесь проносить руку над плечом в броске и завершать его скачком вперед, вы сможете метнуть гранату на шесть — десять метров дальше.

М. Черевков

СОВЕТЫ ВОЖАТОГО

Прошлым летом я работал вожатым в нашем заводском лагере. Вспоминается мне один случай: пришли к нам в гости ребята из другого лагеря. Ходят по территории, смотрят, восхищаются:

— Какая у вас спортплощадка богатая! Целый стадион!

— Это мы сами построили,— объясняют наши ребята.

— А пруд какой! Да нам бы такой пруд, уж мы бы...

— Это ребята из первого отряда пруд расчистили,— поясняют наши.

— Как здорово, что у вас каждый отряд носит пилотки одного цвета! Где вы такие красивые шапочки покупали?

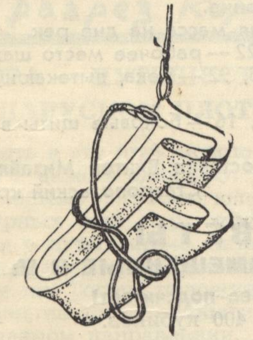
— Зачем покупать? Это наши девочки сшили в лагерной пошивочной мастерской...

Лагерь! Не санаторий, не дача, а именно лагерь — маленькая пионерская республика. Свои пионерские обычаи, своя красота, своя парадность, свой уклад жизни...

И вот опять настало лето. Может быть, ты приехал или собираешься ехать в пионерлагерь. Мне хочется задать тебе один вопрос: что ты умеешь делать? Будет ли в вашем лагере какая-нибудь хорошая вещь, о которой ребята скажут: «Это сделал такой-то»—и назовут твое имя? Мне бы хотелось, чтобы на этот вопрос каждый из вас смог ответить: «Да, будет». Что можно смастерить в лагере? Всего не перечислишь. Но несколько советов я хотел бы дать.

Каждое утро поднимается на мачте лагерный флаг.

Как сделать, чтобы флаг, достигнув верхушки мачты, как говорят моряки, «разрывался» — развертывался с громким хлопаньем? Чтобы флаг «разорвался», его надо сложить по-

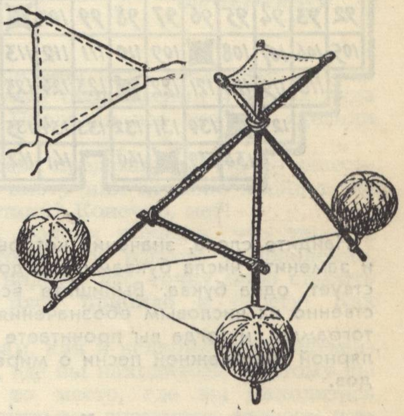

особому, как показано на рисунке. Поднимают флаг в свернутом виде, и только когда он дошел до самого верха, надо, придерживая подъемную веревку, быстро дернуть за спусковую. Чем сильнее хлопок, тем, значит, искуснее поднят флаг.

* * *

Ученики тридцать первой московской школы построили для своего туристского лагеря лодки и байдарки. Но это работа сложная. А вот шароплав такой, как сконструировали ребята со станции юных техников Ленинского района Москвы, может сделать каждый.

Выстрогайте из сосновых или еловых брусков три круглые палки длиной по 140 сантиметров, толщиной в 4—5 сантиметров, свяжите их, как показано на рисунке. Из плотной парусины выкройте и подрубите равносторонний треугольник с длиной стороны в 40 сантиметров. Закрепите треугольник на верхних концах палок. Это будет сиденье; к нижним концам палок привяжите надутые баскетбольные или волейбольные камеры.

* * *

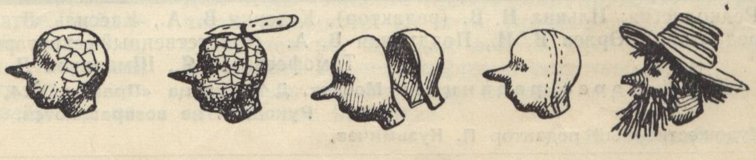
Хорошо, если в лагере есть свой кукольный театр. Сделать его не так уж трудно. Головки кукол лучше всего сделать из папье-маше. Сначала голову лепят из глины, потом, когда она высохнет, ее смазывают вазелином и накладывают на нее ровными небольшими квадратами слой мокрой бумаги. Когда бумага просохнет, ее мажут клеем и таким же образом накладывают еще четыре — пять слоев бумаги. Получается плотная маска из папье-маше. Высушив маску на солнышке, ее разрезают на две части и вынимают глиняную форму. А голову склеивают полоской материи.

Теперь осталось только раскрасить головку, приклеить волосы, сшить из лоскутков костюм.

Когда сделаете несколько кукол, можно ставить инсценировки сказок, короткие пьески. А то попробуйте сами сочинить смешную сценку из жизни вашего лагеря, и пусть кукла изображает знакомого всем ребятам драчуна, озорника, неряху.

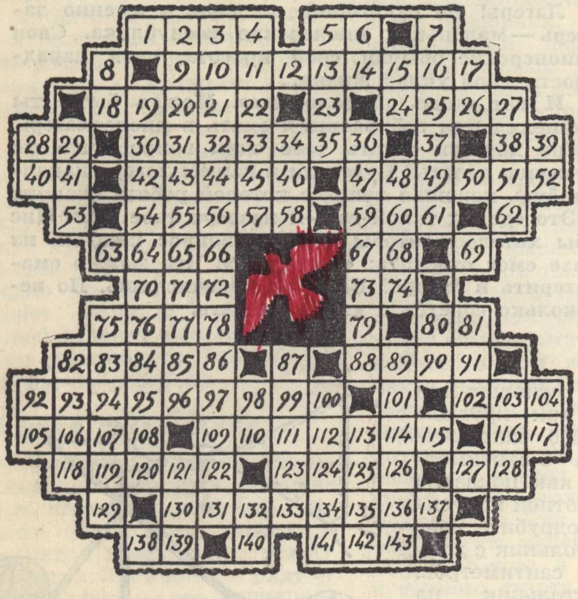
Вожатый пионерлагеря «Салют» станции Подьячево, Московской области,

Ю. Сухачев.

В часы досуга

ПЕСНЯ ДРУЖБЫ

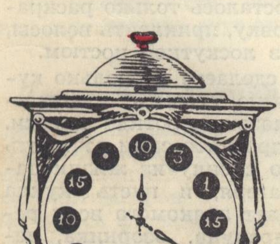

Найдите слова, значения которых указаны ниже, и замените числа буквами. Каждому числу соответствует одна буква. Выпишите все буквы соответственно их числовым обозначениям в клетки криптограммы, и тогда вы прочитаете отрывок из популярной молодежной песни о мире и дружбе народов.

I. 82, 48, 116, 131, 118, 68 — спортивная игра на льду.
II. 57, 12, 106, 108, 45 — краткое название крупнейшей реки в Китае.
III. 113, 123, 77, 55, 59, 93 — морское ластоногое животное.
IV. 17, 31, 89, 43, 53 — стихотворный размер.
V. 30, 7, 124, 62 — ударный музыкальный инструмент.
VI. 139, 64, 83, 109, 141, 120 — ценная техническая культура.
VII. 3, 122, 41, 84, 105, 97 — ядовитая австралийская змея.
VIII. 102, 73, 26, 133, 24, 85, 111 — корпус самолета.
IX. 91, 35, 71, 10, 126 — растение из семейства бобовых.
X. 75, 100, 86, 21, 127, 134, 40, 9 — прибор для проверки горизонтального положения линии плоскости.
XI. 80, 138, 49, 78, 15, 142, 38 — столица Литовской ССР.
XII. 20, 50, 42, 27, 88 — черенок винограда для посадки.
XIII. 79, 58, 112, 32, 72, 129, 95, 69, 56, 81 — известковые наросты на потолке пещеры.
XIV. 11, 94, 66 — хищное животное.
XV. 19, 103, 76, 117, 74, 107 — древнее рабовладельческое государство в Закавказье.
XVI. 87, 125, 14, 52, 47, 61, 25 — приток Северной Двины.
XVII. 98, 104, 36 — весенний месяц.
XVIII. 140, 135, 132, 110, 119 — фруктовый или ягодный сок с сахаром.
XIX. 70, 63, 5, 128, 34, 114 — символ мира и дружбы.
XX. 18, 65, 8 — прибор для измерения глубин.
XXI. 90, 96, 29, 23, 115, 28, 130, 121, 39, 13, 4 — высшее учебное заведение.
XXII. 101, 136 — вязкая масса на дне рек.
XXIII. 143, 60, 51, 67, 22 — рабочее место шахтера.
XXIV. 2, 137, 54, 46, 6, 92 — река, вытекающая из озера Ильмень.
XXV. 99, 33, 44, 37, 1, 16 — боковые щиты в театральной декорации.

Составил **Виктор Михайлюк**, Ставропольский край.

ЗАГАДОЧНЫЙ БУДИЛЬНИК

Найдите способ прочитать на циферблате этого будильника имя и фамилию известного русского механика-самоучки, который много работал над усовершенствованием часов.

Составил **Н. Васильев.**

ОТВЕТЫ

НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 5

Кто быстрее подсчитает!

Фигура сложена из 400 кубиков.

Катина покупка

Из слов, в которых есть буквы, входящие в название отгадываемого продукта («колбаса», «пряники»), нужно исключить те буквы, которые содержатся в словах, полностью не совпадающих с названием покупки («сахар», «печенье»). Останутся буквы: к, о, л, б, я, и.

Из этих букв, исключая повторяющиеся дважды, составляется слово «яблоки», которое и является отгадкой.

Магический квадрат

1. Краб; 2. Роза; 3. Азия; 4. Баян.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

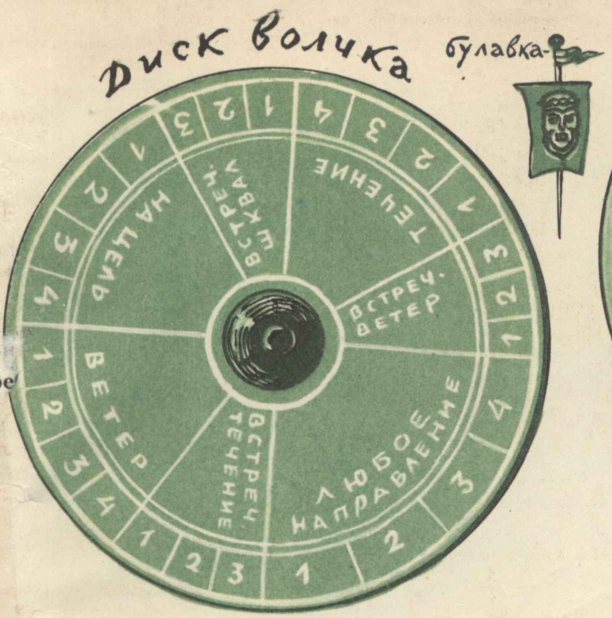
Рукописи не возвращаются.

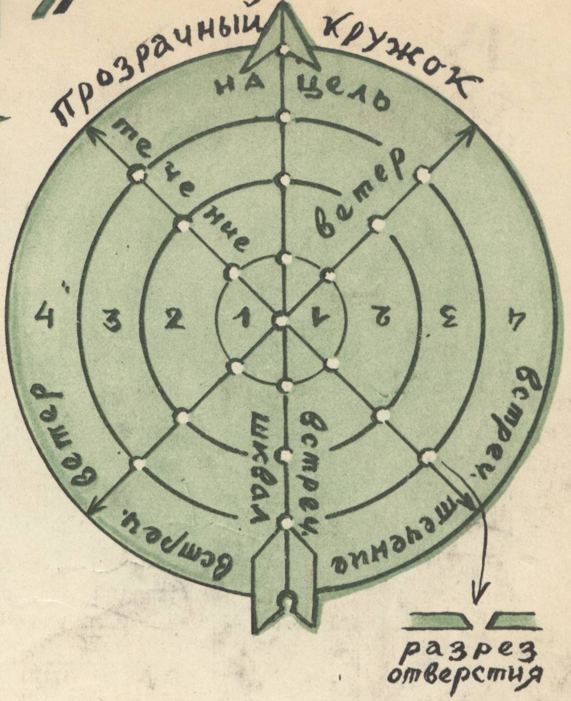
Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **О. Швова.**

А 05044. Подписано к печати 27/V 1957 г. Тираж 350 000 экз. Изд. № 601. Зак. 1203.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

«КОН-ТИКИ»

ИГРА — ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАРТЕ НА ПАРУСНОМ ПЛОТУ ИЛИ КОРАБЛЕ

Играть в эту игру можно вдвоем, втроем, вчетвером и даже в одиночку.

По общему согласию вы находите на одной из контурных карт порт, откуда вы хотите отправиться в путешествие. Затем выбираете пункт, в который вы хотите прибыть морским путем. Отметьте их. Теперь положите прозрачный кружок центром на точку отплытия, а стрелу направьте в желаемом направлении.

Плыть вы будете на парусном плоту или корабле, а их скорость зависит от течения и от ветра. Поэтому, прежде чем отправиться в путь, вы должны узнать, в каком направлении ваш плот понесет течение или куда его направит ветер. Кроме того, надо знать, с какой скоростью вы будете плыть.

Чтобы все это выяснить, возьмите волчок и вращайте его. Предположим, что волчок остановился так, что стрелка указывает на цифру «2» в той части волчка, где написано «ветер». Это значит, что ваш плот понес ветер со скоростью, равной двум делениям. А куда? Посмотрите на прозрачный кружок, лежащий на карте, найдите на нем полосу, на которой написано «ветер», и, отсчитав на этой полосе два деления (отверстия), поставьте карандашом на карте точку. Эта точка на карте и будет тем местом, куда забросил ветер ваше судно.

Чтобы вы видели ваш путь, соедините черточкой две точки: пункт отправления и место, куда вас отнес ветер. Проделав все это, вы сделали один ход в игре.

Но можно ли себе представить, что путешествие на парусном плоту или корабле пройдет без всяких происшествий? Конечно, нет!

Вот, например, волчок показал, что течение отнесло вас в сторону от взятого направления. Отсчитали — и видите, что точку надо ставить на суше. Ваш плот прибило к берегу! Как быть?

Прежде всего вам, как и всякому путешественнику, надо знать, где вы находитесь. Поэтому вы должны назвать то место, где вы находитесь (пользуясь собственными знаниями, атласом или «Словарем географических названий» и другим справочным материалом).

Если вы назвали его, вы получаете лишний ход, ставите кружок центром на ту точку побережья, куда прибило ваш плот, и двигаетесь дальше, а если не назовете, вы лишаетесь хода.

Выигрывает тот, кто первый пришел к цели путешествия.

В игру можно вносить различные изменения. Можно делать сразу не один ход, а три. Если ваше судно попадает на линию постоянных пароходных рейсов или в попутное течение, вы получаете право два следующих хода сделать в их направлении.

Вы можете разнообразить свой путь охотой на китов, которых можно заранее нарисовать на карте. Вам, конечно, придется стрелять по ним. Для этого отмерьте прозрачным кружком количество отверстий до кита; предположим, что их будет четыре. Вращая волчок против стрелки, вы видите на нем цифру, и если она будет «4», считается, что кит убит. За одну очередь можно сделать два выстрела.

Н. Малишевский

Цена 2 р. 50 к.

«КОН-ТИКИ»

—по морским просторам—

путешествие по карте на парусном плоту

Эту игру-путешествие придумал артист Театра имени Евг. Вахтангова Н. Малишевский. О том, как играть в нее, прочтите на обороте.

Рисунок В. Цельмера.